

Метагалактика-4

Метагалактика

4

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ:

- комплект журнала "Приключения, фантастика" за 1991 г. — 1000 р.
- комплект журнала "Приключения, фантастика" за 1992 г. — 1000 р.
- журналы ПФ 1,2,3 1993 г. — 500 р.
- подборка избранных номеров еже-
месячника ужасов, мистики и аномаль-
ных явлений "Голос Вселенной" (серия
публикаций "Записки воскресшего",
"Вампиры, оборотни и людоеды", про-
рицания и пророчества до 2000 г., са-
мозащита от порчи ...) — 500 р.
- книги серии "Приключения, фанта-
стика": "Бойня", "Измена", "Западня",
"Прокол", "Бродяга", "Сатанинское
зелье", "Чудовище" — по 250 р.
- историческое исследование о две-
надцатитысячелетней истории Русского
Народа "Дорогами богов" — 600 р.
- **талисман-оберег** от сглаза, порчи,
энергетического вампиризма, зомбиро-
вания, демонизации, всех видов колдо-
вства, а также от нежелательных кон-
тактов с бесами, призраками, оборот-
нями и инопланетянами — 1000 р.

Почтовые переводы высылать
по адресу редакции: 111123,
Москва, а/я 40, Петухову Ю.Д.

Внимание! Для "стран СНГ" -
коэффициент - 2.

Метагалактика-4

СОДЕРЖАНИЕ

Дм.Изосимов. ХИЩНОЕ НЕБО. Фантастическая повесть	3
В.Конеев. ПОХИЩЕННЫЙ. Фантастико-приключенческая повесть-сказка	71
М.Остроухов. Война с детьми. Фантастический рассказ	181

© МЕТАГАЛАКТИКА

Художники Р.Афонин, А.Филиппов

ЛР 060423

111123, Москва, а/я 40.

Директор, гл. редактор Ю.Д.Петухов

Подписано в печать 12.06.93. Формат 84x108/32.

Тираж 40 тыс. экз. Заказ 183.

Отпечатано с оригинал-макета в Московской
типографии 13. 107005, Москва, Денисовский
пер., 30.

Розничная цена свободная.

Индекс 73257 ISSN 0135-5511

Метагалактика-4

ХИЩНОЕ НЕБО

Фантастическая повесть

I

В помещении было сумрачно и холодно. Антон подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и поискал дверь. Дверь находилась в дальнем углу и была полуоткрыта. У самой крыши белел пунктир маленьких окон, похожих на прожектора, и слабый свет отражался на голых высоких стенах.

Сзади, царапаясь и скрипя, откатилась трехметровая и ребристая половина ворот, и Сергей закрыл вход. Антон поглядел по сторонам, поправил на плече футляра камеры и уверенно пошел в конец ангара.

За дверью чернел мрак и пахло резиной. Подошел Сергей, заглянул туда и включил фонарик. Яркий круг света застыл, освещая ржавые металлические конструкции, потом переместился влево и запрыгал по стенам. Сергей перешагнул гнутый, словно ошлавленный порог и огляделся — коридор был длинный. Антон шагнул вслед за ним и тихо сказал: — Лестница в конце коридора. Пошли.

Коридор казался нескончаемым. По крайней мере для Сергея. Антон успел побывать здесь еще вчера и хорошо освоился, выучив первый этаж и лестницу лабиринта. Они поднялись по лестнице на второй этаж. Здесь было светлее, чем внизу. Свет просачивался сквозь рваные отверстия на потолке и был жестким, по-зимнему холодным и неудобным. На железном полу блестели пупырышки, мокрые от снега. Сергей зачем-то посветил в сквозные отверстия и, удовлетворенный, стал наблюдать за Антоном, который медленно и осторожно открыл дверь с ржавым механизмом замка и заглянул внутрь.

Внутри он увидел широкий зал, разделенный мшистыми кирпичными переборками на комнаты. Антон еще ни разу не был здесь и поэтому с любопытством и недоверием оглядывал помещение. Сергей обошел все комнаты, но не нашел там ничего, кроме кирпичного мусора.

— Ну? — спросил Антон, вынимая из футляра камеру.

— Нет там ничего, — мрачно отозвался Сергей.

Они прошли еще три таких зала. Антон все это записал на кассету и остался недоволен. Этого было мало. Стены, комнаты, переборки... Все это вряд ли могло заинтересовать Норгона, но Антон был аккуратным человеком и старался заснять все, что намекало на присутствие органической жизни. Вполне возможно, что все это сделали киберы, но ведь где-то должны быть их хозяева...

Кончился новый коридор и уперся в арочный мостик, переброшенный через гигантский цех. Под потолком неподвижно застыли толстые провисшие кабели; с них свешивался вниз какой-то мусор, похожий на водоросли: не то пакля, не то лопнувшая изоляция. Справа пространство от пола до потолка было заполнено разномастными трубами и цветными запечатанными резервуарами. Слева было относительно свободно, только на мокром полу стояли низкие редкие контейнеры и мятые баки. Освещение было искусственным; на потолке тускло светили большие круглые лампы. Несомненно, без рук местных жителей здесь не обошлось. Камера щелкнула и зажужжала, и Антон направил видеоскатель на струю пара, бьющую из черной трубы.

Пока Антон снимал цех, Сергей оперся на тонкие перила и посмотрел вниз. Там он увидел железные дырчатые опоры, намертво сросшиеся ржавчиной крепления, разбитые лампы. Он дошел до конца моста, заглянул в пустой дверной проем и позвал Антона. Антон выключил камеру.

— В чем дело?

— Подойди сюда.

Они стояли на краю гигантского цеха, гораздо большего, чем предыдущий. На потолке зияло огромное отверстие, и через него проникал сюда вместе со снегом яркий свет и освещал круглое пространство на полу, вогнутое, как чаша, с множеством многогранных ячеек. В полосу света попадались также длинные цепи, болтающиеся на помятой ферме, сама ферма и штабель железных балок около стены. Где-то лилась вода.

Антон присел, чтобы сменить кассету, вставил новую, заработала камера.

— Стартовая площадка... — бормотал Сергей, разглядывая ячеистую поверхность круга. — Ну конечно же! Только вот цепи...

— Что ты говоришь? — спросил Антон.

— Я говорю: похоже на стартовую площадку. Весьма примитивно, конечно, но...

— Возможно.

— Ты кончил?

— Нет еще. Сейчас... — Антон еще раз обшарил объективом цех.

Они подошли к противоположной стене. Двери не было. Была высокая прямоугольная арка, ведущая в неизвестность, которая вяло светилась и молчала. В темноте чертыхнулся Сергей, загремела, падая, железная палка.

— Что там? — спросил Антон.

— Тут много железных прутьев, — сказал Сергей.

— Ты там, Сережа, поосторожнее.

— Ладно...

Антон не видел, но знал, что Сергей отмахнулся. Сергей всегда реагировал на подобные вопросы одинаково. И отвечал тоже. «Что он все время отмахивается? — раздраженно подумал Антон. — Ведь опять начнутся неприятности. И все из-за него.»

Арка кончилась и расширилась в круглую высокую комнату, в центре которой стоял колодец в метр диаметром, огороженный тонконогой решеткой. Сергей подошел к решетке, перегнулся через шаткие перила и крикнул в темноту:

— Э-эй!

Темнота дыхла на него запахом горевшей резины, гнилых растений и погребом. Получив в ответ слабое: «Э-эй!», Сергей включил фонарик и осветил внутрь. Стены колодца были каменными, гладкими, уходили вниз, насколько позволял фонарик, и пропадали. Сергей оглянулся и не увидел Антона. Он посмотрел вокруг, ища другой выход, нашел открытую настежь дверь и перешагнул через высокий порог.

Он увидел просторное помещение, пол которого был равномерно покрыт темными квадратами шахт.

— Ну что?

— Я насчитал тридцать две шахты. Странно, да?

— Что странного?

— Да шахты. Ровно тридцать две. Раманостру вчера удалось забраться на третий этаж.

— Ну?

— Там тоже тридцать две шахты. И все покрыты копотью, как от ракетных двигателей.

Сергею захотелось спрыгнуть и осмотреть их. Он нагнулся, держась за ржавые перила, глянул на пол. Было вы-

соко — метра четыре, не меньше. Сергей почистил руки от ржавчины.

— Все, — сказал Антон, вынимая кассету. — На сегодня хватит.

Они пошли обратно. Опять промелькнул огороженный колодец, арка, потянулись навстречу арочный мост, трубы, по которым что-то с урчанием лилось, краны, неподвижные шестерни, отсеки... Все это напоминало часовой механизм, съеденный от времени ржавчиной — целыми и невидимыми остались только отдельные части.

Антон остановился, упаковывая камеру и кассеты в черный кожаный футляр. Сергей ухватился за ребро правой воротины, откатил ее в сторону и на время ослеп от света, больно ударившего в глаза. Холодный ветер толкнул в грудь, на щеках стали таять большие и мягкие снежинки. Антон недовольно поморщился, встал, щелкнув замочком футляра, вышел из Павильона и стал закрывать ворота. Загрохотало железо, поползло, гулко ударило и затихло.

Пурга была настолько сильной, что не было видно антиграва — только смутно темнели впереди округлые контуры. За время их пребывания в Павильоне здесь намело порядочный сугроб, и им пришлось идти по колено в рыхлом снегу.

Антиграв стоял недалеко, в двадцати метрах от ворот. Сергей дошел первым, разблокировал замок и поднял гладкий широкий фонарь из прозрачного оргалита. Антон постучал ногой о борт, выбивая налипший снег, сел в кресло, и Сергей закрыл фонарь.

Сергей в кресле пилота почувствовал себя на своем месте, вновь деятельным и разговорчивым. Он включил систему отопления, под жужжание крошечных электродвигателей расстегнул куртку и повернулся вместе с креслом к Антону. Антон молча смотрел в пространство перед собой, потирая красные от мороза руки, и о чем-то думал. Обоим хотелось говорить. Сказывалось напряженное молчание в Павильоне.

— Странно, — сказал Сергей. — павильон-то, оказывается, действует.

— Да, — согласился Антон. — Непонятно только, где они берут энергию?

— Они?

— Мне так кажется. Такую машину трудно бросить просто так.

— Значит, были причины.

— Какие? Назови мне хотя бы одну и объективную.

— Например, эпидемия. — Сергей загнул палец. — Отравление ядовитыми газами. Радиация, наконец. Ты видел, сколько там труб?

— Видел. Но все эти причины очень нестойкие, слабые. Если бы была эпидемия или отравление, мы бы нашли тела. (Сергея передернуло.) А насчет радиации... Мы вчера проводили тестирование. Результат — ноль целых, ноль-ноль-ноль и так далее.

— Н-не знаю, — неуверенно сказал Сергей. — Мне почему-то кажется, что здесь ничего нет. Я имею ввиду белковую жизнь. А если и была, то давно погибла.

— Возможно, — сказал Антон. — Все возможно.

Сергей включил двигатель, вытащил антиграв из сугроба и полетел вперед, наращивая скорость и высоту. Антиграв сделал прощальный круг над Павильоном. Прямоугольный Павильон медленно повернулся, показывая четыре ровные стены, просел вниз и исчез за плотным снежным облаком.

Видимость была отвратительной. Снежинки лепились на поверхность фонаря и соскальзывали. Впереди весьма неопределенно проступила темная серповидная кромка. Сергей посмотрел это место на экране. Внизу был действительный кратер. Антиграв спикировал вниз и едва не зацепился за край ледяного нароста. По корпусу пробежала дробь и щелканье, как град. Антиграв перевалил через ограду ледяных зубцов и направился туда, где был корабль.

«Единорог» лежал в центре пятикилометрового кратера. Сначала это была просто точка. Потом она вытянулась в длину, выросла, и корабль понемногу стал принимать свои обычные формы.

Это был обычный звездолет среднего класса, уже два года носивший свое имя под эгидой научных исследований в созвездии Лиры. Десятки подобных звездолетов Земля отправляла за миллионы километров от Солнечной системы; сотни добровольцев осваивали планеты, чужие миры, где в каждом углу таится смертельная опасность. Некоторые возвращались в запаянных гробах, иные не возвращались вообще. Внеземелье не хотело принимать человека как равного.

Сергей опустил рукоятку руля. Антиграв резко прижался к снежной поверхности плешивого дна кратера, развернулся боком и осторожно сел в снег рядом с антигравом Нортон и Раманостра.

Антон вылез первым и прыгнул вниз, прижимая футляр камеры. Скрипнул, прогибаясь, наст, и вокруг сразу же

возник крутящийся смерч снежной пыли. Пока Сергей закрывал машину, Антон постучал по поверхности корабля. Многолепестковая диафрагма раскрылась, Антон вошел и подождал Сергея. Тот быстро заблокировал замок и, подходя к раскрытому настежь люку, сказал:

— Пошли. Они, наверно, уже там.

Сергей пересек фотоэлемент, и диафрагма свернулась, загерметизировав люк.

В кают-компании было по-домашнему тепло и уютно. Психологи и дизайнеры заботились, чтобы в помещении корабля всегда было удобно и астронавт чувствовал комфорт. Антон сейчас сразу же почувствовал этот комфорт после ненастья и сел в мягкое, как шерсть, кресло.

Нортон сидел в самом тихом и незаметном месте, рядом со шкафом и настенной картой, на которой угадывался рельеф прозондированного участка. Антон сначала не заметил его, а потом увидел, что Нортон спит. Бледность смуглого лица, дрожащие веки, взъерошенные волосы и усталая поза указывали на то, что он вымотался за день и все оставшееся время будет нелюдим и молчалив.

Сергей сел рядом с Антоном, закрыл глаза и шумно вздохнул. На некоторое время в кают-компании установилась тишина. По комнате циркулировал теплый воздух. Сергей, не раскрывая глаз, сказал:

— Жарко!

Он снял куртку и небрежно бросил на соседнее кресло. Вошел Раманостр, высокий, подтянутый, как спортсмен перед соревнованием. Темные густые волосы после душа наполовину высохли и слегка вились. В руках Раманостр держал какие-то книги.

— Ну как? — спросил он, выкладывая книги на стол.

— Все нормально, — сказал Сергей и потер висок. — Засняли второй этаж. А вы?

— Потом, потом. Всему свое время. Вот проснется капитан...

— Я не сплю, — неожиданно сказал Нортон и открыл глаза. Все посмотрели на него.

— Может, начнем сейчас? — предложил Сергей.

— Не возражаю, — сказал Нортон и потянулся.

— А может, сначала чайку? — подал голос Антон.

— Отчего же нет? Можно и чайку, — согласился Раманостр и взял книгу.

— Согласен, — сказал Нортон.

— Я сейчас. — И Сергей убежал на кухню.

Через несколько минут команда пила чай, и он был необычайно вкусным и горячим. Так умел заваривать только Сергей. Положив сахар, Раманостр спросил:

— И много вы наснимали там, в Павильоне?

— Много, — ответил Сергей и зажмурился — сделал сильный глоток. — Горячий, черт!

Антон достал из футляра блестящие плоские кассеты с фирменной наклейкой и положил на стол. Снежинки на полиэтиленовом покрытии куртки давно растаяли и испарились. Антон снял куртку и спросил:

— Ну что. Начнем?

— Пожалуй, начнем, — сказал Нортон и допил из пластмассовой кружки.

— Кто уберет?

— Я приносил, — напомнил Сергей.

Все посмотрели на Раманостра.

— Почему я? — деловито осведомился Раманостр.

— Ты сегодня дежурный, — сказал Антон.

Раманостр взял поднос и, уходя, крикнул:

— Без меня не начинайте!

Когда Раманостр вернулся, он выключил свет (так было лучше смотреть) и вставил кассету, которую принес с собой. Экран ожил, задергался и на нем застыло изображение высокого холма, на вершине которого темнело пятно леса.

— Итак, — сказал Раманостр, — мы с капитаном обследовали северную часть холма. На этой стороне находится лес. Причем это характерно для всех холмов — я посмотрел сверху несколько холмов подряд, и на северном склоне каждого есть лес. Небольшой, километра два в длину и примерно столько же в ширину.

Раманостр умолк и посмотрел на экран. Картина холма сменилась изображением леса «изнутри». Большими хлопьями медленно падал снег. По краям широкой просеки росли кривые и необычайно толстые деревья, вокруг которых на снегу лежала хвоя. Толстые корявые корни, выбившиеся из-под сугроба, напоминали пальцы болотного рогача с системы Лардо. В основном было тихо, только в сумрачной лесной глубине трещали под тяжестью ветки и доносились эхо, похожее на смазанные расстоянием хлопки выстрелов.

На экране мигнуло. Деревья вроде бы остались те же, тот же падающий снег, сугробы, но что-то изменилось.

— Это просека с другого конца, — пояснил Раманостр.

Изображение вздрогнуло, медленно поползло влево, прочь с экрана, и повернулось другой стороной. Послышал-

ся слабый визг, усилился и замер, словно что-то воткнулось. Разлапистая нижняя ветка ближайшего великана отскочила от ствола, уронив вниз порядочный сугроб, и упала в мягкий ровный снег. Камера приблизилась к дереву, и они увидели, что свежий срез ровный, аккуратный, будто сделан острым палашом.

На экране снова появился холм, несколько увеличенный, следом за ним множество заснеженных бугров с зелеными пятнами на северной стороне и над всем этим низкое зимнее небо, переходящее над горизонтом в розовую полосу. Раманостр выключил экран.

— Это все.

— Все? — спросил Антон.

— Ну, могу добавить, что все леса однородны по составу пород деревьев, животных...

— Животных?

— Да. Я видел следы.

В кают-компании сразу стало тихо. Упоминание о следах породило неловкое смятение.

— Ну что ж, давайте посмотрим вашу работу, — после недолгого молчания предложил Нортон.

Антон занял место Раманостра и прокомментировал съемки.

— Мне кажется, — сказал он в конце, — что Павильон заслуживает большего внимания и нам в нашей работе следует сделать акцент именно на него.

— Почему? — спросил Раманостр.

— Потому что Павильон — дело рук разумных существ, а это немаловажное свидетельство...

— Мне почему-то не верится, что здесь есть разумные существа. Или были. Два года мы изучаем эту систему и нигде не обнаружили даже следов присутствия разума.

— Да, но согласись, раз существует Павильон, а мы знаем про него очень мало, — вероятность встретить цивилизацию существенно повышается. Взять хотя бы диаграмму Вандарова...

— Так, — сказал Нортон. Все замолчали. — работать будем так же, как работали до этого. Антон и Сергей — Павильон, я и Раманостр — лес. Но... Мы здесь всего вторые сутки. Мы ничего не знаем про здешних обитателей. Мы мало изучили растительность... В общем, вы меня понимаете. Пожалуйста, без самодеятельности. Это все.

«Все» — подумал Антон с непонятным раздражением. Сказал, как отрезал, как будто так и надо. Как поразительно

здесь меняются люди. Особенно такие, как Нортон. Черствеют, становятся твердыми, как гранит. Теряется незащищенность к эмоциям, а без нее человек — не человек, а камень. Иногда появляется скептицизм. Как у Раманостра, например.

Антон вышел из кают-компании последним и направился в библиотеку. Хотелось немного расслабиться после нервного напряжения в Павильоне. Антон еще раз представил цех с путаницей труб и баков. Нет, ничего у него не получится. Он слишком мало знает, чтобы строить определенные выводы. Слишком мало.

В библиотеке уже сидел Раманостр и что-то читал. Рядом на столике лежали те книги, которые он приносил в кают-компанию. Антон сел в кресло и спросил, беря книгу:

— Что читаешь?

Он перегнул стопку страниц и быстро перелистал книгу. Замелькали диаграммы, графики, рисунки. Антон посмотрел на корешок. Книга называлась «Жизнь в системах красных карликов».

Антон посмотрел на другие книги. Странные это были книги, весьма далекие от профессии Раманостра. Штурман никогда этим не занимался, да и не мог. Антон прочитал несколько названий. Тут был первый том «Общей биологии», огромный, как инкунабула, «Млекопитающие системы Лардо» и так далее.

Раманостр положил книгу на стол, и Антон увидел, что страницы нещадно исчерканы карандашом.

— Рам, с каких это пор ты стал увлекаться биологией? — спросил Антон и подбородком указал на карандашные записи.

— С сегодняшнего дня, — резко ответил Раманостр. Потом добавил, невесело усмехнувшись: — Не сердись. Понимаешь, я тут заинтересовался лесом... — Он странно на него посмотрел и вдруг стал серьезным. — Антон, ты можешь мне помочь?

«Что это с ним сегодня», — подумал Антон. Раманостр волновался. Пальцы обеспокоенно теребили переплет книги, крутили карандаш.

— Как? — спросил Антон.

— Нет, ты скажи: можешь или нет?

— М-могу, — неуверенно ответил Антон. Странно было видеть Раманостра, который разнервничался из-за пустяков. Это Раманостра, с его-то стальными нервами!

— Тогда пошли, — быстро сказал Раманостр и засуетился.
са. — Где моя куртка? А, вот она. Идем прямо сейчас.
— Куда?
— Потом расскажу.
— Это связано с лесом?
— Я же сказал: потом.

Антон поднялся. Они вышли из библиотеки и пошли по коридору вдоль стен, усеянных несколькими рядами крошечных плафонов ламп, настенных информаторов внутренней связи, мимо толстых переборок. У выхода Антон вспомнил, что оставил куртку в кают-компании, сбегал за ней и по просьбе Раманостра захватил камеру.

Пурга исчезла. Вместо нее с низкого серого неба сыпались снежные хлопья и прикрывали лужу на голой черной земле, там, где находился край огромной ямы, выжженной фотонным пламенем под звездолетом. Он же прикрывал скрюченные тонкие листья каких-то растений, чудом оставшихся в живых.

Антон вышел из люка. Жужжа, свернулась диафрагма, и люк закрылся.

II

Раманостр торопился. На то, чтобы долететь до леса и обратно, уходило полчаса. Да еще плюс время, нужное ему для своих дел. По вполне понятным причинам он нервничал, слишком резко двигал рукоятку руля, и антиграв каждый раз встряхивало и валило набок.

На этой высоте дул сильный боковой ветер и стаскивал антиграв в сторону. Экраны заднего и нижнего вида показывали однообразную белесую муть. Наверно объективы забило снегом. Антон включил графический режим. Муть сменилась схематическим изображением кратеров, горных цепей, похожих на треснувшие рубцы, складок, которые медленно сползли вниз экрана и едва заметно подергивались.

Впереди сквозь снежную завесу проступали первые холмы, поросшие густой щетиной деревьев. За ними, насколько хватало глаз, тянулось холмистая долина, а над горизонтом низко висело красное, с размытыми краями, солнце, похожее на опухоль.

Холм медленно приблизился, и отчетливо стала видна большая снежная шапка, накрывшая деревья. Когда спустились пониже, Антон увидел просеку, широкую и длинную, насквозь пробившую лес.

— Это и есть та самая просека?

— Да.

Антиграв опустился на снег и по инерции прокатился несколько метров на гладком днище, с хрустом подминая наст. Позади осталась темная давленная борозда. Раманостр сразу же побежал куда-то, оставив Антона осматривать окрестность. Антон увязая по колено в снегу, направился к деревьям.

Деревья были те же, что и на экране в кают-компании. Кора, толстая и сморщенная, как шкура слона, была холодной и вызывала странное ощущение: как будто прикасался к замерзшему человеку. Антон вспомнил это давно забытое ощущение и почувствовал себя опустошенным. Как там, на Обероне. Неподвижные скалы льда, рытвины, камни, впадины, бугры, — все покрыто слоем ледового панциря. А в центре огромной ямы лежит скафандр. Прозрачная часть гермошлема разбита вдребезги, по краям торчит зубчатая кайма осколков. И лицо, Алешкино лицо, спокойное, безмятежное, уже покрытое твердой прозрачной коркой... Еще одна дань, взятая природой. Когда Антон увидел его, сразу подумал: почему он? Почему не я или не Сергей? А ведь хороший был парень...

Все это походило на кошмар, дурной сон, только от него не просыпаются, он остается на всю жизнь. Антон постарался прогнать это воспоминание, но ничего не получилось. осталась тоска.

Идти было трудно — мешали корни, скрытые снегом. Дальше, углубляясь в лес, деревья мельчали, становились уродливее. На коре появились бугры и складки, и ствол напоминал оплывшую свечу. Часто попадались широкие ямы, будто выжженные огнем, с заледеневшими краями и скрюченным кустарником на дне. Антон посмотрел по сторонам и увидел следы.

Это были глубокие, четкие отпечатки трехпалых конечностей, как следы динозавров в Гоби. Несомненно, они принадлежали здешнему хищнику-гиганту. Непонятны были только полосы взрывного снега и сбита кора. Антон пригляделся и только сейчас заметил когти, а точнее, следы когтей, длинных и загнутых, и сразу почувствовал эти когти у себя в животе. Антону это не понравилось. Вспомнились слова Нортон о «самодеятельности».

Сзади подбежал Раманостр.

— Пошли, Антон, поможешь, — громко сказал он и шумно выдохнул.

— Сейчас, сейчас. Это недалеко?

— Тут, рядом.

Антон развернулся и пошел обратно. Идти теперь было уже легче, и вскоре они вышли на просеку. Раманостр подбежал к антиграву, залез внутрь и оттуда крикнул:

— Антон, садись!

— Ты же сказал: недалеко.

— Понимаешь, я ошибся. Это не совсем здесь. Это километрах в трех отсюда.

— Так. Значит недалеко, да? Может, ты все-таки объяснишь?

— Хорошо, только ты садись ради Бога.

Антон опустил фонарь и сел в кресло пилота.

— Понимаешь, Антон, когда мы с капитаном исследовали эту часть холма, я ненадолго поднялся на антиграве и заметил на севере большое черное пятно. Пятно имело правильную форму эллипса и, как мне показалось, дымилось. В бинокль я действительно увидел, что оно дымилось. Получше отрегулировав бинокль, я разглядел, что это за пятно. Это вода, Антон, небольшое озеро воды. Может, мне показалось, может, нет, но по-моему там что-то шевелилось.

— Может недалеко гейзеровые источники? — предположил Антон.

— Может быть, может быть. Но это надо проверить.

— Ладно. Но поведу антиграв я.

Антон поднял антиграв в воздух, машина вздрогнула и стала плавно набирать скорость.

Лес остался далеко позади и растворился в морозном тумане. Впереди белела гряда холмов. Антон перемахнул через иззубренную ледяную вершину и направился, прижимаясь к самой земле, в сторону темного пятна.

Пятно оказалось лужей, не до конца наполненной воронку на дне огромной ямы-проталины. Жидкость была вязкой, густой и черной, как битум. На поверхности через определенные интервалы времени раздувался сверхъестественных размеров пузырь, протяжно вздыхал и громко лопался, оставив густое облако пара. Вокруг жидкость пенилась и клокотала, как на сковороде, чувствовалась вонь сгнивших листьев и болотных испарений. Около болотца, на мокрой земле торчали сплетения красных растений с омерзительным слизистым налетом. Растения сползали в воду, образуя настоящие заросли, и там становились гуще, а краски ярче.

Вздупся шар черной жидкости, обдал Антона жаром, осел

вниз, и во все стороны разбежалась волна, раскачивая растения и выплескиваясь на бережок.

— Почему они так блестят? — спросил Раманостр, глядя на заросли.

— Не знаю. Какая-то слизь...

— Антон, возьми, пожалуйста, камеру и внимательно следи за болотом.

— А ты?

— Я возьму образцы.

Антон сбегал и принес камеру. Раманостр аккуратно спустился на край воронки и подошел к растениям. Рубчатые следы быстро наполнились водой и белыми подвижными микроорганизмами. Он достал из сумки на поясе перчатки из мягкого пластика, прозрачную банку и стал собирать красную «зелень». Ветки были гибкими, скользкими, плохо отрывались, и из многочисленных пор сыпался белый порошок семян.

Было очень неудобно стоять, потому что спину холодило, а лицо обдавало жаром. Антон подошел к болоту поближе и увидел, как поверхность жижи заволновалась, подернулась рябью, вверх толчками забил волдырь.

— Пошли отсюда, — сказал Раманостр и стал выбираться из ямы на поверхность, но от волнения руки скользили и срывались.

Болото неожиданно успокоилось. Раманостр, держа грязные руки как хирург, смотрел в сторону воронки. На поясе болталась запотевшая банка с образцами. Жидкость прогнулась и со свистом швырнула на край ямы черный, дымящийся мешок. Антон вскочил.

Жирно блестели и топорщились длинные редкие волоски. Мешок не двигался и был похож на человеческий мозг. Антон повидал всякого и встретил это, как и подобает настоящему Искателю: призвав всю свою волю и с немигающим взором. Вниз с мешка сочилась болотная жижа пополам с какой-то зеленой мерзостью и наводила ужасную вонь.

Антон медленно, очень медленно стал подходить к Раманостру, но тот остановил его.

— Стой и не шевелись.

— Почему?

— Это животное или нет?

— По-моему нет.

— А по-моему наоборот. Посмотри на него повнимательнее. Оно дышит.

Действительно, кожа животного едва заметно колыхалась.

— Кожное дыхание... — сказал Раманостр. — Что ты думаешь насчет этого?

— Я стараюсь о нем вообще не думать. Пойдем отсюда, Рам. Мы еще не знаем, что это такое, и вообще не наше это дело.

Мешок зашевелился и повернулся острым концом в сторону Раманостра.

— Почему не наше? — спросил Раманостр шепотом.

— Давай я объясню тебе это на корабле. — тоже шепотом предложил Антон.

— Подожди.

Раманостр взялся за длинный красный стебель, росший рядом, выдернул его вместе с бело-желтым корнем и сделал шаг в сторону животного.

— Что ты делаешь?

Раманостр отмахнулся, осторожно вытянул руку и дотронулся до кожи зверя концом стебля. Кожа мгновенно сморщилась, словно рябь на воде, животное издало утробное урчание, сжалось и отодвинулось.

— Рам, ну что ты ведешь себя как ребенок? — шепотом возмутился Антон и сделал попытку отобрать у него стебель, успевший уже побелеть и увянуть.

— Это обыкновенное животное, — настаивал Раманостр. — Агрессивное, правда, но ничего.

Животное вдруг неприятно задвигало острым концом, как хоботом и глянуло на Антона бельмами глаз. Раманостр засуетился, Антон помог ему выбраться из ямы, и они увидели, как из болота выскочила длинная и гибкая оранжевая конечность и мгновенно обернулась удавом вокруг животного. Волосатый мешок заверещал, задержался, конечность слизнула его с края воронки и исчезла.

Ребята молча смотрели на болото, где часто лопались пузыри, и на зеленоватую гадость на месте, где лежало животное. Дувший в спину ветер стаскивал в сторону пар над болотом. Становилось холодно.

— Я ничего не понимаю, — честно признался Антон.

— В смысле?

— Павильон и лес... Болото и животные... Никак это не вяжется в общую схему.

— Какую схему?

— Я пытаюсь получить логическую цепочку доводов,

объясняющих, что такое Павильон, лес, как все это возникло...

Антон говорил еще что-то, потом повернулся. Раманостр нигде не было. Потом он появился, спускаясь с вершины высоченного бугра, подошел к Антону и устало сказал:

— Там еще несколько болот. И в каждом растет это... — Он показал на растения.

— Они расположены в правильном порядке, по прямой, пунктиром. Я не знаю, как это объяснить, — добавил он и пошел дальше, где стоял антиграв.

Раманостр прав, подумал Антон. Прав относительно того, что это трудно объяснить. В голове такой сумбур, а ведь приходится принимать решения. Решения... И самое главное, не знаешь от чего оттолкнуться. Не знаешь, что взять за основу. Трудно.

— Антон, поехали! — крикнул Раманостр и включил двигатель.

Да, надо ехать. А то нас заждались, наверное. Антон залез в теплый антиграв, развернулся и полетел по прямой, по пеленгу «Единорога».

— Я же сказал: никакой самостоятельности! — Нортон упор посмотрел на Антона, потом добавил мягче: — Вы поймите меня правильно, если что-нибудь с вами случится — мне за это отвечать. К чему этот неразумный, а точнее, глупый риск?

У Нортоня были красные глаза и вообще он выглядел неважно. Вот если бы командиром был Сергей или, скажем, Раманостр, он, Антон, возразил бы, что, мол, мы давно вышли из детского возраста и каждый может подумать о себе сам. Но Нортону говорить этого не хотелось. Не то, что он будет неумолим или даже жесток, а таким все-таки приходится быть, просто... Ну, в общем, не хотелось. Да и нужно ли это? А вот Алешка, например, обязательно возразил бы. И сказал бы, что нечего им сидеть, спасаясь (от кого? чего?) за прочными стенами корабля, когда их ждут открытия, когда вокруг столько нового и неизведанного... Алешку трудно было убедить когда либо. Наверное, из-за этого он погиб...

Раманостр задумчиво смотрел на прыгающее пламя электрокамина и расстегивал и застегивал «молнию» на куртке. Получалось очень неловко. Нортон им поверил, надеялся на них, а они... Не следовало, наверное, лететь туда.

— Что вы там нашли? — спросил Нортон, усаживаясь в кресло.

— Там болота, — сказал Раманостр. — Много болот. Там мы видели животных...

Он подробно рассказал о происшедшем. Когда он описывал мешкообразного обитателя, Сергей внимательно слушал его, а Нортон сидел, закрыв глаза, и на лбу у него лежала задумчивая складка.

— Может, этот мешок — разумное существо? — высказал свою мысль Сергей после недолгой паузы.

— Вряд ли, — сказал Антон. — Да и не в этом дело.

— А в чем?

— Сама природа этих болот мне кажется странной и до невероятности запутанной.

— Почему запутанной?

— Ты все понял?

— Почти, — сказал Сергей. — Все очень просто. Планета эта не сказать, чтобы старая, но и не молодая. Условия здесь вполне подходят для того, чтобы возникло хоть что-то похожее на цивилизацию. Доказательство этому — Павильон. Дальше. Лес, хоть и выглядит старым, на самом деле дело рук тех же строителей Павильона. Деревья посажены в четкой последовательности — это видно на экране. Так же и болота. Они ведь расположены по прямой?

— Да, — согласился Раманостр.

— Ну и отлично! — воскликнул Сергей. — И я вообще не до конца понимаю, что вы ищете.

— Все это конечно хорошо, — сказал Нортон, по привычке не раскрывая глаз. — Но как ты объяснишь появление болот? Так сказать, сам процесс?

— Н-не знаю, — смутился Сергей, но тут же оживился. — Подземные воды. Гейзеры, наконец!

— Да нет, — сказал Раманостр. — Ну какие тут могут быть гейзеры?

— Самые обыкновенные...

— Подожди, Сережа, не перебивай. Если бы гейзеры существовали, они бы растопили снег метров на сорок вокруг, если не больше. А проталины в лесу и на равнине значительно меньше.

— Ну тогда я не знаю, — решительно заявил Сергей.

— Это, наверное, природные явления.

— Это наверняка природные явления, — сказал Антон. — Что может быть еще?

— Переброс энергии в пространстве, — напомнил Раманостр.

— Да. Только кому здесь сворачивать пространство? Да и зачем?

— А зачем существует Павильон?

— Откуда я знаю?

Дискуссия достигла своего апогея, когда Сергей предположил, что никаких болот нет, и все это просто им привиделось. Раманостр стал немедленно возражать, размахивая банкой с растениями, образцы которых затвердели и катались, стуча как горошины. Вид засохших веточек охладил разгоряченного Сергея.

— Не знаю, — сказал он в конце. — Если мы не умеем принимать правильные решения, нам здесь нечего делать. Не в первый же раз мы исследуем новую планету.

— А что думает об этом капитан? — у всех спросил Антон.

Ребята посмотрели на Нортон.

— Я внимательно вас слушал, — тихо сказал он, — и решил: будем наблюдать. Будем, как и прежде, заниматься биофизическими данными планеты. И будем соблюдать максимум осторожности.

Никто не нашелся что сказать. Все молчали.

— По-моему, подошло время ужинать, — сказал, наконец, Сергей и посмотрел на часы.

Ужин прошел в полном молчании. Не было слышно привычных шуток Сергея; как-то за один миг исчезла атмосфера радушия и доброжелательности. Антон знал это состояние. Те же хмурые лица, недружелюбная тишина, и не хочется ни на кого смотреть — прощальный и последний (для Антона) ужин на Обероне, через три дня после катастрофы...

После ужина экипаж занялся кораблем. Сергей отправился в моторное отделение, прихватив сумку с приборами, Раманостр ушел в рубку чинить экран противоастероидных щупек.

Антон помогал Нортону. Они сидели в тесном коридорчике энергоблока и чинили стабилизаторы, которые выбило при посадке. В углах находились разноцветные пучки труб и вели за новой массой. За дверью находился главный реактор — сердце корабля, сильное и неистощимое.

Нортон сидел на коленях около поднятого, как козырек, кожуха и что-то делал наощупь, сунувшись головой и плечами в плотный непробиваемый мрак. На стенах слабо, будто

покрытые пылью, горели лампочки. Нортон чем-то щелкнул и попросил:

— Антон, включи, пожалуйста, свет.

Антон включил верхнее освещение, и сразу стало все видно.

— Спасибо, — поблагодарил Нортон.

Антон посмотрел на настенный экран, где на координатной плоскости быстро двигались зеленые волны, сливаясь в скрученный орнамент.

— Нортон, как ты думаешь, здесь есть люди? — неожиданно спросил Антон.

Нортон высунулся из-под кожуха и посмотрел на Антона.

— Не знаю, — ответил он. — Ты имеешь ввиду разумную белковую жизнь?

— Да.

— Что ж, возможна, наверное, раз существует Павильон. А почему ты спросил?

— Да так, интересно... Кстати, почему он Павильон?

— Спроси Сергея. Это он так назвал.

Эта манера Нортон отвечать графически-лаконичными, прямоугольными словами без окраски раздражала Антона. Наверное поэтому он не так часто обращался к нему, как остальные. Нортон был капитаном, а это ужасно трудно — быть человеком, отвечающим прежде всего за других. И в два раза труднее быть капитаном и одновременно человеком, когда приходится подчинять недовольных, энтузиастов. Какая же я свинья, подумал Антон. Ведь не просто так он говорил...

— Антон, проверь сеть красных кабелей, — попросил Нортон.

Антон изучил графическую схему на экране и сообщил:

— Все в норме.

Нортон положил рядом сумку и стал копаться в кармашке. Выбрав длинную и многоногую, как гусеница, микросхему, он достал из сумки паяльник.

— Сегодня тринадцатое, — сказал он. — Среда. У него день рождения, Антон.

Антон резко сжал пальцы в кулак.

Нортон был одним из первых, кто обнаружил Алексея Неверова. И первый сообщил на базу, где расположено место взрыва. Он тоже был другом Алешки, но Антон не знал его. Не знал до того самого времени, когда это случилось. Нортон был тогда вторым пилотом «Гефеста», и Антон по-

знакомился с ним в спортзале. Оказалось, оба работают астронавигаторами и оба знают Алексея. Нортон был на пять лет старше Антона, но разницы в возрасте почти не чувствовалось. После катастрофы Антон стал реже видеть Нортон, потом не видел его шесть лет. И вот теперь снова вместе. Но между обоими появилась взаимная неприязнь, странная и непонятная. Антону все время казалось, что капитан обвиняет пилота в его, Алешкиной, гибели...

— Я помню, — сказал Антон и стал упрямо смотреть перед собой.

— Как ты думаешь, мог он спастись?

— Нет, — ответил Антон. Голос его был тихий и казался чужим.

— Экспертами было установлено, что он погиб от подземного заряда.

— У него не было выбора.

— Ты был рядом в момент взрыва?

— Да.

— И ты ничего не смог сделать?

Господи, за что?!

А вот сейчас придется оправдываться сотый раз перед ним и сто первый раз перед собой. Мог ли Антон помочь Алексею? Нет. До того места было далеко, и Алексей отключил связь. Перед глазами живо возникла картина: темная фигурка в скафандре спускается в кратер, поскользнулась, но не упала, а идет дальше, и даже не реагирует на крики Антона, бегущего к кратеру с северной стороны. Фигурка приближается к опасной точке, и резко, внезапно лед вскидывается вверх, и на месте кратера вырастает гриб ледяной крошки, в эпицентре которого извивается и пропадает пучок разлохмаченных зеленых молний...

Подземные заряды уничтожили не одну машину оборонской базы, и в первый раз — человека.

— Нет, — отрешенно сказал Антон.

Белый луч паяльника сделал свое дело и погас.

— Готово, — сказал Нортон, сложил инструменты в сумку и опустил кожух.

Они вышли из энергоблока и разошлись по каютам. Антон лег на кровать. А ведь если хорошо подумать, то можно понять Нортон. Работа капитана, да еще личные переживания — ведь он все-таки человек.

Подошло время выпускать киберов. Антон вышел из корабля и помог Сергею расставить капсулы. Капсул было шесть и они должны были стоять на вершинах правильного

шестиугольника. Астронавты разложили их на снегу недалеко от «Единорога»; Сергей провел провода и подключил их к аккумулятору. Антон сразу же почувствовал тепло и вместе с Сергеем отошел на безопасное расстояние.

Антон в детстве очень любил смотреть на огонь и, не отрываясь, видел сейчас, как темно-серая оболочка стала быстро краснеть, нагреваясь; зашипел снег, певращаясь в пар, стал прогибаться, и скоро капсулы прожгли шесть метровых ямок. В быстро наступающих сумерках раскаленные капсулы были похожи на чьи-то злые вспученные глаза, лицо Антона приняло яростный оттенок. Когда капсулы стали вытягиваться, пришлось отойти еще подальше — жара стояла нестерпимая. С вытянутой верхушки намечающегося робота посыпались искры; по снегу запрыгали тени.

Скоро оболочка лопнула, и Антон увидел шестерых «новорожденных». На черных островках земли шестиугольником стояли роботы на гусеничном ходу, трехметрового роста, с полным набором приспособлений для исследования грунта и энергий на десять часов. На не остывших еще манипуляторах розовел металл, и сыпалась на снег окалина.

Когда они были готовы к работе, Антон их проверил, обойдя с датчиком каждого. Все шестеро были в порядке, без дефектов. Сергей на портативной ЭВМ составил для каждого кибера и ввел программу действий и велел им приступать к работе. Киберы с готовностью мигнули сигнальными лампами и не спеша покатали к ближайшим ледяным скалам, набираясь впечатлений.

Стало совсем темно. На корабле зажглись огни. В небе одна за другой появились звезды; над краем исполинского кратера опасно повис серп огромной розовой луны. Не падал больше снег, не дул ветер. Было тихо.

Антон увидел, что стоит здесь один, и пошел к кораблю. Уже находясь в тамбуре, он высунулся, держась за кромку люка, и посмотрел вокруг. В темноте, около скал, ворочались угловатые тени киберов и изредка озарялись вспышками: брали пробы на анализ. Небо перечеркнул метеорит и исчез за острым выступом на краю кратера. Наступила ночь.

III

Антон вошел в рубку. В темноте мигали разноцветные точки индикаторов и на панелях отражалось голубоватое мерцание экранов. Антон нащупал клавишу переключателя,

включил свет и сел в кресло с высокой спинкой. Сегодня его очередь быть на вахте. Он настроил мониторы на разные каналы и увидел изображение кратера с разных точек корабля.

Дежурить было очень сложно, и каждый раз вахта сильно выматывала Антона, как, впрочем, и всех астронавтов. Нужно было постоянно, насколько возможно, следить за экранами на случай землетрясения, обвала, метеоритного дождя, за всеми капризами природы вплоть до гибели планеты. И ни минуты отвлеченности, даже если смертельно устал, если накануне произошли неприятности, да мало ли что еще!

Антон помнил, чем обошлась им минутная оплошность, когда грузовой танкер совершил вынужденную посадку на Таире. Ночью сейсмографы сошли с ума, вычерчивая немислимые кривые, и стенки корабля стали дрожать, а снаружи доносился гул и рокот. И когда первый пласт земли вздыбился перед носовой частью, капитан Грачев — спасибо ему за это огромное! — поднял звездолет в тот самый момент, когда земля под ними треснула и разошлась, обнаружив красно-желтый ад. Сверху сыпались тонны шлака и пепла, пемза ключьями стыла на поверхности танкера, а повсюду клокотало кольцо пламени и яростно билось в закопченные иллюминаторы. Настоящая библейская сковорода! Грешникам на этот раз повезло, и они благополучно покинули огнедышащую и злобную Таиру.

Запищал сигнал внутренней связи. Антон посмотрел на экран и увидел сонное лицо Нортон. Нортон долго смотрел на него, как лунатик, потом с силой провел ладонью по лицу и спросил:

— Как дежурство?

— Нормально, — ответил Антон.

Нортон помолчал, словно ожидал продолжения, и сказал:

— Если сильно захочешь спать, вызови меня. — И экран погас.

Разговор с Нортоном несколько озадачил его. Ведь знает же, что не вызову. А может, это для самоуспокоения, что мол, вахтенный Антон Лебедев не дремлет, внимателен, значит все спокойно и нечего волноваться. И для самого вахтенного тоже польза — капитан вызвал, заинтересовался и ушел спать, а ты в большей степени почувствовал себя ответственным за жизнь экипажа. Ведь при первом отклонении от нормы все во многом зависит от того, кто первым оценит ситуацию.

Он скользнул взглядом по экранам. Все было в порядке. У подножия обрывистой льдины копошились киберы, пово-

рачивая лопатообразные головы, и с удовольствием катались по чистому снегу, оставляя мозаику следов; над выступом, густо заросшем бородой сосуллек, неподвижно висела большая и круглая, как апельсин, розовая луна; справа от нее висела вторая, бледно-желтая, тощая, и обе луны равнодушно смотрели на иззубренные края кратера и неглубокие ямки. С самой высокой точки корабля был виден горизонт и необъятная равнина, распахнувшаяся неимоверно широко.

Что-то щелкнуло внутри пульта и из щели приемника упал в кармашек белый листок. Антон нагнулся, достал листок и пробежал глазами текст радиogramмы.

«РАДИОГРАММА НОМЕР N32012. 22.00 БОРТОВОГО ВРЕМЕНИ. КАПИТАНУ «ЕДИНОРОГА» РОБЕРТУ НОРТОНУ. СООБЩИТЕ НА СТАНЦИЮ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОВЕРКИ АСПЕКТА ВТОРОГО ДИАГРАММЫ ВАНДАРОВА. КАК НАСТРОЕНИЕ У ЭКИПАЖА? РАДИРУЙТЕ В 21.00 ЗЕМНОГО ВРЕМЕНИ ПО ЧЕТВЕРТОМУ КАНАЛУ.»

Антон положил радиogramму на приборную доску и еще раз перечитал. Может, разбудить капитана? Нет, пусть человек выспится.

Радиogramма сразу подняла настроение Антона. Пришла весть от других людей — значит, ты не один, значит, твоя работа нужна и тебя не забывают (а ведь бывало и такое). Он прислонил листок к стенке, чтоб его сразу заметили.

Снова засветился экран вызова и снова Антон увидел заспанного Нортон. Ну почему он себя не бережет?

— Почему не следишь?

Антон действительно не следил, издали рассматривая индикаторы на противоположной стене.

— Пришла радиogramма, — сказал он.

— Дай мне прочитать, пожалуйста.

Антон взял листок и подержал его перед экраном.

— Спасибо, Антон.

Нортон снова с силой провел по лицу ладонью.

— Ты чего не спишь? — спросил Антон.

— Да какой тут сон. С этой диаграммой...

— А что?

Нортон ничего не сказал, попросил быть повнимательнее и исчез. Антон добросовестно просидел полчаса, потом задействовал автоматику слежения и прошелся по рубке. Конечно, когда ты уже три дня на неизвестной планете, ничего нового и страшного не обнаружил и ничего подобного не предвидится, контролировать обстановку трудно, и при-

ходится надеяться на автоматику. Но если что-нибудь произошло, положиться на нее нельзя, в такие минуты вычислительные системы бездарны перед логикой пилота, даже самые лучшие, быстрые, мудрые. Единственное, что они могут подсказать — это вероятность того, что ты выживешь, и парочку довольно дохлых вариантов спасения.

ЭВМ не берет во внимание то, что человек может растеряться, забыть, запаниковать и наделать массу глупостей. С точки зрения машинной логики человек всю жизнь последователен, логичен, лишен нервов и страха. А они, люди-то, такие несовершенные...

Антон вернулся на место и заметил, что что-то было не так. Вроде те же скалы, ледяные и снежные бугры, те же луны, холодные и пустые... автоматика молчала. Это несколько успокоило Антона, и он еще раз внимательно просмотрел виды кратера и горизонта. Вот-вот, горизонт... Что-то здесь не то. Антон включил широкоформатный экран, спроецировал на него изображение с верхней точки корабля и увидел огни.

Вдоль горизонта, у подножия далекого горного хребта протянулась ровная цепочка огней — желтый, синий, красный, потом снова желтый, синий... Они заметно неровно светились и, как показалось Антону, равномерно колыхались из стороны в сторону. Но нет, это иллюзия, просто налетел порыв ветра и верхний объектив, естественно, закачался. Потом ветер спал, и все успокоилось.

Огни крохотными точками стали множиться, собираясь в ряды. Количество цветов увеличилось: добавились зеленый, красный, оранжевый и фиолетовый.

Скоро они превратились в разноцветные пунктиры, которые поделили равнину на сеть квадратов. Было впечатление, будто Антон стоял на краю высокой горы, а внизу лежал огромный город. Антон увеличил изображение. Квадраты огней поползли на экран, ширясь и разрастаясь; обозначились дома, высокие небоскребы, редкие и намного выше небоскребов шпили телебашен. Между домами проходили автострады, по которым, сверкая в блеске уличных фонарей и неоновых ламп, проносились гладкие приземистые машины.

По тротуарам, залитым теплым желтым светом, шли люди в летнем, громко смеялись, разговаривали, шутили, спешили по неотложному делу, заходили и выходили из многочисленных кафе. В центре каждого квартала находился парк, и в нем тоже были люди. Они танцевали, ели моро-

женое в уютных кафе, просто сидели на скамейках или в беседках.

Антон увидел прекрасный город, большой, могучий, с древней и мудрой цивилизацией и счастливыми людьми. Это немного напоминало Землю, только здесь стояли громоздкие и неудобные телебашни да неправдоподобно, не по-земному светились луны.

С городом что-то произошло. Дома стали оседать, прогибаться и проваливаться внутрь. Люди исчезли. Трескались и рушились башни. Разрушился бело-синий небоскреб и расщепился обломками несколько машин, в которых, похоже, кто-то был. А может, просто показалось. Дома превратились в безобразные остовы с оплавленными краями. Желтая легковая машина, визжа тормозами, вылетела на тротуар, перевернулась, ударившись о стену, и ткнулась в догорающий грузовик, подняв факел искр.

Издалека слышались взрывы. Над городом до самого неба вырос лохматый гриб, и зеленый свет атомной вспышки задрожал на неровных низких облаках.

Антон почувствовал, что корабль вздрогнул, и с силой ткнул ладонью в большую красную кнопку общей тревоги. По коридорам, отсекам, пустующим каютам прокатился злоеющий вой и затих в энергоблоке. Потом снова, снова... Сейсмографы отметили небольшие толчки. Антон активировал двигатели и включил разогрев.

Когда вся команда была в сборе, Сергей и Раманостр следили за приборами, Нортон внимательно слушал Антона и с сомнением поглядывал на обзорный экран, где в призрачном свете разрывов и огней погибал город, и все это было странно и непонятно.

Потом неожиданно все успокоилось. Исчезли толчки, далекие взрывы. На экране в темноте светились огни и чуть заметно таяли.

— Все, — сказал Сергей. — Нет больше города.

— С чего ты взял, что это город? — спросил Раманостр. —

Может, это галлюцинация? Или просто сон?

— Или массовый гипноз? Скажешь тоже...

— А это что такое? — спросил Антон.

В центре экрана вспыхнула и ровно засветилась яркая белая точка.

— До нее около двух километров, — сообщил Сергей, глядя в окуляры телескопа.

Все теперь смотрели на капитана. Каждому хотелось лететь, но никто не говорил этого вслух. Сергей попросил:

— Капитан, можно, я пойду?

Возникла долгая пауза. Нортон думал, рассматривая кнопки пульта. Антон хотел что-то сказать, но Нортон уже принял решение.

— Хорошо. Пойдешь ты. Но постоянно держать связь — будешь докладывать обстановку, и без геройства.

Сергей кивнул и быстро вышел из рубки. Было слышно, как раскрылась и закрылась диафрагма, на секунду впустив холодный свежий ветер.

Через минуту радио щелкнуло и голос Сергея сказал:

— Направляюсь в сторону точки. Вижу ее на визуальном сканере.

В рубке все молчали. По экрану ползла желтая точка — антиграв Сергея — и приближалась к белой.

— Правее, Сережа, — посоветовал Антон.

— Вижу какое-то строение с прожектором, — сказал Сергей. Его голос слегка сглаживало мягкое гудение двигателя и слабый треск помех.

— Сергей! — через минуту, казавшуюся часом, позвал Антон.

— Антон! — крикнул Сергей. — Это второй Павильон!

Шум помех сделался сильнее и это беспокоило Антона. Он расправил руку и подержал ее на весу ладонью вниз. Пальцы дрожали. «Нервы, нервы...» — подумал он. Только бы они не подвели.

— Опустился метрах в двадцати от Павильона, — говорил Сергей. — Ребята, тут был сильный взрыв.

Экран мигнул, и Антон увидел дрожащие высокие тени, падающий снег и яркий свет прожектора — это камера записывала изображение и передавала его на корабль.

Второй Павильон был очень похож на первый. Те же формы, маленькие окошки, двери... Только крыша и часть стены провалилась внутрь и из темноты торчали перекрученные решетки, развороченные баки, часть мостика с гнутыми опорами. Снег вокруг почернел от копоти и обугленных обломков, а на металлических балках остывали раскаленные розовые пятна.

Изображение ритмично задержалось и покрылось мелкими полосками. Сергей пошел в обход Павильона и остановился около пролома. Было неприятно смотреть на изуродованные останки, отверстия с оплавленными краями и почти остывшее железо, которое злобно и раздраженно шипело от падавших на них снежинок.

Сергей сделал шаг вперед, но Нортон попросил:

— Сергей, не ходи туда.

— Хорошо.

Все сидели как на иголках. Раманостр нервно постукивал пальцами по панели, Нортон сжал пальцы в кулак, а другой рукой с силой сжимал подлокотник кресла, где сидел Антон. Антон чувствовал напряжение во всем теле, как перед стартом, но к этому ощущению примешивалось неприятное чувство безысходности, предугаданной и ужасной.

Сергей с трудом пробрался к стене, где намело целые снежные барханы, заглянул камерой вглубь первого этажа, отошел и направил видеоискатель вверх, на крышу. Там, среди замысловатых нагромождений, среди башенок и сетчатых опор торчали круглые параболические антенны и смотрели вверх, на невидимое пятнышко красного карлика.

— Антенны... — как-то разочарованно сказал Раманостр.

— Они-то как сюда попали?

— Подожди, — резко оборвал его Антон и обратился к Сергею:

— Сережа, уходи отсюда, слышишь? Там опасно, понимаешь?

— С чего ты взял? — с деланным удивлением спросил Сергей.

— Эти антенны...

— Перестань, Антон, что ты прямо я не знаю! Не в первый же раз...

На стенах и внутренностях Павильона появился розовый отсвет. Задергался свет прожектора, по экрану забегали ломаные кривые. Хуже передавался звук. Розовое мерцание осветило дальний конец этажа и преломленный потолок. Нортон громко и четко сказал:

— Сергей, немедленно садись в антиграв и улетай.

— Пожалуй, действительно надо...

Сергей не договорил и выключил камеру. Трансляция кончилась.

Все выбежали из корабля и замерли в ожидании. Сзади с шелестом раскрылись двери и роботы один за другим заехали в грузовой отсек. Снежинки лениво падали на трех людей, вечно беспокойных и чего-то ищущих, падали, как и миллион лет назад, и им было безразлично, что люди вступили в противоборство с маленькой, но коварной планетой и им теперь трудно, очень трудно...

В небе появилось белое пятнышко, выросло, и антиграв, опустившись в кратер, с разворотом упал в сугроб, подняв

облако снежной пыли. Сергей, выключив кормовые огни, спрыгнул в снег и подошел к товарищам.

— Лихо ты, однако... — только и смог сказать Антон.

Потом они сидели в кают-компании и просматривали кассету. Антон который раз спрашивал себя, что это могло быть, и не находил ответа. Розовый свет внутри Павильона номер два, антенны... Как все сложно и запутано!

Когда все ушли спать, он вернулся в рубку. Цепочка огней вдоль горизонта медленно гасла, потому что, оказывается, прошло больше четырех часов и наступило время восхода красного карлика.

IV

Спал Антон урывками. Так всегда бывало после долгой ночной вахты, и Антон не выспался. Однако ему удалось заснуть, когда они с Сергеем летели в сторону Павильона N2, и Сергей старался вести антиграв ровно, без рывков.

Утром все было по-прежнему. Как и прошлой ночью, на плоской белой равнине стояла темная коробка Павильона N2. Шел густой снегопад и оставлял за каждой стеной волны барханов. Наверное, так было всегда, еще за сотни лет до того, как люди научились искривлять пространство.

Сергей посадил антиграв недалеко от верхушки низкого холма, на гладком заснеженном склоне. Антон пошевелился, но не проснулся, а только устроился поудобнее.

— Да, Тошка, не повезло тебе сегодня, — вздохнул Сергей и стал распаковывать новые кассеты для съемки.

Антиграв чуть накренился. Через внешнюю акустику было слышно, как скрипнул и просел наст. От толчка проснулся Антон.

— Поспал? — спросил Сергей, скомкал яркую пеструю обертку в плотный комок и выбросил его в горловину приемника. Заработал конвертер и антиграв мелко задрожал.

— Да... — Антон безнадежно махнул рукой. — Какой тут сон.

Конвертер жадно проглотил мусор и подзарядил аккумулятор. Антиграв кончил дрожать. Антон зябко поежился, представляя холод снаружи, откинул фонарь и спрыгнул наружу.

Они решили не открывать ворота, а идти прямо через место взрыва. Обойдя угол Павильона, Антон увидел то же, что вчера на экране: искореженные железные части какого-то механизма, припорошенные снегом, гнутые прутья из

разломов на стенах, беспорядок. Антон первым шагнул в пролом и почувствовал нерешительность — обычное человеческое чувство, когда мозг дают сомнения и пугает их превосходство над логикой и рассудком. Может, они ничего не найдут. Может там, за поворотом, таится смертельная опасность, и кто-нибудь обязательно погибнет.

Может... Тысячи «может», и ни в одном не уверен, и не можешь сказать «да» или «нет». Скверное чувство.

Пол был скользкий и, несмотря на подошвы из пористой пластмассы, было трудно идти. Антон остановился и посмотрел вверх. Через развороченную крышу сюда сочился тусклый небесный свет и были видны черные проемы этажей, разрушенные перекрытия, кирпичные стены со ступенчатыми краями, строительный мусор вокруг. Было неудобно и хотелось уйти.

Антон вошел в коридор напротив и услышал невдалеке частое ритмичное постукивание. Он позвал Сергея и пошел вперед, мимо холодных ободранных стен, исполосованных трещинами, мимо тонких и длинных ламп вдоль всего коридора по углам, которые ярко светились, и красные блестящие пятна отражались на потолке.

Как и в Павильоне N1, было немного жутко. Некоторые лампы басовито гудели, мигали, иные не работали, образуя мерцающую перспективу трасс, смыкающихся в белом квадратице выхода. Лампа в правом верхнем углу лопнула и разлетелась веером искр и осколков. Антон остановился. Сергей тоже остановился и спросил:

— Пойдем дальше?

Антон посмотрел на него. Антон немного нервничал.

— Пойдем. Должны пойти. Надо во всем разобраться.

Сергей кивнул головой, и они пошли дальше, медленно, осторожно. Выход становился все ближе, и было отчетливо слышно тарактение, как у испорченного эскалатора. Около порога Антон почувствовал, как сильно и часто вздрагивают артерии на шее. Он тяжело сглотнул и вышел из коридора.

Первое, что он увидел, это был конвейер. Он стоял посреди просторного и душного помещения, и один его конец держался над горловиной глубокой металлической воронки. Дробно стучали скрипучие колесики, в такт им дергалась лента конвейера и тянулась из соседней комнаты; там на нее сыпались обломки труб, стержней, шестеренок, перемещались через окошко в стене и с лязганьем и громом сыпались в жерло воронки, в котором каждый раз ухало и клокотало косматое пламя.

— Что-нибудь подобное я ожидал увидеть, — признался Сергей.

— Почему?

— Не знаю. Предчувствие.

Антон посмотрел себе под ноги и заметил на полу множество врезанных крышек. Одна из них резко откинулась, выдохнула горячую и длинную струю пара, и мгновенно захлопнулась.

— По-моему, мне все ясно, — сказал Сергей.

— Что именно?

— Все очень просто. Это настолько старо и примитивно, что я не хочу рассказывать. Это даже не интересно.

— Ну?

— Смотри, — Сергей оживился. — Павильон N2 своего рода электростанция. Отработавшие свой век механизмы дробятся и поступают сюда, а затем попадают в конвертер. — Он показал на горловину. — Оттуда уже энергия нуль транспортируется в Павильон N1. И, наверное, Павильоны эти здесь не единственны.

Это было похоже на правду. Молодчина, Сергей! Все или почти все сходится. Неисправности в трансформаторе или лопнул кабель — получился вчерашний взрыв. Но повреждение незначительное — ничто не замкнуто, утечка энергии перемещается во всех направлениях с определенной частотой. Образуются новые болота. А раз они были обнаружены раньше, чем произошел взрыв, значит эта электростанция не единственная. Что ж, неплохо.

— Теперь я понял, — сказал Антон.

— Наконец-то! — вскрикнул Сергей, взмахнув руками.

— Только я боюсь, как бы не лопнула твоя теория.

— Не лопнет.

— Ладно, давай за работу. — Антон дружественно хлопнул Сергея по плечу, потом оглянулся. — А где анализаторы?

— Ты уж прости, Тошка, только я их забыл взять, — сказал Сергей. — Они в сумке, в багажнике. Ихвати заодно перчатки! — заорал он, когда Антон уже шел по коридору.

Антон принес сумку с приборами и, одев перчатки, стал помогать Сергею закреплять анализаторы на полу и стенах. Через пять минут все было готово. Теперь осталось ждать.

Железки на конвейере стучались друг о друга и глухо звенели, и каждый раз, когда они сыпались в горловину, Сергей вздрагивал от грохота. Потом он привык и перестал вздрагивать, только раздраженно поводил плечами.

— Антон, потом пойдем наверх? — спросил он.

— Не спеши, — посоветовал Антон. — Мы еще здесь не кончили.

Сергей подошел почти к самому краю воронки и взялся за край конвейера. Рядом с ним резко раскрылась крышка и паровая струя, пахнущая железом и дымом, ударила Сергею прямо в лицо. Сергей отшатнулся и взмахнул руками. Камера упала на блестящий склон воронки, треснул углепластиковый корпус, и она кувыркнулась вниз. Тотчас из недр пре-словутого конвертера вылетел горячий сполох пламени.

— Все, — потерянно и грустно сказал Антон. — Нет больше камеры. Зато энергии хватит еще на одно болотце.

Сергей только махнул рукой.

Они записали данные и собрали приборы. Антон, положив анализатор в сумку, посмотрел на часы. Было около десяти.

— Ну, пошли.

Сергей неудобно вывернул руку и зафиксировал время. Сергей всегда носил часы на запястье — он так привык. Где-то наверху прокатился низкий гул и застрял в развороченных внутренностях верхних этажей. Антон поторопил Сергея, и они вышли, оставив за спиной таракание конвейера, свист пара, и грохот железных чушек, сыплющихся в черную пасть горловины.

Когда ребята снова очутились возле пролома, за стенами опять завывал ветер — начиналась ежедневная пурга. После тепла в закрытом помещении здесь было холодно и слегка знобило. Антон чувствовал, как покрывается гусиной кожей.

Слева и справа было по две галереи и Антон не знал, куда идти, чтобы выбраться на крышу, но потом он решил, что ему в конце концов без разницы, что это больше надо Нортону и Сергею. А я свободно могу обойтись без этого, ну какое мне дело что там наверху? Просто я знаю, что там стоят антенны, и Сергей об этом знает и ему сильно хочется рассмотреть их вблизи, может быть даже потрогать. И все-таки Нортон их попросил...

— Нам, наверное, туда, — сказал Сергей и указал на левый коридор, где маячили смутные желтоватые пятна.

Они шли по нему, освещенному круглыми тусклыми плафонами с прилипшей коркой грязи, потом свернули вправо, потом по лестнице на второй этаж. Лестницы здесь были громоздкие, сваренные из железных прутьев и дырчатых полос. Освещение было скверное, и в каждом углу, в

зловещей темноте слышались подозрительные порохи и перестукивание.

На крышу поднимались очень долго. Лестницы петляли, уходили в стороны, возвращались неведомо как, и все время Антона не покидало ощущение, будто за ними кто-то следит. Один раз ему даже показалось, что низкая горбатая тень перебежала освещенное пространство и скрылась в закоулках; он странно задышал, и Сергей стал пытаться, что произошло. «Нет, нет, ничего, — сказал Антон. — Просто показалось.» На третьем этаже Сергей оступился и ударился коленом об острый край ступени. Как будто Павильон нарочно не хотел пускать их наверх и специально расставил в беспорядке лестницы, запутал коридоры, связал их в тугой узел лабиринта и наполнил его призраками.

На самом верхнем этаже Антон увидел квадратную шахту, ведущую наверх. Шахта была длинной, узкой, и было очень неудобно подниматься по ржавой приставной лестнице, приваренной вертикально к стене. Гулко отдавались шаги, и Сергей, шедший за Антоном, раздраженно жмурился и мотал головой, когда сухая грязь с подошв сыпалась ему в глаза. Антон уперся в круглую крышку руками, попробовал поднять. Сергей поскользнулся, выронил фонарик и чиртыхнулся. Эхо полетело вниз вслед за фонариком, ударяясь в темноте о стены и считая ступени, потом шлепнулось на пол и разбилось, звеня разлетевшейся стеклянной крошкой.

— Что там? — спросил Антон, глядя вниз.

— Фонарик выронил, — ответил Сергей. — У тебя есть другой?

— Нет. — Антон крикнул и откинул тяжелую крышку. Крышка ужасно завизжала, так, что от скрипа заныли зубы, и мягко упала в снег.

Волна холодного воздуха дунула в лицо и просочилась вниз, на дно шахты. Антон оперся о края люка, подпрыгнул и посмотрел вперед.

Крыша была широкая и длинная, как автострада, густо засыпанная горбатым снегом. Около краев, огороженных хлипкими тонкими бортиками, гулял ветер, срывался вниз и крутил снежные столбы. Антенны стояли рядом и были огромными до безобразия, метра четыре в диаметре. Сергей встал на цыпочки и попробовал на прочность торчащий штырь. Антенна зашаталась и заскрипела, как старые качели. Антон провел ребром ладони по грязной зеркальной сетке, и на расчищенной полоске отразился он с Сергеем — две изломанные фигуры в сером.

— Им, наверное, лет сто, — сказал Сергей.

Антон счистил приставшую грязь с ладони и пальцем на антенне написал: «Здесь был Антон, человек с Земли». Потом через много лет, если выдержат антенны, здешние представители внесемного разума будут долго мучиться, пытаясь разгадать эти иероглифы. Антон попытался представить аборигенов и не смог. Ему почему-то мерещились бородастые маститые старцы, одетые в длинные черные одежды, сидящие за дубовыми столами в кельях, а на столах — свитки из пергамента. Антон мысленно пожалел их. Да, ребята, трудно вам придется.

— Может, стереть? Нет, пускай остается.

Сергей ушел далеко вперед. Он стоял на краю провала развороченной крыши и заглядывал вниз. На каркасе болтались листы, облепленные снегом, и медленно качались. Что у него за привычка: смотреть вниз с большой высоты? Это тебе не антиграв. Тут в два счета можно свалиться. Отошел бы.

Но Сергей и не думал отходить, а только смотрел на свои следы внизу, на дне широкого столба света, и сбрасывал туда комочки снега — баловался. Комочки распадались, сеялись искрящейся пылью.

— Сережа! — позвал Антон.

Теперь оставалось расставить анализаторы, записать данные и возвращаться. Но, кроме как около или на антеннах, ставить их было негде, поэтому пришлось расчистить немного места. Сергей нашел где-то лист фанеры и все, наконец, устроилось.

Антон, протерев присоски, стал прикреплять приборы к железному настилу. Сергей тем временем достал маленький полевой бинокль и стал, как полководец, осматривать окрестности. Увидев что-то из ряда вон выходящее, он неестественно громко сказал:

— Антон, смотри! — И показал на темную подвижную точку.

Антон взял бинокль и увидел человека, который бежал в сторону ближайшего холма. Он был одет в серый комбинезон и бежал, нелепо размахивая руками, выбрасывая их как в танце, абсолютные босые ноги увязали в снегу. Увеличив резкость, Антон рассмотрел лицо человека, бледное, изможденное, с глубокими ссадинами и царапинами. Из левого уголка рта бежала кровь. Человек спотыкался, падал лицом в сугроб, быстро поднимался и бежал дальше, только смахнув с лица таявший снег, смешанный с кровью.

— Быстрее! — крикнул Сергей и метнулся к люку.

Он первым добежал до люка и исчез в черном отверстии. Антон бежал за ним, слышал впереди его напряженное дыхание и все повторял про себя: только бы не упасть, только бы не споткнуться, только бы не упасть...

Он в спешке обогнал Сергея, первым добежал до антиграва. Откинув фонарь, он упал в кресло, включил двигатель, взялся за штурвал, посмотрел на приборы. Все это произошло так быстро, что когда он увидел Сергея, тот только выбежал из Павильона.

— Быстрее!

Сергей перемахнул через борт, закрыл фонарь, и антиграв метнулся вперед.

Сначала двигатель неприятно взрывал и завывал, но потом Антон опомнился, уменьшил подачу энергии, постарался сосредоточиться. Антиграв летел слишком низко и зацепил днищем за верхушку ледяной глыбы, подняв тучу ледяной крошки и снега. По правому борту ужасающе заскрежетало, машину подбросило вверх, и у Антона лязгнули зубы. Выровняв антиграв, Антон поискал человека.

При таких условиях невооруженным глазом его просто невозможно было найти. Сергей включил поисковый локалатор и задействовал терморезим. На экране, пульсируя, появились разноцветные пятна, в зависимости от теплоизлучения. А вот и человек. Антон спикировал вниз, обогнул невысокий холм и увидел в метре от носовой части искаженное лицо.

Антон сжался, но ничего не произошло. Антиграв просто остановился и повис в полуметре над сугробом. Он ожидал чего угодно, только не этого. Ему казалось, что сейчас раздастся тупой удар, холодный хруст, и брызнет кровь. А вместо этого — тишина. И ветер снаружи.

Сергей сразу же вылез из антиграва и стал осматривать повреждение. Вдоль всего днища справа тянулась глубокая и неприятная царапина. Правый габарит был разбит и смотрел лохмотьями красной пластмассы. Но самое главное — человека нигде не было.

Сергей сел в кресло. Антон совсем тихо спросил:

— Он... там?

— Нет там никого. Я тоже сначала испугался — думал, сбили...

— Тогда где он?

— Не знаю.

Антон выглянул за оргалит фонаря и увидел человека на

вершине далекого холма. Тот кричал, прыгал и размахивал руками, как на необитаемом острове. Сергей тоже его заметил.

— Посмотри. — Он показал на экран. Локатор его не воспринимает. — Его там нет, понимаешь? Не должно быть.

Незнакомец стал бледнеть, таять, испаряться, пока не исчез совсем.

— Вот такие-то дела, а? — загадочно произнес Антон. — Что же это такое?

— Ерунда какая-то получается, — говорил Сергей, когда они возвращались к Павильону. После пережитого волнения очень хотелось говорить. — Что? Где? Откуда? И этот незнакомец... Ты заметил, как он одет?

Они опустили на крышу Павильона. Антон молча собрал анализаторы, записал данные и все рассыпал. Дрожали руки. Антон сжал пальцы в кулаки, разжал и спрятал лицо в ладонях.

— Антон, все в порядке? — спросил Сергей. — Может, мне сесть за штурвал?

Антон посмотрел на него и кивнул.

— Пожалуй ты прав, — тихо произнес он.

Обратно летели на полной скорости. Сергей прижимал антиграв к земле, взметая легкий искрящийся снег, ловко огибал рытвины, холмы. Иногда он забирался вверх, в клубящееся облако пурги, и снег тянулся за ним четкой белой полосой.

Почему я так устал, спрашивал себя Антон. Что произошло? День только начался, и я уже никуда не годен. Ведь не случилось ничего сверхъестественного. Это же моя работа! Ну, увидел человека. Боже мой, о чем я думаю! (Антон прикрыл глаза рукой.) Рассуждаю, как циник, как скептик на Ученом совете, как будто каждый день доводится видеть босоногих и брошенных людей на чужих планетах. И тупая боль в голове. Сергей вот несколько не кажется усталым? Или это только внешне? Кому хочется быть слабее других!

Они приземлились около распахнутых створок ангара. Нортон и Раманостр стояли и смотрели на рабочих, которые колесили вокруг проталины за кормой «Единорога», зачерпывали из дымящегося болота в пробирки и собирали кусочки растений. Нортон отдавал приказания в микрофон переносного пульта, болтающегося на шее, и тихо переговаривался с Раманостром.

— Как дела? — мрачно спросил Раманостр. Он явно был сегодня не в духе.

— Камеру разбили, — еще более мрачно сообщил Сергей.

— Так вам и надо. Опять новую доставать, да?

— Что еще? — Нортон посмотрел на Антона.

— Мы видели человека, — сказал Антон.

V

Никто даже не пошевелился. Все, кроме Нортон, смотрели на рабочих. Из густой, тяжело качающейся жидкости выпирал острый металлический угол и был забрызган чем-то зеленым.

— Однако странная у вас реакция, — констатировал Сергей.

Раманостр повернулся в его сторону.

— А какой она должна быть?

— Ну, не знаю. Все-таки не каждый день встречаемся с аборигенами.

— Да? Мне почему-то все равно.

— А мне не все равно. — Сергей начинал злиться. — Мне вообще непонятна ваша бездеятельность.

— А что бы ты предложил?

— Ну, собраться всем, обследовать холмы, что ли... Странно как-то вы себя ведете.

— Здесь нет людей, ясно? — вдруг резко сказал Раманостр. — И не может быть. Мы сегодня все утро с Нортоном, простите, с капитаном просидели за анализом данных киберов. Второй аспект Вандарова оказался верным: вероятность появления разумной жизни прямо пропорциональна удаленности от ядра галактики и разности температуры планет системы.

— При чем тут...

— Жизнь возможна в пространстве, равном числу «пи». А здесь отклонение на несколько десятитысячных. Так, что вам, Сережа, просто показалось.

— Но почему?

— Тебе повторить?

— Ну что вы в самом деле! — возмутился Антон. — Спорите не по поводу. И здесь, кстати сказать, довольно холодно.

Подкатил громадный кибер-лаборант, печатая рисунок грязными гусеницами, и поставил в снег тяжелую стеклянную бутылку, закрытую сверху крышкой с отверстиями. В сосуде вяло каталась болотная жидкость, а внутри что-то

яростно ворочалось, прижимаясь к стеклу темным волосатым боком и тонкими лапами.

— Что там? — спросил Сергей и присел перед бутылкой на корточки.

— Это, наверно, животное, — предположил Антон. — Ну да, вон видишь глаза?

Яркие бельма скользнули в сторону и сменились длинными волосками. Внутри булькнуло.

— Ну и гадость! — откровенно признался Сергей и поднялся. — Что мы здесь стоим? Пойдемте.

Когда Антон и Нортон остались одни, Нортон спросил:

— Антон, вы действительно там кого-то видели.

— Да, видели! — вскипел Антон. — Неужели и ты мне не веришь?

— Верю, верю, — успокоил его Нортон.

Антон остыл, посмотрел на болото и спросил, что это, указывая на железный уголок около бережка.

— Где? А, это... Да это кибер свалился, ничего особенного.

Они поочередно вошли через люк в кессон, а оттуда направились в кают-компанию.

Добрая, теплая кают-компания. Антон улыбнулся. Единственное приятное место здесь. Не жарко, удобно, великолепное освещение. Высший уровень. Антон разлегся в кресле, как кот, снял куртку. Сергей устроился в противоположном углу. Так они и сидели: Антон напротив Нортон, Раманостр напротив Сергея.

— Рассказывай, Сережа, — попросил Нортон. — Только покороче, и самую суть.

Сергей рассказал на удивление всем кратко и четко, «самую суть». Про Павильон Раманостр слушал внимательно, даже подался вперед, чтобы лучше слышать, но потом сник и охладел. Дальше ему уже было неинтересно. Нортон реагировал и вовсе странно. Сергей смотрел на него и говорил, а Нортон кивал головой и пожимал плечами невпопад. Сергей кончил.

— Там, на чем мы остановились? — сказал Раманостр. — Да! Ты, Сережа, был со мной не согласен...

— И не соглашусь, — быстро, как пружина, ответил тот. — Может, Вандаров и гений, но человек из Павильона был настоящий.

— Настоящий, не настоящий... Не рассуждай под влиянием детской логики. Теплоизлучение не было замечено?

Не было. Ударил его антиграв? Не ударил. Чего ж тебе еще надо?

— А следы?

— Чьи?

— Его следы. Они ведь там есть.

— Если они и были, то теперь их уничтожила пурга. А кто теперь проверит? Не надо было камеру бить.

Антон поразило, как уверенно говорил Раманостр. И ужасней всего было то, что он говорил правду. Значит, не было человека. Галлюцинации. Пора вам, товарищ Лебедев, в отпуск, на Землю.

Сергей был смятен и поражен. Он отстаивал свою правоту, верил в себя, и тут... А Раманостр продолжал рубить ладонью воздух, что-то доказывая, но Сергей его не слушал, а смотрел в пространство перед собой, как лунатик.

— ...и Вандаров установил причину исчезновения: большая радиоактивность вследствие взрыва реакторных баков. И не надо морочить мне голову Павильонами, болотами и так далее.

— Не в ту сторону ты повернул, — отвечивал Антон.

— Отчего же?

— Да ну тебя, честное слово...

— Антон, ты знаешь сколько раз мы произносили слова «почему», «как так», «для чего»? Никто не подсчитал? А я попробовал. Получилось очень много. Ты даже не представляешь себе, сколько раз мы искали ответа на вопрос и не находили. Почему исчезла цивилизация? Для чего служат Павильоны? Как образуются болота? Тысячи вопросов гнездятся в голове, а в ответ одни догадки. «Наверное», «может быть», «скорее всего»... Хватит!

— Поэтому ты хватаешь первую попавшуюся идею и даешь ее нам, бездарям: нате, кушайте...

— Подождите, — властно сказал Нортон. Все умолкли. — Мы с вами большие взрослые люди. Давайте мыслить соответственно, не хвататься за слова и нелепости Раманостр прав в том отношении, что слишком часто мы спрашиваем и не пытаемся узнать в чем дело. Такое бывает.

— И с этим надо мириться? — запальчиво спросил Сергей.

— Подожди, Сережа, не перебивай. Мириться с этим, конечно, нельзя. Просто надо почаще думать, побольше видеть, и побольше говорить, но не так, как сегодня. Времени у нас в обрез. Впрочем, мы можем в любую минуту покинуть планету и передать материалы на станцию. Но... Мы уже по-

ступали так два раза, два раза приходилось сдаваться. Если мы это сделаем в третий раз, то надолго застрянем в Солнечной системе, Антону придется водить танкеры, Сережа, вероятно, уйдет к биологам в Оранжерею на Земле, насчет Раманостра я не знаю, ну а мне только остается подать в отставку. Я должен заявить, что никого не принуждаю, просто рассказываю истинное положение вещей.

Все молчали, сраженные его сухостью.

— Больше нет предложений? Тогда все свободны до трех часов.

Экипаж разбрелся по кораблю. Антон ушел в каюту, лег на кровать и стал стаскивать носком правой ноги ботинок на левой. Это были обычные полусапоги-полуботинки, сшитые из серебристого стереоволокна, обувь удобная, прочная, на века, очень распространенная среди астронавтов сверхдальних рейсов.

Ботинок не снимался. Антон, кряхтя, нагнулся, отстегнул застежку и, освободив ноги, почувствовал легкий холодок на пятках. Хорошо!

Многовато приключений. Прямо как в кино. До чего неблагоприятный мир! Странные сооружения, болота, антенны, босоногие люди-призраки... Живем здесь только четыре дня, а точнее, три с половиной, и уже забот по горло. Иногда кажется, что это все зря, что ничего не получится, и все пойдет прахом. Но это не так. Сюда прилетят люди, построят дома, города, создадут свой климат, уберут эти дурацкие Павильоны и на их месте создадут леса, обширные парки. Может, оставят парочку, на память, как музеи. Еще дальше раздвинется граница земель.

А пока это заснеженные равнины, кратеры, проломы, как заброшенная роцица кривых деревьев, худых от мороза, с дряблой морщинистой корой. Но придет садовник, вылечит деревья, очистит землю от трухи и железного лома, и превратит это место в цветущий сад.

И все благодаря их труду, опасной работе первопроходцев или, как их чаще называют, Искателей. Работа напряженная, многие не выдерживают. Устают. И гибнут. Антон закрыл глаза и перед ним стали поочередно появляться лица знакомых, друзей, которые в силу тех или иных причин попадали в разные передраги, и если они выживали, с большим удовольствием рассказывали об этом в кафе, обязательно ночью на Земле, и вокруг всегда хватало слушателей.

Валера Панкратов однажды ехал на вездеходе, наскочил на валун и вывел из строя реактор. Ну, казалось бы, пустяк:

жизни ничего не грозит, скафандр в порядке, до городка всего километров десять. Запасов пищи естественно никаких, воды и лимонного сока мало, и вот темной марсианской ночью ему пришлось идти пешком эти десять километров. Кругом тьма египетская, только фонарик в руке, а много света от фонарика? Потом начался ураган, и он два часа прятался от ветра в пещере каньона. К вечеру следующего дня его нашли: скафандр весь исцарапан, Валера без сознания, едва не умер от жажды. Откачали.

Метеоролог Смоляновский на том же Марсе сорвался с края гигантского Копрата. На дне разлома нашли только часть обломков.

Роберт Митчел жил на планете земного типа три дня. На четвертый день началось землетрясение, и огнедышащая земля моментально поглотила корабль. Роберт месяц ждал помощи, жил в доисторических тропиках как дикарь, днем спасался от хищников, а ночью питался кореньями. Когда спасательная команда нашла его, он предстал перед ними грязный, обросший, из одежды одна рваная рубашка. Он долго смотрел на них, потом заскрежетал зубами от злости и осведомился, где они шлялись все это время, черт побери!

Валентин на катере забрался в астероидное поле и был раздавлен там двумя глыбами тонн по двести каждая. У «Персея» метеоритом разбило рулевые двигатели, и звездолет летел в сторону Бетельгейзе, пока не сгорел.

Погиб Алешка.

Непонятно. Странно. Нелепо. Абсурдно. Люди гибнут, невзирая на опасность, кажется, что они утратили чувство самосохранения. Многого возвращается на Землю запаянных цинковых гробов. Но люди упорно не хотят с этим мириться, не паникуют, не убиваются, а замещают их место, и дальше, дальше, скрежеща зубами, кусая в кровь губы, сжимаясь от боли, теряя лучших друзей, дальше, несмотря ни на что, дальше...

— Почему я стал астронавтом-искателем? — спросил Антон у себя. — Ведь было столько возможностей: работа с друзьями, работа с родными, работа простым робототехником, но на Земле. Выбрал Космос. И не знаю, в этом ли мое призвание. Просто есть люди, которым вечно чего-то надо, они вечно чувствуют недоверие и сомнение, и всю жизнь им кажется, что времени впереди очень много. И я принадлежу к их числу.

Подошло время обедать. Антон сел на кровать, одел бо-

тинки и пошел в кают-компанию, откуда уже распространялись самые вкусные запахи.

Обед проходил в неловком и недружелюбном молчании. Все молча скребли ложками по тарелкам, Нортон тихонько покашливал в кулак. Сергею первому надоела эта молчанка.

— Все-таки надо будет еще раз проверить холмы.

Пауза.

— Опять лететь туда? — спросил Антон.

— Зачем? Можно прямо отсюда, из рубки.

Молчание.

— Рам, когда вы заметили болото?

— Это после того, как произошло замыкание.

— Замыкание?

— Да так, ерунда.

— Кроме того, везде упало напряжение, по всему кораблю, — сказал Нортон. — И появились сильные помехи, когда я отправлял радиogramму.

— А что вы сразу не сказали?

— Да какая разница? — устало спросил Раманостр.

— Большая. — Антон выразительно потряс ложкой. —

Если идут радиопомехи и падает напряжение — значит...

— Антон, дай поесть спокойно! — попросил Сергей. — Ну хоть сейчас нельзя о работе?

— Ладно, — отступился Антон. — Я только хотел сказать, что, возможно, это энергетические «паразиты».

— «Паразиты»? — переспросил Раманостр.

— Да. Неужели не слышали? Это такой способ добывания энергии — паразитирование на искусственных источниках.

Обед кончился так же невесело, без привычной шутки Сергея.

— Кто будет убирать? — спросил Раманостр.

— Я приносил, тебе убирать, — сказал Сергей.

Раманостр остался в кают-компании, остальные вышли. Сергей с Антоном поднялись в рубку и сразу потянулись к экранам, но все было в норме.

— Даже здесь та же унылость, — сказал Сергей и щелкнул пальцем по гладкому стеклу монитора. — Почему здесь нет вулканов? Почему я не вижу диких зверей, многоголовых хищников? И некого спасать. Скучно.

— Да? — Антон очень удивился. — Ты же недавно говорил обратное.

— Мало, мало, — гнул свое Сергей, усаживаясь за пульт. — Все серо, плоско, мерзко. Рутина.

— Однако ты так не думал, когда стоял у конвейера?

— Ну и что?

— А то, что планета — это тебе не игровой автомат. Надо посерьезней относиться к делу.

Сергей как будто не расслышал, включил поисковый локатор и пробормотал:

— Ну, что у нас здесь?

Сергей вновь приходил в свое нормальное состояние. После стычки с Раманостром он остыл, похолодел, но теперь, обретя свой неповторимый оптимизм, вновь стал энергичным и деятельным.

— Мне почему-то в последнее время не нравится поведение капитана.

— Чем? — беспечно спросил Сергей, нажимая кнопки.

— По-моему он слишком осторожничает. Чересчур. Все твердит нам про самостоятельность, и в то же время позарез нужно объяснить явления. А как их объяснишь, кроме как исследовать их самому, увидеть, потрогать, почувствовать?

— Не знаю. Я сам не согласен. Но не знаю.

— Нортон тоже не знает, и я не знаю, и Раманостр не знает. А кто знает? Мы ходим вокруг да около, почти понимаем, не хватает фактов. А Нортон цепляется за инструкцию и пересказывает нам параграфы.

— Его можно понять.

В рубке повисла глухая тишина. Ритмично стучали невидимые счетчики, вздрагивали стрелки, осциллографы чертили зеленые волнистые линии.

— Есть! — вдруг вскрикнул Сергей и привстал от возбуждения.

— Где? — быстро спросил Антон и бросился к радиокarte.

— В полукилометре к северу от Павильона N2. Там такой источник тепла, черт! Людей на сто хватит!

— Нам бы одного найти... — процедил сквозь зубы Антон и по внутренней акустике корабля вызвал Нортон и Раманостра.

— Я же тебе говорил! — крикнул Сергей Раманостру. — И я оказался прав.

— Подожди, подожди, дай посмотреть, — бормотал Раманостр, протискиваясь к пульту. — Ну и что?

— Вот! — Сергей, ликуя, ткнул пальцем в экран.

На экране метались размытые толстые линии, сталкивались, образуя ломаные помехи, а в синеватом углу пульсировало красочное пятно, оцетинившись багровыми отрост-

ками, похожее на гигантскую раскрашенную амебу с острыми ложноножками. Раманостр смотрел разочарованно, Нортон с интересом, а Сергей наблюдал за Рамом и всем видом говорил: «Ну что, убедился?!».

— Ну это в конце концов еще ничего не значит, — сказал Раманостр. — Вулкан, подземные горячие источники, стогрел еще один Павильон...

Он так легко и просто разгромил Сергея, что тот немного растерялся, оторопел, а Антон посмотрел на Нортон: «Ну чего он медлит?».

Нортон почувствовал, что его ждут и решился:

— Хорошо. Полетим вчетвером. Если кого-нибудь встретим, говорить буду я. И мне не мешайте.

Пурга приближалась. Скоро она незаметно оказалась рядом с ними, и они мгновенно попали в середину облака. Дул сильнейший ветер, в пяти метрах ничего не было видно. На оргалит лепились снежинки, два раза их обдало ледяной крошкой, которую швыряло на правый борт, она дробно стучала и соскальзывала. Чтобы не столкнуться, было решено подняться повыше. На километровой высоте они покинули облако и огляделись.

Внизу клубилась пурга, похожая на распушенный до невозможного ком ваты, на горизонте толпились тысячелетние горы и в свете красного карлика, сглаженном дымкой, казались цветными стекляшками. В нескольких километрах на поле лежала точка Павильона, а рядом с ней, через расстояние толщиной в палец, курился зеленоватый пар.

Сергей что-то долго объяснял Нортону, наклоняясь к микрофону, Нортон невнятно отвечал: мешали радиопомехи. Антон их не слушал, старался не попасть в облако, и боковым зрением видел второй антиграв, который медленно поднимался, опускался и вздрагивал как от укола.

— Надо посмотреть вокруг Павильона! — неестественно громким голосом говорил Сергей, водя пальцем по карте на коленях. — Там очень много пещер, каверн и разломов, но они все засыпаны снегом!

— Сережа, посмотри туда, — показал Антон на дымок около здания.

— Дым как дым, ничего сверхъестественного.

Антон пожал плечами. Знакомое предчувствие беды появилось опять, и Антон никак не мог с собой справиться. Обычный дым, «ничего сверхъестественного», мало ли откуда. Наверное, там озеро горячей воды, или еще чего-нибудь.

Но в любом случае не стоит беспокоиться. Все нормально. А ведь тепла там ого-го! Если бы не Сергей...

— Снижаемся! — предупредил Нортон.

Когда они достигли Павильона, Нортон сказал:

— Никому не покидать машину. Антон, давай вперед, только медленней... Вот так.

Антон посмотрел направо и увидел Павильон, слева Раманостр откинул фонарь и с любопытством осматривает железную громаду здания. А впереди зловещие клубы зеленоватого дыма. Как они только не заметили его? Но потом он вспомнил, что никакого дыма утром не было.

Там, за горбатым морщинистым холмом лежала необъятная яма, до краев наполненная тоннами светлозеленой полупрозрачной массы, которая качалась, вязко, как лава, перекачивалась с места на место, утробно урчала, сыто отдувалась, а кверху поднимались испарения ядовито-зеленого оттенка.

Сергей хотел что-то сказать, что-то очень важное, но сказал совсем не то:

— А здесь совсем нехолодно.

Снег вокруг ямы почернел или давно растаял, на мокрой земле лежали вдавленные отпечатки, как будто кто-то огромный пытался вылезти отсюда, зацепившись пальцами за бережок, но потом он сорвался и ушел на дно, а следы от пальцев остались — глубокие, размазанные.

Когда первое впечатление прошло, четверка людей спустилась вниз и остановилась ровно в пяти метрах, как и полагалось по инструкции.

— Стоп, — сказал Нортон. — Дальше нельзя.

— Нельзя, — согласился Сергей, в пластиковых перчатках и с пробиркой в руке.

Он подошел почти к самому краю и попытался немного зачерпнуть из озера, но поверхность глубоко прогнулась, Сергей выронил пробирку, она упала в густое, похожее на студень, перевернулась и утонула.

— Елки-палки... — пробормотал Сергей. — Не везет мне что-то сегодня.

— Похоже на протоплазму, — предположил Раманостр. — Когда я был на Ренгольде, у биологов, там у них активная протоплазма хранилась в герметичных баках.

Движение в озере участилось. Протоплазма жадно потянулась, перекачиваясь тягучими волнами к астронавтам и стала скапливаться около берега. Скоро вырос небольшой косматый горб наплывов и неестественно держался, в то

время как на другом конце ямы обнажилось неровное дно с лужицами студня. А плазма все скапливалась и скапливалась, скоро это был уже не горб, а приличная горка; она была гораздо выше людей и неприятно раскачивалась. В этом чувствовалась напряженность, физическое мускульное усилие. Казалось, планета не была удовлетворена, пытаясь узнать людей, она их чувствовала, но этого было мало, она расставила повсюду хитрости и ловушки, забросала всех снегом, а потом создала протоплазму как зрительный орган и с интересом их рассматривала.

Студень верхушкой вытянулся дальше и повис над астронавтами, как мгновенно застывшая, выросшая до непостижимых размеров волна.

— Спокойно, — сказал Нортон. — Медленно отходим назад. — Он старался говорить смело, но голос его дрожал.

Всем и без него было ясно, что нужно отходить назад и отходить побыстрее. Волна колыхнулась и нависла над ними еще сильнее.

— Только не делайте резких движений, — попросил Нортон.

Протоплазма неестественно выгнулась, потянулась дальше и опустилась концом на грязный снег. Получился круглый туннель, внутри которого было до невозможности жарко и все моментально вспотели. Это было похоже на резко замерзшую морскую волну сильного шторма. Спереди, сзади и сверху стояли гладкие живые стены, мерно дышали и подергивались темнозелеными подвижными бликами. Снег быстро таял и испарялся.

— А вдруг это разумная форма? — предположил Антон и сразу успокоился, как будто всегда знал, что с ней можно найти общий язык.

Он шагнул в сторону волны и осторожно вытянул руку. Протоплазма прогнулась внутрь и вдруг покрылась множеством пестрых точек, как гранит.

— Антон! — рявкнул Нортон. Это было ново и неожиданно. Нортон почувствовал на себе взгляды.

Справа послышался писк. По самой кромке скакал пушной зверек, очень похожий на тушканчика, с тонкими ногами, заросшими шерстью, с пышной кисточкой на конце хвоста и рубиновыми бусинками глаз. Почувствовав тепло, зверек приостановился и повернул в их сторону усатую мордочку. Студень распрямился и качнул верхушкой вправо. Зверек, почуяв опасность, закричал, рванулся в сторону, но протоплазма оказалась быстрее. Она метнулась в сторону,

мелькнув жирным блестящим телом, и лавиной обрушилась на обреченное животное. От удара загудела земля, вздрогнула и прогнулась. Студень, подхватив расплюснутую добычу, втянулся обратно в яму, с хлюпаньем и всплеском, а когда вновь вспучился, экипаж был уже на вершине холма, Сергей падал и запинался, в одной рубашке, потому что несколько капель протоплазмы попало ему на куртку и прожгло почти насквозь...

Антон лихорадочно жал на педаль, ветер свистел и бил по ушам, а Сергей пытался закрыть фонарь и не мог. Потом он справился и сел на свое место.

В голове Антона был такой сумбур, что он просто не знал, куда бежать, ему казалось, что сзади них несется огромными скачками желе, хохочет, торжествуя, и нахально бьет в днище. Он не сразу сообразил, что они летят слишком низко, задевают верхушки холмов и машина каждый раз сильно ударяется и задирается кверху. Сергей что-то кричал про высоту, потом появились его руки, холодные и сильные, они пытались отодрать пальцы Антона, вцепившиеся в штурвал, и не могли. Потом антиграв так подбросило, что Антон отпустил штурвал и схватился за подлокотники, а Сергей управлял машиной, неудобно перегнувшись со своего кресла...

Они долетели первыми. На днище были глубокие вмятины, вдоль оргалита извивались неизвестно откуда взявшиеся трещины. «Совсем доконали машину» — подумал Антон.

VI

Чтобы никому не мешать и хоть немного отдохнуть, Антон ушел в библиотеку. Хотелось немного побыть одному, но в каюте бесцветные стены действовали угнетающе, и он привык подолгу сидеть здесь, окруженный стеллажами, полными книг и запахом новых пластиковых корочек.

Он вошел в теплый полумрак, отыскал выпуклость кнопки, и библиотека наполнилась мягким приятным светом, без того оттенка холодного отчуждения освещения в коридорах. Вокруг ровными рядами, как солдаты на параде, стояли собрания сочинений, многотомные классики, избранное, произведения «новой волны», очень популярные среди студентов — всего около семи тысяч копий. Стереопластик тускло светился и переливался радужными пятнами, если книжки повертеть под светом и посмотреть сбоку.

Антон сел за коричневый столик, отсвечивающий поли-

рованной крышкой. Вспомнилось сегодняшнее бегство и стало немного стыдно. Стыдно за свое поведение, когда он, как безумный, гнал на всю катушку, не разбирая дороги, помял машину, а потом взгляды товарищей, то ли осуждающие, то ли понимающие. Наверное, его можно было понять. Все-таки не каждый день обнаруживаются озера с живой и, быть может, мыслящей материей. А как другие? Ведь не вели себя так, как он. Черт, глупо получилось.

Он попытался как-то оправдаться и внутренне возмутился. Оправдания! Какие могут быть оправдания! Надоело оправдываться! Каждый раз, когда делаю что-нибудь не так, как большинство, чувствую себя виноватым и оправдываюсь. Иногда приходится оправдываться вслух, перед другими. И все согласны, все кивают, преисполненные мудрости, поддакивают, похлопывают по плечу и приговаривают: «Я знал, что ты всегда был честным парнем». И все ведут себя так, как будто это все в порядке вещей, как будто так и надо, так и следует делать. Чуть, старая, как мир и страх, обыкновенная чуть! Постоянно оправдываться — значит не доверять себе в большей степени, чем другим. Сделал, как тебе показалось, не так — и винишься, каешься, умоляешь самого себя на коленях. Оправдываешься перед Нортонем, что невиновен, что не успел к Алешке, оправдываешься перед Наташей, что не предупредил, что не смог, потому что не верят, они являются страховкой от собственных сомнений, но слишком часто оправдываться не стоит.

А им, астронавтам, приходится это делать, потому что иначе как жить? Ведь жизнь полна стольких невероятных событий, что просто невозможно все время быть правдивым, постоянно тебя раздирают противоречия. Да, ну и мысли...

Антон прислушался к голосам из рубки.

— Проверь настройку, Рам, у четвертого кабеля, — сказал Сергей. — По-моему, перегорели лампы.

Сергей крайне смутно разбирался в позитронной цепи и всяческих этих штучках с игрой электричества. Он был природным биологом, но его еще тянуло к технике, и Сергей втайне завидовал Раманостру.

— Откуда им перегорать — мы почти ими не пользуемся, — возразил Раманостр.

— Хорошо, я сам проверю, — раздраженно сказал Сергей и стал возиться с панелью, сильно брякал чехлами. Его всегда раздражали люди, которые ему не верили из чувства собственной значительности.

— Все там в порядке, напрасно лезешь.

Сергей защелкал чем-то металлическим.

— Поаккуратней с плоскогубцами — это тебе не скальпель. И осторожнее с проводами, может дернуть.

— Не учи, — огрызнулся Сергей и добавил грубовато: — Сам знаю.

Было слышно, как Раманостр усмехнулся.

На несколько секунд в рубке повисла напряженная тишина, полная рабочей сосредоточенности и нарушаемая клацаньем инструментов. Потом послышался неуверенный слабый щелчок, и сразу же раздался страшный электрический треск, как будто могучий великан разом переломил старую сосну, крик, звон разбитого стекла. Антон вскочил и побежал наверх.

Рубка была наполнена дымом. В воздухе четко улавливался сладковатый запах озона. Сергей сидел на полу, в куче блестящих осколков. Левую руку он осторожно держал за локоть и смотрел в пространство, медленно приходя в себя, напротив него чернела дыра в вертикальной панели и отвратительно воняла жженой пластмассой, а внутри шевелились голубоватые сполохи и выстреливали искры. Раманостр ходил вокруг несчастного Сергея, хрустя осколками, и бормотал: «Говорил же — не суйся, говорил...»

— Дернуло? — участливо спросил Антон и уперся плечом в дверную раму.

— Сказал ведь, нет, обязательно надо залезть самому, — бурчал Раманостр. — Тоже мне, физик-биолог... Руки не на том месте...

— Не бухти, — сказал Антон и обратился к Сергею: — Что с рукой?

— Не знаю, — как-то вяло, без энтузиазма ответил Сергей. — Сломал, наверное.

Он поднялся с пола, отряхнул штаны от приставших осколков, отошел в другой конец комнаты и сел в кресло.

— Этого еще не хватало, — пробормотал Антон и подошел к Сергею. — Покажи.

Сергей покорно закатил рукав на левой руке, и Антон увидел, что никакого перелома нет, только на локте набухает здоровенный синячище. Раманостр сел на одно колено перед дырой, вытянул руки, как слепой, пошарил в темноте, потом достал оттуда два разломаченных конца разорванного длинного кабеля, поперхнулся от густого противного дыма и положил все это на место.

Раманостр был первоклассным специалистом, прекрасно

разбирался в электронике и мог без измерителей и таблиц починить любой компрессионный излучатель. Но сегодня интуиция и профессиональная ловкость ему изменяла на каждом шагу. Он что-то неправильно соединил, затрясся и дико заорал: «питание!». Сергей ничего не понял, Антон тоже сообразил не сразу, потом бросился к рубильнику на стене и вырубил ток. Через мгновение в дверях показался Нортон и сердито осведомился:

— Что за дурацкие шутки?

Когда автоуборщик убрал мусор и осколки, Нортон из кресла сказал:

— Я вчера и сегодня сидел над картосхемами, вычислял координаты. Если бы не вы, я бы успел закончить и передать координаты на станцию. Все, оказывается, впустую. По-моему это свинство, ребята.

Нортон поднялся и ушел. Все почувствовали себя ужасно глупо. Нортон никогда не кричал, мог лишь прикрикнуть, но пристыдить он умел, без мимики и жестов, но расчетливо и точно.

Сергей включил ток, потом начал неумело надевать чехлы, защемил в зажиме и порезал палец. Антон его заменил, и они вдвоем с Раманостром быстро управились.

Антон спустился вниз. Нужно было подготовить киберов — расчистить площадку и установить радиомаяки для посадки других кораблей. Он пошел в хвостовую часть, миновал шлюз-камеру и вышел в слабо освещенное помещение ангара, где находилась вся рабочая техника. Эта часть корабля не отапливалась, поэтому здесь всегда было холодно и гуляли сквозняки. Вздрагивая от жгучего ветерка, Антон подошел к киберам и начал составлять программу. Закончив с программой и проверкой, он выпустил их из корабля и проследил за ними. Все команды выполнялись правильно. Рабочие стачивали наросты льда, разравнивали площадку, огораживали участок. Антон вернулся в корабль и пошел посмотреть, как там Раманостр.

Раманостр сидел около пульта и колдовал над схемами, а рядом красовалось цветными проводами полуразобранное электронное хозяйство.

— Как дела? — спросил он.

— Выгнал андроидов чистить площадку. А ты?

— Двигаюсь помаленьку... — Он оторвался от паяльника и посмотрел на Антона. — Так, что я хотел тебя спросить? Да! Ты случайно не помнишь, какое должно быть напряжение у элементов мм-23?

— Не помню. Посмотри в справочнике.

— Там даны только мм-20.

— Так они же устарели!

— Вот именно. И я не знаю, что теперь делать.

— Проверь еще раз...

— Да проверил я уже! — раздраженно сказал Раманостр.

— Все равно не то напряжение.

Антон подсел к нему, и они стали разбираться. Работали долго, но потом добились своего и установили нужное напряжение. Раманостр напоследок протянул щуп тестера между проводов и распахнутых печатных схем, в глубине вспыхнула и проскочила голубоватая искра и тут же погасли лампы.

— Что такое? — забеспокоился в темноте Раманостр. — Неужели замкнул?..

Он разобрал панель, залез туда верхней половиной туловища и посветил снизу фонариком.

— Нет, — заявил он. — Я здесь ни при чем. Антон, посмотри в аккумуляторной.

Антон в крошечной темноте пробрался к энергоблоку, на секунду заблудился, потом посмотрел вокруг, обшаривая пространство слабым светом фонарика, и вернулся обратно.

— Ничего, — сказал он. — Не работает даже аварийное питание.

— А что ты хочешь от этого корыта? — Антон ничего не видел, но почувствовал, как Раманостр распахнул руки, словно намереваясь обхватить всю комнату.

— Странно, не правда ли? В один миг обесточен весь звездолет, сразу, полностью... — тихо сказал Антон.

— Что? — не понял Раманостр.

— Не ругай старого «Единорога». Он не виноват.

— А кто же?

— Анто-он! — слышалось из люка.

Они спустились на нижнюю палубу. В коридорах было темно, как в пещере. В мечущийся кружок света попадали угловатые конструкции, плафоны ламп, переборки, и тут же пропадали. Раманостр повернул фонарик, разглядывая потолок. Его лицо, подсвеченное снизу, сразу сделалось страшным, яростным, злым, как у древнего колдуна.

— Старый корабль... Старая конструкция... — пробормотала колдовская физиономия, подвешенная в воздухе и превратилась в Раманостра, потому что неожиданно включился свет, брызнул со всех сторон и резанул глаза.

— Ну вот, все разрешилось, — сказал Раманостр жмурясь и ушел наверх, в рубку.

Нортон стоял около распахнутого настежь люка и смотрел в бинокль. На звук шагов он обернулся и протянул Антону бинокль.

— Посмотри, — сказал он.

На координатной сетке возник противоположный склон кратера, над которым угрожающе повисла пурга, брошенные маяки на рыхлом снегу и киберы. Они катились по направлению к «Единорогу» и делали это очень неуверенно, пошатываясь из стороны в сторону. Гусеницы скверно гревели и лязгали, у некоторых бестолково крутились головы вокруг своей оси, как локаторы, и вяло поскрипывали.

— Что с ними? — спросил Антон в отчаянии.

Андройды подъехали к ним и выстроились в ряд, задевая друг друга тяжелыми бочкообразными телами и толкаясь. Антон торопливо сосчитал их. Не хватало двоих. Тот семенил в их сторону, не разбирая дороги, шумно взламывая лед и подпрыгивал на взгорках. Потом у него заклинило правое ведущее колесо, он завертелся на месте, разрывая наст, и свалился в какую-то яму, из которой потом долго выбирался. «Где же второй?» — мелькнуло в голове и Антон еще раз тщательно просмотрел рельеф. Второго нигде не было.

VII

— Пойду позову Рама, — сказал, наконец, Нортон и ушел.

Последний кибер занял в шеренге свое место. Антон подошел к нему и потребовал:

— Сообщи свое задание.

Кибер беспомощно повертел узкой шеей и отъехал на метр назад. Антон задал обычную проверку. Андроид реагировал на устные команды странно. На приказ «развернуть» он истово сгибал и разгибал манипуляторы, катался, центр речи вообще был непонятно каким образом выключен, а световые индикаторы горели только красным светом: «Приветствую!».

С шестелом раскрывалась диафрагма, и Раманостр, брякая инструментами, угрюмо осведомился:

— Ну что стряслось?

— Иди сюда, полюбуйся.

Антон обошел кибера сзади, встал на подножку и распахнул дверцы с надписью «Осторожно!». Раманостр присвист-

нул. Многие провода были с силой выдернуты, панель с лампами разбита, словно по ней прошлись палкой, а пластмассовые части оплавилась и застыли. Раманостр приподнялся на носках, проверил рабочую память.

— У него вся программа стерта, — заявил он и выключил анализатор с рожками антенн. Кто же сделал нам такую гадость?

— Все ясно, в том смысле, что ничего не ясно, — сказал Антон, ковыряя отверткой в схемах и бессмысленно ударяя по проводам.

Он перешел к другому и повторил то же задание, что и предыдущему. Андроид долго сипел, потом выпалил как из пушки: «Разрешаю!», так, что Раманостр вздрогнул и чертыхнулся, и разразился потоком бессмыслицы:

— Разрешаю... Можно... Разрешаю. Всем в укрытие. Я сказал: всем! Вы что, не поняли? Всем! В укрытие! В укрытие, быстро! Расплавлю!.. (свист и улюлюканье, как в радиоприемнике, потом быстрый перебор алфавита три раза за полминуты.) Нет. Все в порядке. За работу. Маяк установить. Тридцать четыре — сорок два! Тридцать четыре — сорок два! Немедленно срыть этот холм! Так... Разрешаю. А вот это нет. Нет, нельзя. Я не хозяин, а вдруг что... Есть, принял...

Слова из него сыпались, как из рога изобилия. Потом он замурлыкал, из динамика выпал кусочек песни и был моментально проглочен серией далеких погромыхиваний разной силы. Неожиданно оборвав недоконченную фразу, он замолчал.

— Чертовщина какая-то... — сказал Антон.

— Ты заметил, про что он говорил? Это весьма странно, тем более что киберы никогда не командуют другими.

— Да... И сама речь... как бы это сказать... чувствительная, что ли?

— Объясни.

— Ну, чересчур эмоциональна. Похожа на человеческую.

— Насчет того, человеческая она или нет, я не знаю. Может быть. Но как объяснить его командную речь? Ведь все вопреки законам кибернетики...

Раманостр покопался в аккумуляторе. Андроид вдруг оглушительно свистнул и заорал: «Осторожно!». Раманостр испуганно отдернул руку и выдохнул:

— Фу ты черт... Антон, давай-ка их в ангар. Бесполезно с ними возиться.

— Подожди. Давай разберемся.

— Да что тут разбираться! Им теперь только в конвертер.

Раманостр разнервничался так, что косо всадил отвертку в распределительный щит и полностью замкнул систему. Андроид затрясся, рванулся назад, потом в нем что-то гулко треснуло, вспыхнуло и из-за железной спины повалил черный дым.

— Черт знает что такое, — мрачно сказал Раманостр.

Антон перешел к следующему рабочему и раскрыл дверцы.

— Не понимаю, чего ты там копаешься, — совершенно раздраженно спросил Раманостр.

— Пытаюсь что-нибудь сделать. В отличие от некоторых.

— Что там можно сделать! — Он пнул ни в чем не повинного андроида и скривился от боли.

— Да успокойся, Рам, ну что с тобой стряслось?

— Надоело, понимаешь? — Он говорил совсем тихо. — Живем в море загадок и даже не можем объяснить, что происходит вокруг. У меня это вот где... (Раманостр постучал себя по шее.) Не могу я так, понимаешь, не могу!

Он сел на щиток над гусеницей, поставив локти на колени и спрятав в ладонях лицо.

Антону стало жалко его. Ведь Рам уже восьмой год штурманом в сверхдальних рейсах. Вымотался человек. На своем веку повидал всякого: видел, как гибнут друзья, как люди сходят с ума от напряжения и одиночества, видел такое, о чем не упоминал даже в рапортах. Эта скудная и ужасная биография напоминала Антону его собственную. Он присел рядом с Раманостром.

В памяти возник самый первый дальний полет. Звездолет опустился среди широченной высокотравной пропашины. Со всех сторон ее окружал лес, в воздухе пахло пылью и болотом. Около высоких кустов выпрыгнула рыжая и длинная конечность, скрутилась вокруг его ноги и впиалась в штанину. Ткань еле держалась, потом затрещала и лопнула, и мгновенно закапала кровь, его, Антона. Потом кто-то выстрелил и перебитая конечность исчезла.

В третьем рейсе на его напарника напал болотный рогач. Антон выхватил нож, замер в замешательстве и, видя, что напарник хрипит и задыхается, пытаясь отодрать колючие щупальцы с длинными пальцами, полоснул рогача по страшной оскаленной морде, по злым глазам. И сразу же стал другим Антоном, не тем, что был раньше. Что-то потерял в себе, и потерял навсегда...

Раманостр покачал головой, устало вытер рукой лицо и поднялся.

— Ладно, — сказал он. — Давай-ка их посмотрим, а то пурга скоро.

Из всех киберов наиболее работоспособными оказались только двое. По крайней мере они реагировали на устные команды. Антон велел им отвезти остальных в ангар и, наблюдая, как эти двое старательно подталкивают своих собратьев и загоняют в корабль, сказал:

— Знаешь, Рам, я наверное еще раз здесь побываю...

— Не гадайвай! — отрезал Раманостр. Неизвестно еще, что завтра будет. Да и сегодня тоже...

Он не договорил и вошел в отверстие люка. В его словах было что-то пророческое.

Все сидели в кают-компании и пили чай. Озябший Раманостр грел руки, обхватив пальцами чашку, осторожно отхлебывал дымящийся чай, вкусно пахнущий смородиной, сыто отдувался и добрел, словно оттаивал. Сергей и Нортон что-то оживленно обсуждали, причем больше и громче говорил Сергей, спорил, приводил выдержки из научных статей и отчаянно жестикулировал. На столе стоял прямой и круглый чайник, однообразно серый и очень унылый, раскрытая посуда с вареньем и корзинка с печеньем.

— О чем диспут? — спросил, подходя, Антон.

— Ты послушай, Антон, очень интересно, — сказал Нортон и взял печенье.

— Мы тут обсуждаем феномен «дрейфующих островов», — произнес Сергей с набитым ртом и отпил из чашки.

— Что? — не понял Антон.

Сергей прожевал и повторил:

— Я говорю: мы обсуждаем феномен «дрейфующих островов». Ну разве не помнишь?

Антон помнил. Это было в то время, когда Антон учился на первом курсе Школы Пилотирования. На маленькой планете земного типа Александре какой-то геофизик нашел острова с весьма необычными свойствами. Они состояли из очень толстых пластов земли, густо заросших растительностью, которые соединялись под водой корнями непомерной длины и медленно дрейфовали вокруг давно потухшего вулкана. Было совершенно непонятно, как они образовались, для чего ходили вокруг вулкана, и на некоторое время стали загадкой номер один. На Ученом совете разгорались жаркие споры, выступавшие размахивали руками и кричали до хрипоты, потрясая школьными учебниками геофизики, их

никто не слушал, но все были довольны. В одно время среди выпускников Школы были очень распространены контрольные доклады на тему «Расчет коэффициента давления и поворота фотонных ускорителей при посадке рабочего звездолета класса ВС на Большой остров архипелага Стальная Цепь планеты Александры».

Все это было хорошо, но результаты вычислений не помогли пилотам точно в указанном месте посадить корабль. Во-первых, Стальная цепь дрейфовала и постоянно качалась, а во-вторых, посадочные штанги проваливались в почву, как в мякоть, и застревали. Один звездолет, на радиоуправлении, без людей, утонул сразу же. Другой, с геофизиками, зацепился за корни и тоже утонул. Геофизики остались целы. Скоро про феномен «дрейфующих островов» забыли и отдали его на съедение туристам (почва, как известно, не выдерживала больших кораблей, но к людям была равнодушна).

— Ну и к какому выводу вы пришли? — спросил Антон.

— Я уверен, тут не без местных аборигенов, — веско сказал Сергей. — Смешали грунт с резиновой пластмассой, добавили немножечко органики, клетчатки, водяные шарики, электроника конечно, и — пожалуйста! Ученые потолкались и отстали, затем туристы. А с туристов — гигантская прибыль!

— А ты, Нортон?

— Я не знаю, честно говоря, — ответил Нортон. — На аборигенов это похоже, они — народ немного жуликоватый. Но точно сказать не могу.

— А я могу, — решительно заявил Антон и поставил чашку на стол. — Могу сказать точно, что это не аборигены. Несколько лет назад они не знали даже, что такое радио...

— Ну, милый мой! — протянул Сергей. — Это еще ничего не доказывает.

— Погоди. А насчет пришельцев?

— Нет. Ну какой им смысл начинать с нами нормальные гуманоидные отношения с этих островов?

— А может, у них другая логика?

— Нет. — Сергею было жалко бросать свою теорию, и он заупрямился.

— Хватит вам спорить, — сказал Раманостр. — Посмотрели бы лучше, что снаружи.

— Посмотри, — предложил Сергей, кокетничая.

Раманостр пожал плечами и включил стереовизор. Экран ощерился острым бледным светом, и по нему забегали кое-

матые волосатые тени. Угадывалось облако, оно клокотало, бурлило и швыряло на объектив комья снега, отчего на экране лепились и срывались белые пятна. Чуть-чуть были видны поднятые гелиопанели, круглые и вогнутые, и тускло блестели.

Потом резко все исчезло. Стереовизор выключился, погас свет, наступила темнота.

Рядом с Антоном завозился Сергей и спросил:

— Напряжение упало?

— Да нет, это не напряжение, — задумчиво произнес Нортон.

— Что тогда? Магнитная буря?

— Абсолютно невозможно, — сказал Антон. — Противолучевые экраны в стенках корабля...

Лампы вспыхнули и загорелись, включился стереовизор.

— Ну! — Раманостр отчаянно зажмурил глаза.

Антон увидел на экране полосы, которые раздражающе трещали, дергались и портили изображение.

— Черт знает что такое, — неожиданно сказал он и опрометью бросился вон из кают-компания.

Остальные побежали за ним. Раманостр торопился позади всех и смотрел под ноги одним глазом, другой закрывал рукой — он немного страдал фотофобией.

Они, подталкивая друг друга, выбежали из люка. Погода встретила их злобно и агрессивно. Она с размаху хлестнула всех тяжелой снежной складкой невиданной хламиды-пурги, а потом завывала долго и надсадно. Впереди, сквозь облако, угадывалось розовое пятно. Антон побежал от пурги к пятну, он запинался, ему было страшно. Казалось, чьи-то руки хватают его за ботинки и тянут вниз, на дно снежного моря. Снег вдруг сделался вязким, трудно проходимым, как будто под покровом была не земля, а медовая жидкость, тягучая и непроницаемая, как протоплазма. Антон закричал, но его никто не услышал. На миг показалось, что исчезло все: друзья, корабль, небо, остался он один, насмерть бьющийся с хлестким ветром. Но потом ощущение пропало и он посмотрел наверх.

Там, на двадцатиметровой высоте (или около этого) висел большой клубок ярко-алого света, потрескивал электроразрядами. Поверхность его заметно пульсировала, меняя цвет с красного на розовый, и была покрыта множеством искроподобных зигзагов красного оттенка,

которые со сверхъестественной скоростью бились друг о друга, извивались, исчезали и появлялись вновь, бегали по огнедышащей поверхности. Клубок напоминал неизменно раздувшуюся актинию с быстрыми и тонкими щупальцами, он вздрагивал, и был очень похож на шаровую молнию.

Антон даже не успел по-настоящему испугаться или удивиться. Косматый шар защелкал электроразрядами, как хлыстом, и запульсировал быстрее. Сзади тяжело задышал Сергей.

— Вот так штука! — выдохнул он.

«Штука» сделала движение в сторону корабля, и сразу пурга стала отодвигаться в сторону, пока не показался звездолет. Очень странно было видеть, как облако реет и ломится, а поверхность его строго перпендикулярна земле и абсолютно ровная. Такое впечатление, будто пургу огородили большим листом стекла, и она колотится в нее и не может вырваться наружу. «Похоже на силовое поле, — подумал Антон. — Но каким образом?»

Шар медленно стал опускаться, болтаясь, как мыльный пузырь, достиг сугроба и погрузился в него, как нож в масло. Сразу же на его месте зашипело, забрызгалось, повалил густой пар. Потом, когда все успокоилось, они увидели свежее болото. Жидкость пенилась и колыхалась, на краю уже появлялись светло-розовые ростки. Красное пятно поднялось по эллипсу, волоча за собой розовый отсвет, поплыло над кораблем, играя розоватыми бликами на оболочке. Потом снова опустилось, уже за кораблем, прожигая новую проталину, подскочив, за секунду покрыв сотни километров к западу, где сиял красный карлик, и растворилось в багровом зареве.

Небо вскоре затуманилось. Снова накатила пурга, злобно огрызнувшись и стала сеять густой белой крупой. В спину подуло холодом.

Они вернулись к кораблю. Вот они, проталины! Утечка энергии, подпространственный скачок... Все получается! Но легче от этого не стало. Антон прислонился спиной к холодному выпуклому борту, медленно опустился на корточки и спрятал в ладонях лицо. Нортон оперся плечом о край люка, Раманостр стал уныло и старательно раскапывать носком ботинка наст. Сергей скатал комочек снега, швырнул его и, наблюдая, как снежок расплзся в морозную пыль, сказал:

— Ну и дела!

Антон провел эту ночь плохо: все ворочался и вертелся. Да и у всех было, наверное, также. Антону снилась Земля, озеро недалеко от коттеджа, прямо через сосновый лес. Раннее утро. Соседние коттеджи молчат, темно-голубые панели солнечных батарей мокрые от росы, на траве радужно блестят тяжелые капли. В высоком небе ни облачка, оно ровное, чистое и непроницаемое...

А потом приснился Алексей. Небольшие купола, присевшие в ледяном оберонском крошечке. Около входа висели гигантские сосульки, срстаясь с наледью возле крыльца. Дверь распахнулась, и из тамбура вышли один за другим странные фигуры, одетые в гладкокожие скафандры и вытянутые цилиндры гермошлемов... Потом долгий путь в Большое ущелье, тряская дорога, вибрация вездехода и острые осколки, летящие из-под гусениц... Антон много раз просыпался в холодном поту и дико разглядывал каюту, будто был здесь первый раз.

Он сел на кровати и свесил ноги. Голые икры задевали резиновый коврик и шарики гантели. Антон помассировал шею и потер лицо. После приснившегося кошмара было как-то не по себе.

За завтраком Сергей сообщил, что ночью, когда дежурил, опять видел мираж гниющего города. Нортон сразу же спросил, почему Сергей никого не предупредил сразу.

— Для чего? Все равно мы ничего бы не сделали.

— Надо было вызвать...

— Мираж появляется ровно в полночь, каждую ночь... — пробормотал Раманостр. — Похоже на запись, а?

— Запись? Постой... — Сергей перестал есть и задумался. — Похоже. Кстати, лед здесь содержит немного распыленной серебряной смеси, довольно безвредной.

— Ну и что? — спросил Антон.

— А то, что он может играть роль эмульсионного слоя, ну как в фотопленке. И снег и лед в разных местах различны по составу. Ближе к горам встречаются участки с большой радиоактивностью.

— Ого! — сказал Раманостр. — А нам почему не сказал?

— Я только сегодня узнал, в лаборатории.

— Тогда получается... как бы кино?

— Именно! — сказал Сергей и отложил ложку. — Кадр за кадром информация фиксируется, как на кассету, а потом воспроизводит запись. Только непонятно, почему именно

каждый день, то есть ночь, ровно в 0.00, где информация хранится, ведь снег может смешать выюга...

— Может и горы ненастоящие, «липовые»... — вполне серьезно предложил Раманостр.

— Нет, горы действительно существуют, — сказал Нортон. — Они даже на карте обозначены.

— Надо же, — произнес Антон. — Сидели, завтракали, и вдруг между делом разрешили загадку, над которой так долго мучались.

— Кто мучался? — спросил Сергей всезнающим тоном. — Я, например, нет. Да и между делом ли?

Нортон закончил есть и составил тарелки горкой.

— Что сегодня будем делать? — спросил Антон.

— Надо установить маяки, — сказал Нортон. — Обязательно.

— Мне бы в лес... — вздохнул Сергей.

— Надолго? — осведомился Нортон.

— Да нет, часа на полтора, не больше.

— Хорошо, — согласился Нортон. — Но только на полтора часа. И обязательно вдвоем.

— Антон? — сказал Сергей.

— М-м, — кивнул Антон, жуя.

— К монтажке маяков приступим после обеда, — сказал Нортон и встал из-за стола. — Рам, я буду в рубке. — И он вышел.

...Термометр показывал снаружи около тридцати мороза. Им пришлось надеть меховые перчатки, шапочки «петушком» из гладкого и теплого стереосинтетика и включить подогреватели курток. Сергей еще долго проверял аппаратуру, регулировал, настраивал. Антон, чтобы не вспотеть, выбрался наружу и сразу же обнаружил следы. Они четким пунктиром отмечали путь животного, идущего по просеке, и вызывали неприятное ощущение.

За время отсутствия ребят несколько деревьев рухнули поперек просеки и образовали небольшой завал. Шел обильный снегопад и заметал следы, деревья с обломанными концами, страшно развороченные пни, похожие на гигантских спрутов. Хмурый свет, осторожничая, выделял на снегу мускулистые бугры, и был в этом какой-то тайный смысл, намек.

Сергей, наконец, собрался, вылез из антиграва и тоже увидел следы. Он поправил сумку на плече, натянул перчатки и сказал:

— Ну, пошли, что ли...

Антон направился вслед за ним, стараясь ступать след в след, сам не зная зачем. Они подошли к завалу, и Сергей стал внимательно осматривать кору, смахивая снег, заглянул в разлом согнувшегося посередине дерева, отошел в сторону и стал доставать из сумки приборы и складывать их рядом на ствол. Потом он взял пластмассовую черную коробочку с миниатюрным экраном, вытянул крошечную антенну и приложил прибор к рисунку сердцевины, похожему на спутанную зеленую паутину. Посмотрев на результат, Сергей положил коробочку на место и позвал Антона.

Они сошли с просеки вправо и углубились в лес. Здесь все было по-прежнему. Мерно раскачивались верхушки деревьев, кричали птицы и чертили в низком небе замысловатые кривые. Но что-то было не так, что-то абсолютно по-другому. Может было очень холодно, и в утреннем воздухе голоса и звуки казались замороженными, невообразимо далекими.

Идти было нелегко, особенно на больших полянах. При каждом шаге нога сильно и глубоко уходила вниз, и у Антона екало сердце, когда он не мог найти под собой твердое. Здесь было много больших ям и провалиться в одну из них было очень легко. Но скоро сугробы стали меньше, земля поднялась, и ребята поднялись на высокий край длинного и глубокого оврага.

Все здесь выглядело странным и нелепым. Обгоревшие деревья громоздились друг на друга, вырванные с корнем, раскромсанные на части стволы лежали на дне оврага, вокруг валялись желтоватые щепки, пахло стружкой, смолой и плесенью. Уцелевшие деревья стояли плотно к друг другу, образуя почти непроходимую чащу, и свет пробивался сюда еле-еле сквозь тяжелые и длинные ветви.

Сергей спрыгнул в овраг, потрогал и потер ствол. Кора сильно шелушилась и отставала мокрыми гибкими ломотьями. Антон спустился к Сергею и стал осматриваться.

— Вот это то, что мне нужно, — сказал Сергей и полез под нагромождение тонких обугленных стволов, похожих на останки сгоревшего бревенчатого домика.

— Что там?

— Да так, пустяки... — Сергей повозился, потом защелкнул сумку и выбрался из-под бревенчатого навеса. Он улыбнулся и радостно потирал руки в перчатках.

— Что-то нашел? — спросил Антон.

— Нашел... — начал Сергей и не договорил.

Сверху издали послышался яростный древний рев, по-

хожий на крик археозавра из заповедника Олимпы. Кто-то большой, могучий двигался в направлении просеки, тяжело и громко хрипя, бил по земле хвостом и душераздирающе вскрикивал. Потом послышался гулкий удар, ломаясь затрещало и зацелкало дерево, просвистело в воздухе и ухнуло в сугроб. С верхушки оврага сорвалось и осело облако мормозной пыли.

Сергей моргнул и тихо сказал:

— А мы здесь, оказывается, не одни.

«Не одни» — повторил про себя Антон и почувствовал страх, мелкий первобытный страх. На станции их долго тренировали в специальных залах, где приходилось по несколько часов сражаться с агрессивными животными, ненастоящими, но очень похожими на настоящих. Астронавты учились владеть оружием, вырабатывали в себе умение вовремя нажать на спуск и выстрелить в живое. Дизайнеры-художники выдумывали такие ужасы, при виде которых хотелось все бросить и быстренько уйти из зала. Но никто не уходил, потому что все знали, что это все не реальность, а просто компьютерная графика и буйство фантазии. И вот теперь, когда Антон встретился с этим, он растерялся и испугался. Ведь животное могло вернуться. Или найти антиграв...

— Сережа, почему нам не выдают оружие? — спросил Антон, когда шаги животного стихли.

— Не знаю. Но я слышал, что начальник экспедиции говорил Нортону что-то про оружие.

— Ну?

— Понимаешь, Антон, ведь планета-то земного типа. А ты сам знаешь, что на такой случай есть какие-то ограничения.

— Ограничения... А если оно вернется?

— Не вернется. К тому же у нас есть излучатель.

— Да, но он на корабле.

Сергей ничего не сказал и стал выбираться из оврага. Подул ветер, снежинки покалывали щеку. Антон поправил папку, и в полном молчании они двинулись обратно.

Около антиграва Антон напомнил:

— Ты, кажется, хотел мне рассказать...

— Рассказать? Ах да, вспомнил. Понимаешь, эти деревья... Ну как бы тебе объяснить? В общем, это что-то вроде биоантенн большого организма. Вот мы пытались найти объяснения, а тут, по-моему, надо мыслить более широко, в масштабах всей планеты...

Где-то рядом послышался короткий свист, удар, и тол-

стая ветка с дерева упала вниз, на корни. Сергей вздрогнул и обернулся. Антон посмотрел на часы. С момента их прилета прошло почти два часа. Он поднял фонарь и сказал:

— Поехали, Серега.

Антон сел в водительское кресло, включил двигатели и обогреватель. Сергей не торопился. Он долго смотрел на поваленные деревья, зачем-то взял и растер пальцами снег.

— Сергей! Тепло уходит!

— Сейчас, сейчас... — Сергей понюхал мокрые пальцы и странным голосом сказал:

— Антон, а ведь снежок-то не простой. — Он посмотрел на пальцы и мрачно добавил: — Радиоактивный. Пальцы жжет.

— Садись, — потребовал Антон. Они и так тут пробыли слишком долго.

Сергей подпрыгнул, перелез через борт и закрыл фонарь. Антон сделал крутой вираж, антиграв взмыл вверх и потянулся к кораблю, задевая мягкие верхушки леса.

Подлетая к «Единорогу», они увидели Раманостра. Тот стоял около люка, скрестив руки, и следил за ними. Антиграв приземлился, подкатился к Раманостру и остановился, толкнув его под коленки. Как только ребята выбрались наружу, Раманостр вдруг сделался неприветливым и спросил:

— Почему взяли не свой антиграв?

— Какая разница? — раздраженно спросил Антон.

— Ваша машина тянет еле-еле. Я два часа с ней возился. А мне, между прочим, сегодня надо было в Павильон.

— Зачем это? — подозрительно спросил Сергей и прищурился.

— Не в этом дело. Вы взяли чужую машину.

— Ты нас ждал только для того, чтобы сказать это? — ядовито спросил Антон.

— Нет. Я ваш антиграв чинил. Сейчас пойдем ставить маяки.

— Я не могу, — быстро сказал Сергей. — Мне надо в лабораторию.

— Потом все решим. Пошли обедать.

После обеда Сергей сбежал в лабораторию, а остальные стали готовиться к работе. Во-первых, одежда. Нортон сказал, что там очень сильный ветер и всем велел наглухо застегнуть куртки и воротники. На одних аккумуляторах, сказал он, долго не проработаешь. Во-вторых, инструменты. Раманостр сбежал в мастерскую и принес пневмомолотки, крепления, потом они вдвоем с Нортонем, пыхтя и краснея

от усердия, приволокли лебедку. Рассовав инструменты по сумкам, они втроем выкатили из корабля тяжелую лебедку и направились к площадке, расчищенной киберами.

Антон шел и размышлял. Пробудем здесь еще дней пять — и на станцию. Он со всевозможной отчетливостью стал представлять себе их прибытие. Сначала выпуклые плиты шлюза и километровой ангар корабля-матки. Потом длинные коридоры, залы, обработка в медкамере, запах бинтов и йода. Кабинеты врачей, люминисцентные потолки. Строгий интерьер комнат встреч, все гладко, чисто, ровно, ничего лишнего. И, наконец, веселые лица ребят, мгновенные шутки, остроты, смех. Естественные вопросы: как жилось, что видели, интересно? Можно им ответить, что приключений хватало. Можно сказать, что настроение в большинстве было скверное. Казалось, две несовместимые вещи. Но так действительно было...

Антону защекоotalо нос и он раздраженно смахнул снежинку. С неба сыпалась вялая белая крупа, в воздухе не было молодецкого здорового мороза, а был злой колючий ветер, тоска и отчаяние. Справа шла цепочка грязных гусеничных следов, забрызганных мутной жижей. Вот здесь у кибера заклинило колесо и он перевернулся. Антон заглянул на дно ямы и увидел все ту же снежную грязь и следы. Да, невесело. А попросту говоря, скверно.

Потом он увидел площадку. Вокруг нее шел мощный бардюр из огромных, сверкающих ледяных глыб. Вертелись и распадались снежные смерчи, похожие на шлейфы белого дыма, ветер тащил их за собой и бросал на голые, высокие и унылые стены кратера.

Первый радиомаяк лежал на боку, угловатый и громоздкий. Ступенчатая пирамида корпуса была покрыта инеем и тускло отсвечивала, а синий полукруглый фонарь, большой и неуклюжий, был наполовину засыпан и похож на аквариум.

Недалеке стоял Раманостр и смотрел на выпуклую массу железа, вдавленную в сугроб. Антон подошел к нему и увидел знакомые сочленения манипуляторов. Да это же кибер! Мела поземка, налетала на корпус и соскальзывала. Беспомощно болтались порванные гусеницы, расцепленные звенья, а из развороченного туловища выглядывали провода.

— Кибер... — сказал Антон, удивляясь не роботу, а выражению лица Раманостра. Тот смотрел на кибера, как на мертвого.

— Да... — Раманостр невесело усмехнулся. — Здорово его продырявило.

Нортон, который стоял чуть поодаль и возился с лебедкой, позвал их.

Работать было тяжело. Лицо сводило от холода, и кончики носа почти не чувствовался. Маяки казались неподъемно тяжелыми, их с трудом поднимала даже электролебедка. Она гудела и пощелкивала, натягивая трос и приподнимая верхушку маяка, а когда было тяжело, от бессилия начинала трястись и взрывать. Раманостр держал в руках коробочку пульта и управлял лебедкой, а Антон и Нортон придерживали края маяка и крепили опоры. Маяков было четыре, их нужно было установить на площадке квадратом, подключить питание и настроить на позывные кораблей.

— А ведь планету мы так и не назвали, — заметил Антон.

— Верно, — согласился Раманостр. — Антон, дай ключ на тридцать.

Он принял ключ и стал заворачивать большую гайку на креплении. Нортон проверил сигнальную лампу. Все было в порядке.

— Готово, — сказал Раманостр. — Переходим к следующему.

Следующий маяк стоял прислоненный к скале. Он примерз одним боком и верхушкой, им пришлось его сначала оттирать, а потом опускать в выдолбленную киберами лунку и крепить на твердой, как гранит, земле.

Когда поставили последний маяк, Антон узнал, что такое настоящий холод и замерз окончательно. «Наверняка отморозил нос,» — подумал он, снял перчатку и ладонью погрел лицо. Раманостр тоже замерз, развернул лебедку и погнал ее с максимальной скоростью к кораблю. Потом он сложил инструменты и повесил сумку Антону на плечо.

— Это еще зачем? — запротестовал Антон.

— Возьми, возьми. Я их сюда нес, — приговаривал Раманостр, наблюдая, как лебедка катится уже около корабля и подпрыгивает на неровностях.

Антон пожал плечами (сумка была довольно тяжелая) и пошел по тропинке. Впереди, гладкой обтекаемой пирамидой, чернел звездолет. У входа Нортон заторопился, почти вбежал через люк, Антон и Раманостр, подстегиваемые его нетерпением, за ним. Нортон побежал вверх, в рубку, и по внутренней акустике стал вызывать Сергея. Сергей не пришел. Нортон сморщился от напряжения, включил термомолоток и стал яростно вращать верньеры.

— Что-то с Сергеем? — быстро спросил Антон и задохнулся.

— Не знаю, — сказал Нортон. — Его нет ни на корабле, ни в кратере.

Антон вспомнил, что видел только один антиграв и ему стало нехорошо. Экран издевательски молчал. Потом вспыхнула красная точка — Сергей, а рядом пульсирующее яркое пятно протоплазмы. У Сергея должен был быть передатчик. Нортону удалось настроиться на его импульсы и он быстро заговорил:

— Сергей, Сергей, ответь, слышишь, Сергей, ответь, Сережа...

Слышалось неясное бормотание, треск, клекот. Потом раздался голос Сергея, слабый и хриплый.

— Нортон... Ребята... Я взял нашу машину. Все сходится. Электромагнитное излучение планеты то же самое, что и у животных. Вы понимаете, что это значит?

Он застонал и замолчал.

— Сережа!!!

— Этот шар... Он опять здесь. Больно...

Антон выпрыгнул из рубки, помчался, опережая крик Нортон: «Антон!», очутился перед аварийной дверцей, судорожно прижал ладонь к плоскому окошечку. Дверца отодвинулась в сторону, обнаружив темную нишу и стеклянный ящик. Антон размахнулся, вышиб стекло локтем и выдернул из зажимов излучатель — огромный пистолет в пластиковом корпусе и с оптическим прицелом. Оттуда же достал обойму, со звоном вогнал ее в удобную рукоятку и побежал к выходу.

Пнув диафрагму, он выскочил из кессона, забрался в антиграв и погнал к Сергею. Антиграв стонал и вибрировал, как загнанное животное, воздух свистел в ушах, слезились глаза. Антон попробовал закрыть фонарь, но там что-то залинило и ничего не получалось. Антон сел на место. В голове металась страшная мысль, что, может быть, Сергея уже нет в живых, а может быть он насмерть бьется с чем-то большим, намного превосходящим его по силам, и Антон не успеет, никто не сможет ему помочь. Мысль эта, казалось, распирает с невероятной силой черепную коробку, но это был ветер, и непокрытую голову сжимало от холода.

Кончилось однообразие холмов, появились знакомые очертания Павильона-электростанции, рядом массивная ледяная скала, пятно протоплазмы мокрого зеленого цвета. Озеро, как и вчера, мерно колыхалось и клекотало. Рядом

чернела глубокая воронка, из которой поднимался сизый дым. Вокруг была разбросана обугленная земля. Машины, на которой прилетел Сергей, нигде не было.

Сергей, скорчившись, лежал на снегу и прижимал руку к животу. Антон знал, что там кровь. На руке и на снегу. Антон оставил антиграв недалеко от воронки и подбежал к Сергею. Сергей поднялся, сел. Потом охнул и, вероятно, потерял сознание, потому что откинулся назад, перевернулся лицом вниз и замер.

На вершине холма заиграли розовые блики и показался шар. Он был гораздо больше, чем ожидалось, щелкал, как плетью, рядами и плавно качался на одном месте. Потом он сорвался с места, ударил антиграв в бок и спиралью унесся к скале. Антиграв скатился на край воронки и завалился, задрал корму вверх. Антон медленно навел резное шестигранное дуло излучателя и убрал предохранитель. Луч с грохотом ударил по поверхности скалы и поднял в воздух сотни сверкающих осколков. Один кусок упал в озеро, и сразу же там забурило и запузырилась химическая реакция. Шар, сделав широкий круг, спустился в пролом Павильона.

— Куда?! — злобно крикнул Антон и выстрелил три раза подряд.

Павильон приподнялся в воздух и распахнулся, как книга, с ревом раздались в стороны стены, выбрасывая вместе с огнем кувыркающиеся обломки переборок, целые коридоры, трубы. Потом еще раз вспыхнуло пламя и рвануло вверх, ворочая тяжелые черные клубы дыма. Грохот больно ударил по ушам, воздух стал горячим и плотным. Антона толкнуло в грудь, он не удержался и упал рядом с Сергеем. Излучатель, болтая ремнем, откатился в сторону. Над головой, опасно визжа, пролетела железная балка, упала в снег и злобно зашипела.

Потом на секунду все успокоилось. Шар поднялся из-под торчавшей смятой арматуры — все, что осталось от Павильона, — и полукругом стал перемещаться по равнине. Антон зарычал и схватил излучатель. Он стрелял не целясь, мелькали длинные красные полосы разрядов, снег прозрачно розовел от вспышек.

Что-то случилось. Видимо, Антон попал, издали слышался равномерный приближающийся гул, задрожала земля, как при землетрясении. Антон схватил Сергея, обхватил его за пояс и поволок к антиграву. Сергей очнулся, слабо переставлял ноги и постанывал, не убирая руку с живота. Антон посадил его, развернул и помчался обратно.

ПОХИЩЕННЫЙ

Фантастико-приключенческая
повесть-сказка

Глава первая

Вокруг все шевелилось и двигалось. Лопались и разлетались скалы. Антиграв толкало с разных сторон. По дну, лязгая, катался излучатель и звякали осколки — фонарь был разбит. Антону вдруг в голову пришла дикая мысль: а что, если корабля уже нет? Если там действительно никого нет?

Корабль стоял на месте. Антон приземлился в десяти метрах от люка. В кессоне стояли Раманостр и Нортон, отчаянно размахивали руками и кричали, но их, естественно, не было слышно. Антон выскочил из машины, обхватил Сергея через пояс и пальцы попали в липкое и теплое под ребрами. Раманостр перехватил Сергея и ушел с ним в санитарный блок, Нортон побежал в рубку, а Антон свалился от усталости прямо на резиновый коврик кессона. Грохот стоял неимоверный, Антон обернулся, в круге раскрытого люка все дергалось перед глазами, и он физически ощущал напряжение всей планеты.

Послышался страшный ледяной хруст, ледяной панцирь треснул возле входа, разошелся, и из глубины ударила вверх раскаленная струя, шипя и брызгая лавой. На поверхность корабля посыпался шлак. Антон услышал нарастающий звук в недрах моторного отделения, почувствовал мелкую дрожь и понял, что они стартуют и улетают навсегда. Звездолет приподнялся на хорошо начищенных телескопических штангах, извергнул холодное лиловое пламя и потянулся высоко вверх, к низкому серому небу.

Антон посмотрел на круг раскрытого люка, в котором медленно поворачивалась белая земля. «Не захотела» — подумал он. Она просто не захотела. Посмотрела, понаблюдала, но мы ей не подошли. Антон почувствовал, как исчезает напряжение, которое жило в нем с того самого момента, когда они опустились сюда. А теперь домой. Ведь главное всегда там. Ведь столько еще предстоит сделать...

Огромный кратер был уже небольшим кружком. Тонко свистел сквозняк и теребил ворот куртки. «Холодно» — подумал Антон. Он замкнул диафрагму, закрыл внешний шлюз и побрел наверх, в рубку.

В 1986 году я приехал в Египет по туристической путевке и в первый же день с тремя тройками советских туристов отправился на плато Гизе, чтобы осмотреть великие пирамиды, но жара настолько сильно измотала всех, что мы едва держались на ногах и больше следили друг за другом, чем глядели на пирамиды, которые были совсем не такими, какими я видел их из сибирского далека.

Вдруг я почувствовал чей-то пристальный взгляд и обернулся назад.

Метрах в двадцати от меня мелькнула толстая фигура и скрылась за восточным углом пирамиды Хеопса. Я пожал плечами и, задрвав голову вверх, начал искать вход в пирамиду, где только что исчезли мои крепконогие спутники. За спиной звякнули пустые банки, я снова обернулся и увидел толстяка — он осторожно спускался по горе мусора, сжимая в руках огромный топор и безумными глазами глядел на меня.

Мне стало не по себе — я запоздало вспомнил слова инспектора ОВИРа о той опасности, что грозит советскому человеку, если он отрывается от спасительной тройки — и рванулся что было сил по песчанному бархану к пирамидному входу, однако ноги мои от страха подкосились и я скатился вниз, где меня ждал толстяк.

Он тронул меня рукой за плечо и очень вежливо спросил:

— Тебя зовут Евгений?

— Да, Евгений.

Толстяк бросил топор и присел рядом со мной.

— А меня ты помнишь? -

— Нет.

Незнакомец подпрыгнул и несколько раз — весьма опасно — дрыгнул ногой.

— Мы с тобой под лавкой на вокзале в Москве прятались от милиции — помнишь?

— Извините, мистер — я не помню, потому что мне часто приходилось ночевать под лавкой.

Толстяк яростно подпрыгнул и завопил:

— А помнишь как мы ехали на крыше вагона?!

Я закивал головой и потихоньку начал выбираться из ямы.

— Да, сэр — я помню.

— А ты помнишь как меня зовут?

— Нет, — честно признался я.

И тогда незнакомец с удовольствием ответил:

— Рухолла Гасан...

У меня что-то дрогнуло в душе и я радостно крикнул:

— Гасан Абдурахман ибн Хаттаб?!

— Я!

Мы бросились друг другу в объятия, однако я был смущен тем, что так и не вспомнил кто такой Гасан Абдурахман, потому что видел его в первый раз, тем не менее, дружески хлопая приятеля по плечу, я спросил, поглядывая с надеждой на вход в пирамиду:

— А чем ты здесь занимаешься?

— Да вот пять лет назад получил от Департамента Древностей лицензию на раскопки...

— И есть успехи?

Толстяк преувеличено испуганно огляделся по сторонам, подобрал топор.

— Иди за мной — объясню потом.

Было жарко, душно — мы с трудом взобрались на кучи мусора и песка. Я хотел присесть на корточки, чтобы перевести дух и немного помечтать о морозной сибирской зиме, как вдруг в гулкой тишине услышал невдалеке щелчки, оглянулся по сторонам и увидел египетского феллаха, который целил в нас из двуствольного ружья.

Едва мы упали, как раздались выстрелы и над моей головой свистнули пули, но к нашему счастью рядом находилась грань пирамиды. Мы прыгнули за нее и я хотел сказать: «Пока, приятель — я не играю в такие приключения» — но мой приятель так рванул меня за руку, что из моей упревшей головы выскочили все благоразумные мысли, навеянные мудрыми и заботливыми инспекторами ОВИРа.

— Бежим — там стоит моя машина! — крикнул Гасан Абдурахман, указывая топором в сторону сфинкса.

И я помчался что было силы, вжимая голову в плечи, ожидая каждую секунду двойной выстрел за спиной. Мы

проскочили три маленькие пирамиды, не встретив ни одного человека и я, задыхаясь от горячего воздуха, спросил Абдурахмана:

— Почему здесь никого нет?

— А какой дурак попрется в такую жару на Гизе! — ответил Абдурахман.

Он на короткое время остановился, прислушался — где-то ревел мотор.

— Туда, — сказал толстяк и махнул топором в ту сторону, где завывал автомобиль.

И мы снова побежали — мне было все равно — я знал наверняка, что меня уже хватились товарищи по тройке и по закону стукачества они обязательно доложат о моей отлучке консулу и я уже никогда не попаду за границу.

Я крепко держался за руку Абдурахмана и почти бессознательно бежал за ним.

Мы выскочили на песчаный бархан и увидели танкетку, которая медленно ползала по распыщенной голубой машине. Абдурахман в сердцах бросил топор и яростно вырвал из кармана шорт платок, утер им лицо.

— Я так и знал!

А между тем танкетка остановилась, а из открытого водительского люка вылезла девушка, она ловко прыгнула на верхнюю площадку и, разворачивая на турели крупнокалиберный пулемет, весело крикнула нам:

— Стойте на месте — я вас фотографирую!

Абдурахман упал на песок и закрыл свою потную лысину топором а я, обалдевший от жары, обернулся назад, потому что за спиной кто-то сильно закашлялся — к нам медленно шел давешний феллах, уже без ружья, хромая и держась рукой за левую сторону груди.

Мне стало жалко старика — я вынул из кармана аптечку.

— Эй, генацвали! — крикнул я, — у меня есть валидол.

Но старик, видимо, не понимая по-русски — распахнул халат, сорвал с пояса противотанковую гранату и со стоном метнул ее в меня.

— Аллах, помоги убить гяуров.

Граната летела доньшком вперед и я успел прочесть белую надпись: «сделано в СССР» и на миг мне стало гордо и приятно от сознания того, что наша техника уверенно идет по планете и вот же — находит спрос даже у полуграмотных крестьян, но тут меня сбил с ног Абдурахман, и кормилица, за которую наш народ получил полновесные гнилые бана-

ны — со свистом пролетела в сторону танкетки. Там раздался визг, а потом тяжелый взрыв.

Тучи песка и пыли еще застилали танкетку, а мы с Абдурахманом уже были около нее.

Девушка лежала на полу, придавленная пулеметом и со страхом глядела на топор Абдурахмана.

— Вы меня зарубите? — пролепетала она со слезами на глазах, — я ведь хотела пошутить...

Абдурахман сжал топор двумя руками и медленно поднял его над головой назнакомки — я бросился между ним и девушкой.

— Гасан, опомнись!

Но Гасан Абдурахман плечом отшвырнул меня в сторону и снова замахнулся топором. Девушка умоляюще посмотрела на меня своими чудными зелеными глазами и покорно прикрыла их длинными ресницами. У меня все перевернулось в душе — я метнулся к Гасану.

— Неужели ты убьешь человека?

— Она робот! — отрезал Абдурахман и мотнул головой в сторону бархана, где дымилась кучка трепья в том месте, куда минуту назад упал феллах.

— Нет-нет, я не робот! — воскликнула девушка и, задыхаясь попросила:

— Евгений, мне очень душно — расстегните рубашку.

Я наклонился над незнакомкой, даже не подумав о том, откуда она знает мое имя, и нерешительно растегнул верхнюю пуговицу. Девушка смущенно улыбнулась и едва слышно сказала:

— Дальше.

Я растегнул вторую и почему-то взволнованно спросил:

— Так хорошо?

— Еще нет.

Тогда я быстро растегнул все пуговицы на рубашке и чуть отвернулся в сторону.

— Евгений, потрогай мое сердце — я не робот.

Я опустил руку на прохладную девичью грудь и ощутил быстрые толчки сердца.

— А теперь поцелуй меня, — тихо попросила девушка и слегка приподнялась мне навстречу — она была зажата перевернутой пулеметной установкой так, что не могла освободить свои руки. Я полностью закрывал ее в узком проходе от Гасана, который то и дело кричал за моей спиной:

— Что ты делаешь с ней?!

Наконец девушка с трудом освободила свои припухшие губы и с улыбкой сказала:

— Потрогай пульс на другой груди.

Я потрогал, а Гасан желчно продолжал кричать:

— Все вы там в России голодные — как вырветесь на свободу, так сразу в публичные дома, а потом на водку, на жратву и снова на баб, а дома кричите о морали, мол, мы не такие как на Западе — оно и видно.

Я поднялся на ноги, опьяненный восхитительной девушкой, поставил пулеметную установку на место. Незнакомка вскочила, благодарно посмотрела на меня и быстро нажала на кабине танкетки красную кнопку.

Раздался ужасный вой сирены, который вскоре перешел на высокую тональность и затих, однако пол под ногами дрожал, а воздух неприятно давил на барабанные перепонки.

— Что она делает? — спросил я Гасана.

Тот плюнул за борт танкетки и прижал топор к груди.

— Она вызвала роботов.

Девушка между тем, очаровательно улыбаясь, села на кабину и весело махнула мне рукой.

— Евгений, продолжим.

— Стой, — сказал жестко Абдурахман и поднял топор, — она робот, их берет только топор.

Он кивнул головой в сторону бархана, где тлели останки феллаха.

— От пули они почему-то учетверяются.

Девушка возмущенно охнула и пристукнула кулачком по кабине.

— Я не робот, Евгений, скажи.

На ее длинных ресницах блеснули слезы, грудь взволнованно поднялась и я уже было метнулся к знакомке, но мой приятель перекрыл мне дорогу топором, словно шлагбаумом.

— Смотри, — сказал Гасан и я увидел четырех парней, которые медленно вышли из-за пирамиды, что находилась от нас метрах в двухстах. Едва мы успели пригнуться, как в борт танкетки ударили пули, а эхо выстрелов загрохотало меж пирамидами.

— Смотри, — снова сказал Гасан, сидя на корточках.

Он указал топором в небо, где появились два истребителя-перехватчика. Они сделали боевой разворот, блеснув на солнце белоснежными крыльями с кабалистическими знаками — и помчались на нас.

Я прыгнул в кресло пулеметной установки, рывком откинул ее назад-вниз для зенитной стрельбы, заметил краем глаза, что патронный затвор стоит на предохранителе — вот почему девушка не стреляла! — и придвинул к лицу дальномер.

За моей спиной грохнул упавший на пол топор и завязалась шумная драка. Я меж тем, лежа почти горизонтально в кресле и наблюдая пикирующих истребителей, подправил маховичками прицел пулемета и на несколько секунд замер, ожидая, когда самолеты выйдут из пике и приблизятся до полукилометровой дистанции, но я упустил момент и с ужасом увидел белые вспышки и стрелы под брюхом истребителей, которые пронзили пространство, что отделяло меня от самолетов, но за долю секунды до взрывов я прижал ногой педаль спуска и почти в упор выпустил длинную очередь. Первый самолет развалился на части, второй, пролетая над нами на высоте не более ста метров, сбросил бомбы.

Вокруг меня гремели взрывы, польхал огонь, но я успел вонзить второму истребителю пулеметную очередь и он взорвался, едва пролетев танкетку.

— Конеч птичке! — крикнул я и щелкнул пальцами, — дайте сигарету.

Танкетку то и дело сотрясали разрывы, в воздухе стоял несмолкаемый грохот и вой — ко мне наклонилась моя девушка и запечатлела на моих губах долгий поцелуй, а потом протянула сигарету и щелкнула зажигалкой. И тут я заметил, что прелестница одной ногой стоит на горле Абдурахмана, который дико смотрит на меня выпученными глазами.

— Не стреляй — они учетверятся!

Я, по-прежнему лежа в кресле, быстро осмотрел горизонт и ахнул: на боевой курс ложились восемь истребителей. Мне стало не по себе, а Гасан Абдурахман с дьявольским ревом бросил девушку на пол и схватил топор, но я повис на его руке.

— Не надо — она человек!

— Пускай докажет, — яростно ответил Абдурахман и опустил топор вниз. Незнакомка быстро поджала под себя ноги и торопливо указала на свои глаза.

— У меня слезы соленые.

Абдурахман хмуро глянул на ее ресницы и аккуратно взял в пальцы девичью слезинку, лизнул языком.

— Это не доказательство — у тебя в груди аппарат по выделке слез.

Девушка жалобно посмотрела на меня и развела руками, всхлипнула.

Тогда я вынул из кармана демисезонных брюк черный сухарь, что остался у меня от последнего вчерашнего обеда и протянул ей, она с благодарной улыбкой кивнула мне головой и закусила кусок. Лицо Абдурахмана смягчилось, а девушка весело сказала:

— У меня еще молочные зубы растут.

— Покажи.

Она открыла рот, Гасан сунул в него свою грязную руку и подергал зубы.

— М-да, — раздумчиво сказал он и отбросил топор в сторону и, распахнув халат, снял с пояса блестящие наручники и в мгновение ока приковал незнакомку к пулеметной стойке. Я рванулся к Гасану, но получил такой страшный удар по голове, что потерял сознание.

Я очнулся от сильной тряски и открыл глаза — мы с Абдурахманом неслись на верблюдах мимо пирамид, а где-то рядом грохотали взрывы. Я вспомнил о прекрасной знакомке и хотел спрыгнуть с верблюда на песок, но заметил, что мои ноги были привязаны к стремянам седла, а впереди, держа повод моего верблюда в руке, скакал Абдурахман, взмахивая над головой топором и крича:

— Цобэ, цобэ!

Наперерез, под ноги верблюдов, метнулись двое из моей тройки и, ломая руки над головой, закричали:

— Жека, с ума сошел, остановись! — нас затаскают кэгэ-бэшники, пожалей наших детей!

Но я ничего не ответил — мои глаза были полны слез, а душа разрывалась от горя и несчастья, и теперь я хорошо понимал, что в свои девятнадцать лет я впервые пережил счастливый миг любви, который никогда не повторится. Жизнь для меня казалась конченной; а мой верблюд, сильно вытянув вперед голову, стремительно уносил меня в неизвестность.

Глава вторая

Не менее часа мы скакали на верблюдах по каменистой пустыне, пока не выскочили на белую бетонную дорогу, вдоль которой тянулись хижинки, ресторанчики, ремонтные и заправочные станции. Из крайней хижинки вышел нам навстречу феллах.

Гасан спрыгнул с верблюда, вынул из кармана толстый

кошелек и, плюнув на пальцы, вытянул из него бумажку в тысячу фунтов.

— Спасибо, Шамиль.

Шамиль прижал деньги к груди и с поклоном ответил:

— И тебе спасибо, эфенди.

Он посмотрел на меня из под руки и показал пальцем.

— Эфенди, твоему спутнику плохо.

Они подбежали ко мне, развязали руки и ноги, сняли с седла, но я был так измотан, что едва не упал. Гасан подхватил меня за пояс, вылил мне на голову фляжку воды и махнул рукой феллаху.

— Принеси чеснок.

Он оглянулся по сторонам и уж было повел меня через дорогу в маленький ресторанчик, как рядом взвизгнули тормоза и перед нами остановилась длинная черная машина с зеркальными стеклами. Боковое стекло опустилось — в окно выглянул чернобородый мужчина в белом сафари и улыбнулся Гасану.

— Эфенди, если у вас найдутся деньги, то я смогу вас довести до Каира.

Гасан кивнул головой и попросил шофера открыть багажник, и когда тот вышел из машины, мой приятель затолкнул меня в салон, а сам пошел следом за шофером.

Я упал на переднее сиденье и ощутил мягкую прохладу и запахи чудных трав — это было так неожиданно после удрушающей жары, что я вновь подумал, что это сон, однако за окном машины я увидел прежнее белое море, в котором слегка подрагивали нечеткие очертания приземистых зданий. Я вытянул ноги, закинул руки за голову и уже готов был погрузиться в настоящий сон, но вспомнил Гасана и обернулся назад, заметил макушки голов над высоко поднятой крышкой багажника, и тут же над ними блеснул топор и раздался дикий душераздирающий крик.

Я подпрыгнул в кресле.

— Гасан, ты спятил!

И толкнул дверцу, но она была закрыта. Я начал нажимать кнопки, рычажки — опустилось боковое стекло — я вылез на дорогу и метнулся к Гасану, который стоял за машиной и рассматривал в руке белое сафари.

— Куда ты его дел?!

Я заглянул под багажник, ожидая увидеть мертвое тело с разрубленной головой, но там аккуратно стояли пара кроссовок.

— Это робот, — сказал Гасан Абдурахман.

— Но куда он делся?

— Понятия не имею, — ответил мой приятель и задумчиво посмотрел на мои демисезонные брюки, — снимай.

— Зачем?

— Оденешь это.

И он протянул белоснежное сафари. Я нерешительно взял в руки невесомое мягкое одеяние и оглянулся по сторонам.

— А вдруг он вернется?

— Не вернется.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Я вновь оглянулся по сторонам, но улочка была пустынной, а лачуги, ресторанчик и станции окон не имели. Я быстро переоделся.

Длинная рубаха до пят с широкими рукавами была просторной и очень удобной; кроссовки оказались по ноге и я без всякого сожаления отбросил стоптанные ботинки в сторону, а Гасан приладил на моей голове белый платок и придавил его черным круглым валиком.

— Ну вот, — сказал он с удовольствием, — теперь ты похож на шейха.

Я посмотрел на себя в зеркальное стекло машины и щелкнул пальцами, подумав, что хорошо было бы сейчас оказаться в Сибири в Томске на шумной улице, но вдруг услышал голос Гасана:

— Домой ты никогда не вернешься.

Я удивленно обернулся к Рухолле.

— Почему не вернусь?

Но мой приятель ничего не ответил, быстро пошел навстречу Шамилю, который бежал к нам со связкой чеснока, взял у него связку и одел на плечо, как одевают почетные ленты — наискось, и торопливо махнул мне рукой.

— Поехали скорей.

Едва я сел в машину, как Рухолла стремительно сорвал ее с места и мы на огромной скорости помчались по белой полосе, что ровной стрелой рассекала желтую пустыню.

Я закинул ногу на ногу, посмотрел вокруг себя в надежде найти сигареты. Гасан, не отрывая глаз от дороги, вынул из кармана пачку и зажигалку — протянул мне. Я закурил и с легкой иронией спросил:

— Скажи мне, Рухолла Гасан Абдурахман ибн Хаттаб, почему за тобой гонятся роботы?

— Не за мной.

— А за кем?

— За тобой.

Я повернулся к Гасану и внимательно оглядел его потный профиль, желтую лысину и топор, который он держал на коленях и сказал:

— Видишь ли, приятель, я не уверен, что тебя зовут Гасан Абдурахман ибн Хаттаб, а если и так, то я никогда не знал тебя раньше.

Гасан посмотрел на наручные часы и кивнул головой.

— Да, ты никогда не знал меня раньше.

— Я для чего-то нужен тебе?

Он не ответил...

Уже в сумерках мы въехали в Каир и остановились у отеля «Фарук», но едва поднялись по широкой лестнице и вступили в его прохладный зал, как перед нами появился рослый швейцар в золотистой униформе.

Он поклонился мне и холодно глянул на Гасана.

— Мистер? — спросил он удивленно.

Я хотел загородить собой Гасана и сказать, что он со мной, однако мой приятель поступил необычным образом: он вырвал из связки чеснока головку, разломил ее и сунул в лицо швейцара. У того округлились глаза, он открыл рот, зажал его руками и вдруг начал оглушительно чихать.

Гасан торжествующе крикнул, отскочил в сторону и распахнул халат, на внутренней стороне которого висел на петле топор, сорвал его и кинулся на швейцара.

Раздался громкий звук: «Пиу!»

Швейцар исчез, а его одежда с тихим шорохом упала мне под ноги. Я отступил назад и растерянно оглянулся по сторонам.

— Ну ты, Гасан, даешь...

Я в сомнении потрогал ногой одежду, потом глянул на приятеля — он в это время прятал топор под халат и выглядел довольно странно со связкой чеснока через плечо, однако я чувствовал к нему большую симпатию и благодарность за ненавязчивую охрану, которую он нес при моей особе и поэтому я решил не задавать лишних вопросов, а принимать окружающую обстановку с той иронией, что была свойственна мне от рождения.

В огромном холле отеля было несколько человек, но они не обратили на нас внимание или не захотели обратиться — все-таки отель «Фарук» был отелем первой категории. Пока мой приятель диктовал декларацию портье и получал ключи, я присел в кресло рядом с очаровательной де-

вушкой, у которой был капризно вздернутый носик и сердито сжатые губы.

Я деликатно выпустил дым в сторону от незнакомки, кашлянул туда же и с улыбкой сказал:

— Мадам...

Девушка изумленно посмотрела на меня, ее тонкие брови возмущенно изогнулись.

— Как вы смеете?

— Что смею? — спросил я немножко растерянно, потому что голос незнакомки был холодный и злой.

— Как вы смеете говорить со мной так?

Я покраснел от досады на себя и еле слышно сказал:

— Ну и что?

Девушка вскочила с кресла.

— Я позову полисмена!

Я тоже вскочил и в полной растерянности потянулся за пачкой сигарет, что лежала у меня в нагрудном кармане, однако вместо пачки мои пальцы выхватили гладкую карточку. Я машинально поднес ее к лицу и с удивлением прочел на ней следующие строки:

«Я 201 и самый любимый сын мавританского короля Хуссейна Второго — Али Акбар Саид. Имею счета в банках Швейцарии, Абу Даби, Москве. Мои друзья...»

Ниже перечислялись известные в мире президенты и премьер-министры, а так же некоторые граждане Союза, например: Е., Л., Г.

Я протянул карточку девушке — та прочла, вспыхнула и улыбнулась мне так очаровательно, что я был потрясен до глубины души: какая лицемерка!

В первую секунду мне хотелось холодно бросить слова из Библии:

«Умейте отличать зерно от плевел». Но сдержал себя и мягко сказал:

— Извините, мадам. Я забыл, что мой папочка запретил мне разговаривать с женщинами в отелях.

И неторопливо прошел в конец холла, где меня ждал Гасан, который уже переоделся в белое сафари, в руке он держал небольшой чемодан. Мы спустились в ресторан и расположились в небольшом кабинете.

Я был растерян, мне казалось, что в моей душе что-то надломилось и я уже никогда не буду относиться к девушкам с тем уважением, которое всегда испытывал к ним.

Но едва появились официанты с тележками аппетитно пахнущих блюд, как я все забыл и набросился на еду с та-

ким азартом, что Гасан одобрительно хлопнул в ладоши и сказал: Мгму! Он достал из чемодана газету, развернул ее и углубился в чтение. Я вспомнил о карточке и, торопливо хлебая ароматный борщ, спросил:

— Твоя работа?

Гасан кивнул головой — край газеты отвернулся и я прочел ее название — «Циплятусианская правда». Это странное название меня удивило: неужели есть город Циплятус. Однако перед моими глазами появилось новое восхитительное блюдо, вид и вкус которого остерегаюсь передать, чтобы не вызвать раздражение тех товарищей, которые не предполагают о его существовании. Я снова занялся едой и напитками.

В какой-то момент перед нашим кабинетом прошла девушка, с которой я беседовал в холле отеля. Она остановилась против меня и, грациозно положив левую руку на пояс, держа правой длинный мундштук с сигаретой, бросила в мою сторону кокетливый взгляд, но я был так занят копченым поросенком, выдержанным в сухом мартина, что не обратил внимания на незнакомку.

Наконец я оторвался от стола, с удовольствием чувствуя, что поросенок и прочие милые вещи уютно лежат в моем желудке — перевел дух, закурил сигарету, поискал глазами девушку.

Она сидела метрах в десяти от нашего кабинета за стойкой бара и смотрела на ярко освещенную сцену, где шло действие из древнеегипетского эпоса. Когда она заметила, что я наблюдаю за ней, то взяла со стойки трубочку-мундштук и попыталась вставить в нее сигарету, но это ей не удалось. На помощь поспешил бармен, она остановила его едва заметным жестом руки и беспомощно улыбнулась мне трогательной улыбкой.

Я подошел.

— Вы позволите?

Она смущенно потупила глаза.

— Я надеюсь, что вам это удастся.

Я быстро вставил сигарету в мундштук, но моя незнакомка отложила его в сторону и протянула мне руку тыльной стороной вверх.

— Джес.

В это время бармен, отчаянно сбивая над головой коктейль, тихо шепнул мне:

— Леди Джес.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Нет-нет, Али, для вас я только Джесика.

Я взял маленькую ручку и в затруднении остановился, не зная, что делать дальше, ведь я комсомолец, а долг комсомольца быть всегда утрюмым и злым в отношении загнивающего Запада.

Джесика мягко отняла свою руку и взяла со стойки два бокала — один подала мне и, лукаво глядя на меня, сказала:

— Скажите, Али, а ваш ислам по-прежнему запрещает мужчинам улыбаться даме?

Я бурно покраснел — мне хотелось закрыться платком — но тут же рванулся вперед и поцеловал свободную руку Джесику и слегка обнял ее за пояс. Джесика, удивленно улыбаясь, отступила назад и растерянно пролепетала:

— Однако, Али, какой вы дерзкий — я не встречала таких темпераментных мужчин. Вы чем-то напоминаете мне Казанову.

Я смутился и хотел уйти, но рядом в двух шагах заметил Гасана, который сидел за столиком, укрываясь чемоданом и следя за нами. Джесика внимательно посмотрела в мое лицо и чуть сжала мою руку.

— Али, вы поступили мужественно, — и мягко добавила, — я сразу почувствовала к вам большое расположение.

И она предложила мне подняться на балкон, мы пошли к лифту.

— Скажите, Али, у вас большой гарем?

— Нет, не большой...

Я с трудом перевел дух. Мне хотелось признаться, что я не Али и не сын мавританского короля, а бедный студент медицинского института, и что единственные мои родственники — бабушка и дедушка живут в деревне и ведут натуральное хозяйство, но я был влюблен и очарован Джесикой и мечтал о той секунде, когда за нами захлопнется дверь лифта. Я находился в каком-то лихорадочно-опьяненном состоянии.

У лифта нас ждал Гасан.

Едва мы подошли, как он поднес к лицу Джесику головку чеснока, девушка отстранила его руку и коротким ударом в челюсть отшвырнула Гасана в глубину ресторана. Он взмахнул руками — чемодан упал. По залу горохом рассыпался чеснок, а Джесика, смерив меня холодным взглядом, скользнула в лифт и, дойдя до противоположной стороны кабины, обернулась. И я увидел другое лицо: передо мной стояла та незнакомка, которая, как я считал, погибла на плато Гизе.

— Вы слишком влюбчивы, Евгений, — сказала она с досадой.

Дверь лифта захлопнулась, но когда я нажал на кнопку и она распахнулась, то кабина была пуста. Я в недоумении привалился плечом к стене и заметил на полу свою визитную карточку, которую час назад поддал Джесике. На обратной стороне карточки что-то было написано, я подобрал ее и прочел: «Прощайте, Евгений, вы вели себя плохо. Мы никогда не встретимся — ни в этом ни во втором мире, а в третьем... (далее было тщательно зачеркнуто). Если вы немедленно покинете Гасана, то роботы сразу потеряют к вам интерес. Вы спасете себя — бегите!»

Я не обратил внимания на предупреждение, я задыхался от обиды, негодования: что я такого сделал плохого для нее!

Слезы наполнили мои глаза — я уже ничего не видел перед собой, однако странная тишина в зале насторожила меня. Я оглянулся.

Актеры на сцене, бизнесмены во фраках и смокингах стояли или сидели в напряженных позах, выпуча глаза и зажимая себе носы, все прочие удивленно смотрели на первых. Так продолжалось секунд двадцать, потом послышалось чихание. Взгляды людей скрестились на мне. Я попятился. Фараон на сцене выхватил из-за пояса палаш и указал им в мою сторону.

— Убейте его!

Чихающая толпа кинулась ко мне, но ее опередил Гасан. Он затолкнул меня в лифт и мы начали подниматься вверх, но вскоре лифт остановился, а свет на потолке его погас. Гасан с криканьем пробил топором дыру в кабине и рывком распахнул ее. Мы выскочили в коридор. С лестницы вырвалась чихающая толпа, и мы понеслись по коридору как две белые тени. Около одной двери Гасан остановил меня и попытался открыть ее, но роботы в мгновение оказались рядом. Мы снова кинулись вперед и по второй лестнице припустили вверх, а за нами метрах в десяти катилась воющая толпа.

Наконец мы выскочили на последнюю площадку, над которой в потолке виднелся черный люк. К нему вела узкая металлическая лестница. Гасан толкнул меня к ней.

— Поднимайся, я задержу их.

Он спустился на несколько ступенек вниз и принял на топор яростный удар фараона. Они загородили проход и остановили роботов.

Я взбежал наверх и поднял крышку, увидел над головой

крупные яркие звезды, позвал Гасана и едва он выскочил, я немедленно захлопнул люк и задвинул засов.

Гасан, тяжело дыша, отбросил топор, посмотрел на наручные часы — оставалось двадцать минут до полуночи. Он поднял голову вверх и указал пальцем на желтую звезду.

— Она должна появиться через двадцать минут.

— Что это?

— Это поток энергии — он уже более часа пронзает вашу Вселенную, но если он появится здесь через двадцать минут, то нас уже не будет в живых.

Снизу в люк начали колотить чем-то тяжелым. Я искал глазами пожарную лестницу, но Гасан отрицательно качнул головой.

— Нет. Они расслабляют нас. Ты им нужен живой, но и мертвый хорош.

Я сжал Гасана за плечи и, спокойно глядя ему в глаза, спросил:

— Объясни, что происходит?

Гасан скривился лицом.

— Это невозможно объяснить в двух словах.

Он снова глянул вверх и облегченно вздохнул — звезда уже была похожа на маленький диск. Гасан оживленно схватил меня за руку.

— Станция увеличила скорость, через несколько секунд поток энергии будет здесь.

— И что потом?

— Потом я приму душ — измотался на вашей грешной Земле.

Рядом затрепали доски люка. Мы отступили в сторону и повернулись к нему спиной. Гасан протянул мне сигарету, щелкнул зажигалкой, я чуть склонился над огоньком, и вдруг заметил, как пестрые огни рекламы, что мелькали со всех сторон на короткое время заслонил ослепительный желтый свет и тотчас погас. А через долю секунды под моими ногами блеснули строчки улиц, и тут же город превратился в яркую точку, а в стороне, как на карте я увидел знакомые очертания Средиземного моря в окружении темных материков, где сверкали белые звездочки городов.

В следующий краткий миг в лицо мне ударило ослепительное Солнце, а голубая планета как мячик улетела в черную бездну. Тут же погасло и Солнце, превратившись в маленькую тусклую звездочку.

Я почувствовал, что теряю равновесие, замахал руками и

куда-то начал падать, а мне во след раздался дьявольский хохот Гасана.

— Держись!

Глава третья

Едва ли прошла секунда после того момента, как планета Земля исчезла в глубине черного космоса, а я словно подрубленный упал вниз лицом на что-то плотное и прозрачное и с ужасом посмотрел в ту сторону, где скрылась моя голубая Родина. От сознания того, что я навсегда покинул Землю мне стало плохо. Точно так бывало со мной, когда мне было три года и я видел, что моя мама, не замечая меня, уходит куда-то быстрым шагом, а я растерянно глядел ей в след, потом падал на пол и пронзительно кричал, бил руками и ногами до тех пор, пока она не возвращалась. Но сейчас я лежал на прозрачном полу и боялся расплакаться, чтобы не потерять из виду маленькую звездочку, которая там, далеко, называлась Солнцем. Я безумно завидовал тем, кто в это время на Земле нежилась в постели или болтался по городу, стоял в очередях за мылом — о как бы я хотел стоять целый год или даже десять лет в очереди за мылом. Я понимал, что это счастье, это блаженство стоять в очереди...

Но из-за моей спины молниеносно вылетали все новые и новые ослепительные звезды с кровавыми протуберанцами и вскоре они закрыли мое Солнце — из глаз моих хлынули слезы.

Я медленно поднялся на ноги, смутно заметил, что рядом стоят два кресла, а между ними столик с чашками кофе и газетами, а метрах в десяти от меня ухает под холодным душем Гасан.

Я сел в кресло, посмотрел вверх — белые точки звезд стремительно падали на меня и в долю секунды, страшно увеличиваясь, пролетали мимо. Всюду, куда бы я не глядел, происходило быстрое или медленное перемещение звезд, словно миллиарды светлячков резвились в черной пустоте.

В моей душе было так тяжело, что казалось, будто жизнь покидает меня.

Ко мне подошел Гасан, одергивая на теле сафари и сел напротив, взял чашку с кофе, отхлебнул.

— С какой скоростью мы летим? — спросил я.

Гасан огляделся по сторонам.

— Думаю — со скоростью один парсек в секунду, но это начальная скорость — мы разгоняемся.

— А какая предельная?

— Триллион парсеков.

— В секунду?

— Да, в секунду.

— И это всё?

— Нет — есть гугол, а проще говоря, Станция может пронзить Вселенную в одно мгновение, но для этого нужно погубить тоже гугол звезд, а это нецелесообразно... Во всяком случае ты дорого обошелся нашей планете.

— Циплятус?

— Нет — Центавру.

В моей разгоряченной голове никак не укладывалось то, что мы летим с огромной скоростью без всякого корабля.

Вдруг против меня появилось кресло, а мгновение спустя я увидел в нем молодую женщину в белом костюме для верховой езды, в черных сапогах с высокими голенищами. Она закинула ногу на ногу, подалась вперед и положила на колено правую руку, в которой она сжимала короткий стек; левая рука свободно висела вдоль тела — это положение незнакомка не меняла во время разговора. Она была блондинкой с короткой прической. Меня поразили ее огромные глаза, в которых зрачки блестили и меняли тональность каждую секунду в зависимости от того, что она говорила.

В первое мгновение я не знал что сказать, тем более что меня смутило выражение разочарования в лице молодой женщины, которая в первые секунды очень пристально смотрела на меня.

Я подумал сколько лет ей: 16, 20 или 25?

Глаза незнакомки на короткое время потемнели, она улыбнулась.

— Не гадайте, мне 25.

— Кто вы? — спросил я.

— Шеф разведки и контрразведки — Орнелла.

Глава четвертая

Я посмотрел на Гасана — он сидел за столом, опустив голову на кисть руки и что-то рисовал пальцем на лакированной столешнице. Орнелла слегка хлопнула стеклом по голенищу сапога — я обернулся, мне не понравилось как она окликнула меня, но решил пока не подавать виду.

Орнелла мягко улыбнулась.

— Я хотела увидеть вас, Евгений, и поэтому чисто по женски не удержалась...

Ее удивительные глаза, ослепительная привлекательность и слова о том, что она шеф разведки и контрразведки — смешали все мои мысли, но тем не менее я собрался и деловито спросил:

— А как ваше отчество?

Гасан тихо ответил:

— У нас нет отчества.

В глазах Орнеллы появился зеленый огонек. Она жестом руки остановила Гасана и с легкой задумчивостью, которая мне показалась нарочитой сказала:

— Насколько я помню — мою маму звали Ольгой — так звучит ее имя на вашем языке. Стало быть вы, Евгений, можете обращаться ко мне: Орнелла Ольговна...

Я в изумлении подпрыгнул в кресле.

— Ольговна?

Орнелла кивнула головой.

— Да, Ольговна, — она чуть подалась вперед ко мне и ласково спросила, — а ваше отчество?

— Сергеевич.

— Значит вашу маму звали Сергеем?

— Да нет же! — удивленно вскрикнул я, — мою маму звали Викторией.

Гасан закатил глаза вверх и потряс головой.

— Евгений, неужели ты не понимаешь, что у нас матриархат.

Я трудно кашлянул и откинулся на спинку кресла, мне было не по себе, к тому же Орнелла вела себя как-то странно: она иногда чуть трогала меня за руку, впрочем, странно по землянским меркам, но я постоянно ощущал внутренним сознанием, что эта женщина едва ли не каждую минуту по разному относится ко мне и это отношение чаще всего неприятное — ее словно что-то раздражает во мне. Тем не менее, желая поддержать разговор, я продолжал:

— Это было у вас всегда?

Орнелла дружелюбно улыбнулась, ее зеленые глаза стали небесноглубыми.

— Нет, 150 миллиардов лет назад, до создания Станции слежения и перемещения — был патриархат. Мы тогда находились на вашем уровне развития, однако с созданием инкубаторов женщина смогла полностью раскрепоститься и заняться наравне с мужчиной наукой, культурой, политикой и управлением государством, а так как изначально женский мозг сильнее и гибче мужского, то мы — женщины — вско-

ре вытеснили мужчин из всех сфер политики, искусства, культуры и управления государством.

Я растерянно спросил:

— А чем стали заниматься мужчины?

Орнелла с венауральной задумчивостью посмотрела вверх и очень просто ответила:

— Точно не знаю — ведь столько лет прошло, но по моему они работали в низших сферах.

Я ощутил в душе легкий испуг: а не готовят ли они мне тоже «низшие сферы» — перед моим внутренним взором сразу мелькнули рабы древнего Египта, которые надрываясь, со стонами тянули огромные блоки для пирамид фараонов — неужели у них рабство...

Я смахнул с лица холодный пот и, чувствуя, что мой голос почему-то стал дрожать, спросил:

— А что это такое — «низшие сферы»?

— На вашем землянском языке это означает — на подхвате.

Я осторожно перевел дух, Гасан взял со стола газеты и ушел в угол. Я посмотрел ему во след и отрицательно покачал головой.

— Извините, Орнелла, но вы сказали, что женский мозг сильнее мужского, однако на примере землян такого не скажешь.

— А вы, Евгений, посмотрите на ваших малышей — они умнее, резвее мальчишек во много раз, но потом, когда начинается биологическая подготовка к материнству наступают регресс, а если убрать биологическую подготовку, то женский интеллект к двадцати годам становится в сто раз выше мужского.

— М-да, — сказал я задумчиво, — что у вас за мир такой... и любви нет?

— Она не нужна, потому что воспроизводством детей занимается Станция слежения и перемещения.

— И любовь не может появиться?

— У нас есть дружба, условный брак, но тех страстей... — Орнелла прикрыла свои чудесные глаза с длинными ресницами и с легким румянцем на щеках добавила, — все что нужно расскажет Коло.

И она указала глазами в сторону Гасана.

— Через пятьдесят минут вы будете на Центавре, я жду вас, а пока — прощайте.

Она исчезла.

Ко мне подошел мой приятель и сел в кресло, попросил называть его Гасаном.

— Мне так нравится.

Он протянул газету «Циплятусианская правда». Я развернул ее и сразу обратил внимание на колонку с броским заголовком:

ПРОИСШЕСТВИЯ

И с любопытством прочитал следующее:

«Мак-Греор совершенно случайно уронил бутылочку с водус из окна на улицу, по которой в это время проходила Биения. Она испугалась и убежала, потеряв по дороге тапочки. Месмерическая полиция с помощью пассов пытается определить их местонахождение. Мак-Греору поставлено на вид. Но хотелось бы задать вопрос: если месмеризм не дает положительных результатов, то нужно подумать о целесообразности применения месмеризма полицией...»

Гасан отрицательно замахал рукой.

— Нет-нет, не то!

И он указал на крупную статью с заголовком:

ЭТО ПОХОЖЕ НА НОВОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

«Циплятусианцы конечно помнят как три года назад по нашей галактике промчалась радиоактивная буря, вызванная тем, что центаврийская Станция слежения опять — уже в какой раз — переместила энергию с далеких звезд через наше пространство.

Буря вызвала мутацию у птиц Гоа. Эти прекрасные, гигантские птицы начали нести яйца с необычайно крепкой скорлупой, которую не могли пробить ни кувалды, ни отбойные молотки на ядерном топливе. И только с помощью атомных взрывов скорлупа разлеталась на части, а содержимое яиц испарялось или улетало в космос и становилось искусственным спутником планеты.

Ужас охватил циплятусианцев, потому что яйца Гоа являются лакомой и традиционной пищей древнего народа, но главная беда заключалась в том, что цыплятки уже не могли появляться на свет — птицам Гоа грозило вымирание.

Ученые отказались от водус и начали денно и ночью наблюдать космос в надежде найти объяснение беды по движению звезд. И вот однажды, спустя почти три года, они уловили необычные ритмичные пощелкивания, которые доносились с планеты Центавр, что находится в соседней галактике. С этой планетой мы давно не поддерживаем каких-либо отношений, о чем будет сказано ниже.

Ученые расшифровали щелчки и были потрясены: оказывается тот аппарат, что издавал звуки — мог быстро, легко и аккуратно слушивать яйца Гоа!

На планете Центавр был некий Коло — изобретатель, конструктор и любитель яиц, приготовленных всмятку за пять минут до рассвета. Этот Коло каждое утро готовил для своей жены Геры и для себя яйца, а аппарат в нужное время их слушивал.

Главный робот Циплятус Циркон нанес визит Коло и попросил его помочь беде. Тот немедленно отправился к нам и в течении года, пока не подросли цыплятки и не стали сами нести нормальные яйца — он работал не покладая рук. А потом волшебный слушиватель был помещен в музей близ города Цыпа, но вдруг неизвестно кем был похищен.

Похититель исчез, растворился, бежал — месмерические пассы ничего не дали. Впрочем, его было бы несложно найти, если бы Станция слежения и перемещения указала, где он находится, но беда в том, что она не имеет права ставить кого-либо в неприятное положение и хотя бы косвенно причинять ему физические или духовные страдания. А если для расследования преступления центавр или циплятусианец посмеет переместиться в то время, когда была совершена кража, то в силу закона, запрещающего такие перемещения для народов любых цивилизаций, он при возвращении назад будет уничтожен во времени, даже если побывает только в голограмме прошлого. Я имею ввиду ту голограмму, что была по счастью сохранена в день похищения слушивателя. Но ее можно использовать один раз...

Центавры вынуждены были признать, что этот слушиватель на самом деле был малой копией Станции. Направляется вопрос: неужели об этом не знал Коло, а если знал, то зачем он привез слушиватель на Циплятус — ведь по закону любая Станция слежения и перемещения Центавра и сами центавры — не имеют права вторгаться в пространство нашей планеты и галактики. Так-то центавры уважают чужие законы!

Тут необходимо сделать маленький экскурс в недалекое прошлое.

Пять лет назад наши новейшие роботы-магматики вывели из строя Станцию, местонахождение которой не знают даже центавры — и прогнившая цивилизация соседей, а ее жизнь зависела от Станции, мгновенно погибла. Однако Станция восстановила себя; к этому времени магматики покинули Вселенную, и мы задаемся вопросом: кто сейчас

живет на Центавре, если пять лет назад все люди погибли?

Однако пойдём дальше.

Наши ученые недавно объявили, что задержка в обнаружении и уничтожении слупливателя чревата смертельной опасностью, для Циплятус, потому что слупливатель, находясь постоянно в прошлом, стал невидим и по сути превратился в черную дыру и накапливает огромную энергию — планета может упасть в самое себя.

Ученые так открыли одну уязвимую особенность слупливателя: он порой превращается в маленькое животное широко распространенное в некоторых дальних Вселенных — в кота.

В это трудно поверить, но, видимо, правда, потому что подобное было в музее, когда аппарат созерцали наши граждане.

Итак, в силу объективной причины нужен был человек из отдаленной цивилизации, исчезновение которого никого бы не удивило и не озаботило.

И такой человек существует — это некий Евгений — землянин из северной и очень холодной страны. Он много лет мечтал посмотреть на камни в какой-то пустыни, но его почему-то долго не пускали туда, как впрочем и других. Эти земляне удивительно доверчивые и странные люди — они могут часами смотреть на пестрые стены и качать головами, последнее обстоятельство видимо связано с очень сильными землянскими ветрами.

Некоторые граждане сей планеты почему-то убивают друг друга и при большом стечении народа прячут тело под землю, а сверху — вот пример суеверия! — боясь, чтобы оживший человек не покинул яму, придавливают ее камнем или вбивают крест.

Некоторые сцены из жизни землян были показаны у нас на Циплятус и вызвали отвращение и бурный протест, и едва не закончились многими смертельными исходами, но к счастью месмерическая полиция была предупреждена и в нужный момент умелыми пассажирами спасла особо чувствительных циплятусианцев.

И вот центавры попросили у нас согласие на похищение Евгения.

Нам не в первый раз приходится слышать подобное от соседей, которые прославили себя грубым вмешательством в дела многих цивилизаций. Мы тем не менее дали согласие, но предупредили: если Станция слежения не будет предоставлять нам полную информацию о каждом шаге Евге-

ния, то мы прервем всякие отношения с Центавром окончательно.

Главный робот Циплятус — Циркон .

Прочитав эту странную статью, я в полном недоумении несколько секунд скользил глазами по газете, не зная как отнестись к тому, что было написано обо мне. Но в данное время я не мог спокойно рассуждать — слишком много событий произошло за последние часы. К тому же впереди меня ждал загадочный мир с какими-то птицами и слупливателем — от всего этого кружилась голова!

Я оторвался от газеты и удивленно оглядел Гасана и указал пальцем в статью.

— А почему Станция сама не слупливали яйца птиц Гоа?

— Это было бы вмешательством в дела суверенной планеты.

— Здесь написано, что вы — центавры — погибли пять лет назад...

Гасан вздохнул.

— Все правильно...

— А кто ты и Орнелла?

— Мы центавры, но умерли очень давно — 150 миллиардов лет назад.

— Гасан, я ничего не понимаю.

Мой приятель вынул из кармана платок, отер им лысину и бросил его на стол.

— Видишь ли, Евгений, вы земляне находитесь на таком низком уровне развития — извини за откровенность — что вам трудно понять то, что легко выполнимо и естественно в далеком будущем любой цивилизации, — он задумчиво посмотрел вверх и продолжал, — когда центавры погибли пять лет назад, перед Станцией встал вопрос: самоликвидация или воссоздание людей. Она выбрала второе и взяла гены тех, кто жил 150 миллиардов лет назад...

— А почему не тех, кто погиб недавно?

Гасан удивленно глянул на меня, а потом хмыкнул.

— Они выродились.

Вдруг мой приятель торопливо указал вниз.

— Смотри!

Под ногами я увидел быстро затухающие звезды, вскоре они погасли — мы покинули Вселенную, а вверху — от нашей кабины тянулся желтый луч, который извивался и пропал далеко в черном мраке.

В душе у меня появилось странное чувство отчаяния и сумасшествия.

Я торопливо перебежал от одной стороны кабины к другой, тер ее гладкую поверхность руками и, широко раскрыв глаза, напряженно глядел в чернильную темноту. И когда вскоре впереди заблестели скопления звезд, которые стремительно летели нам навстречу, я облегченно перевел дух и сел в кресло.

— Центавр — сказал Гасан с теплотой в голосе.

Голубая планета быстро приближалась к нам, она вскоре заполнила все перед нами; ее белесая дымка расступилась и внизу мелькнули очертания материков и морей. Я увидел города, утопающие в зеленых рощах, но тут же понял, что передо мной тянется один город, рассекаемый реками, озерами, морями.

Я ожидал увидеть циклопические постройки в виде египетских пирамид, но всюду, куда бы я ни смотрел — виднелись одно — или двухэтажные здания похожие на виллы. А прямо перед нашими глазами разматывалось белое полотно широкой улицы. Через равные промежутки мелькали поперечные бульвары — и нигде ни одного человека, только дома, деревья и больше ничего.

Мне стало не по себе.

— Гасан, а где же люди?

— Они погибли пять лет назад — это мертвый город, а новые центавры, вернее, старые центавры — живут на берегу моря в одном месте.

— Много вас?

— Нет, десять тысяч.

А между тем наше движение по воздуху резко замедлялось, но я не ощущал какого-либо неприятного действия сил тяжести.

Вдруг мы сделали плавный поворот в сторону особняка и не успел я закрыть глаза, как неожиданно оказался в небольшой комнате, ее дверь распахнулась и к нам вбежал вихрастый мальчуган с огромными голубыми глазами. Он счастливо рассмеялся и уткнулся в живот Гасана, пронзительно крикнув:

— Папа! — облысел — а это что?

И он весело похлопал отца по толстому животу и торопливо указал на меня пальчиком.

— Папа — это землянин?

— Да, Казик, землянин, — ответил отец и погладил мальчика по голове, потом вынул платок из кармана и смахнул с лица слезы и словно оправдываясь передо мной, пробормотал, — хорошо дома.

Рядом раздался женский голос, в котором звучали раздраженные нотки:

— Коло, через две минуты я делаю картину — не заставляй меня ждать. Мне стыдно перед людьми.

Коло оглядел свое сафари, потом мое и отчаянно махнул рукой.

— Придется так — бежим.

И мы втроем помчались по длинным коридорам и широким лестницами на второй этаж.

Глава пятая

Казик толкнул ручки створки высоких дверей и мы оказались в полукруглом зале, где было много людей, которые толпились вокруг белого экрана и тихо, сдержанно говорили.

Я ждал восклицаний и аплодисментов, которыми, как я считал, центавры должны были встретить меня, однако появление нашей тройки никто не заметил — все смотрели куда-то в сторону и кажется волновались. Я тоже посмотрел в ту сторону куда смотрели все и увидел небольшую дверь, вскоре она распахнулась и в зал медленно прошла высокая женщина в черном длинном платье с серебряным халатом на плечах, с напряженным лицом и сжатыми перед собой руками.

В зале раздалась аплодисменты и только теперь я обратил внимание на то, что люди здесь были отнюдь не молодыми.

Мне стало скучно. Я огляделся по сторонам, заметил поблизости огромный стол, на котором стояли разнообразные закуски и напитки и шопотом попросил Казика показать мне как все это нужно есть, потому что ни одно из блюд, как ни странно, не напоминало мне землянские. Мальчик, видимо единственный в этом зале, чувствуя всю необычность моего появления в этом мире, очень серьезно взял меня за руку и подвел к столу и начал объяснять.

И так как люди стояли к нам спиной, я совершенно спокойно и вдумчиво начал поглощать удивительные кушанья, то и дело восхищенно качая головой и закатывая глаза в потолок. В моей душе звучали какие-то песни и ритмы, я взмахивал и в восторге притоптывал ногами, как вдруг, подняв глаза, я увидел впереди Орнеллу. Она со смешанным выражением удивления и отвращения смотрела на меня, впрочем она тут же отвернулась.

Я отошел от стола...

Мой приятель был около жены. Он торжественно-медленно снял с ее плеч халат — центавры восхищенно воскликнули: «О-у!» — и еще плотнее сжали круг перед Герой. Я успел заметить на бледном напряженном лице Геры тень недоумения, когда она мельком глянула не мужа — но тут же она шагнула к ящикам с красками, что находились метрах в десяти от белого экрана и расслаблено с закушенной губой опустила в них руки, а потом, с мучительным криком швырнула двумя руками комки краски на белоснежный экран. В зале раздался дикий стон сотни людей.

— О-у, о-у, Гера!

Из-за экрана выскочил маленький сухонький старичок с вытаращенными глазками и прелестным хохолком на затылке, с лопаточкой на длинной ручке — он аккуратно пришлепнул краску к экрану и, крикнув: «О-у!» молниеносно скрылся за белым полотном, на которое уже летели очередные комки краски.

У Геры сверкали глаза, ее тело часто дергалось в конвульсиях, а с губ слетали какие-то непонятные слова и просто восклицания.

Старичок вихрем вылетал из-за экрана, успевал сделать лопаточкой шлеп-шлеп по комку краски и с криком исчезал, тогда как Гера все быстрее и быстрее метала краску, и мне вдруг показалось, что она хочет поразить ею старичка и очень сердится на его ловкость и неуловимость.

Все восхищенно следили за этим странным соревнованием и словно что-то ждали. И вдруг старичок не успел укрыться за экраном — комок краски попал ему в затылок, он пискнул: «О-у», а зал дрогнул от бурных аплодисментов и пронзительных криков.

— О-у, Гера!

Гера в изнеможении упала в кресло и подняла вверх руки. И в этот момент в круг ворвался маленький Казик, лихорадочно сверкая голубыми глазами.

— Я тоже! — крикнул он и указал пальчиком на второй белый экран.

Его мама устало кивнула головой и посмотрела на старичка, который в это время торопливо чистил голову платком.

— Циркон, если ты не устал — будь ему ассистентом.

Циркон лучезарно улыбнулся и подхватил с пола длинную лопаточку.

— С удовольствием.

И он занял место за экраном, а Казик стремительно кинулся к столу, где лежали краски и, закусив пухлую губку, яростно вырвал из ящика комки и один за другим швырнул их в сторону полотна, но броски были не точными и краска улетела в высокий потолок, а Циркон, выглянув из-за экрана и осмотрев его, недоуменно пожал плечами.

Мужчины и женщины сдержанно улыбнулись.

У Казика из глаз на лицо брызнули слезы — он с криком метнулся к ящикам и, обливаясь слезами, кинул еще несколько раз, пока за окном не раздался удивленный вскрик:

— Перестаньте кидаться краской!

Казик поискал глазами отца и с громким плачем кинулся к нему, отчаянно прижался и опасно дрыгнул ножкой.

Гасан растерянно гладил малыша и кажется плакал.

Гера поднялась из кресла и с грустной улыбкой предложила всем перейти в другой зал.

Передо мной остановился молодой мужчина с книгой в руках, с очень неприятным холодным лицом. Его ледяные глаза поразили меня настолько сильно, что я вздрогнул. Тонкие губы незнакомца раздвинулись в презрительной улыбке.

— Вы не понравились мне, Евгений.

В его голосе звучала угроза. Я изумленно осмотрел центавра и, чувствуя как мои щеки заливают румянец и досадуя на себя за то, что я краснею перед какой-то льдышкой, я тонким голосом крикнул:

— Будьте любезны, не мозольте мне глаза!

В лице незнакомца ничто не изменилось, только его крупные костистые пальцы еще плотнее сжали толстую книгу.

— Уверяю вас, Евгений, что однажды я преподам для вас урок вежливости и это произойдет очень скоро и будет очень больно для вас.

Тут ко мне подошел Казик, а незнакомец с гримасой холодного презрения, смеясь, еще раз пронзил меня ледяными глазами и покинул зал.

Этот человек испортил мне настроение — я был расстроен, наклонился над мальчиком и спросил:

— А где твой папа?

Мальш вздохнул и указал пальчиком на выход.

— Он с мамой.

Я взял его руку и оглянулся по сторонам в поисках Орнеллы. Она стояла у чистого экрана и разговаривала с Цир-

коном, который протестующе махал перед собой руками. Мы с Казиком подошли к ним ближе.

— Нет-нет, я не пушу вас на Циплятус, — говорил возмущенно Циркон и горделиво, с чувством собственного достоинства поглядывал вокруг себя. — Вы заставили меня, Орнелла согласиться, а теперь я передумал. Орнелла хлестнула себя по сапогу стеком и едва слышно сказала:

— Вы — старый выживший из ума — робот. Вы хоть понимаете, что говорите?

— Да, понимаю. — с вызовом ответил Циркон.

— Так какого же черта вы играете здесь комедию!

Циркон дрожащими пальцами поправил на шее галстук и потряс кулачком.

— Я протестую, вы не имеете права, Орнелла так говорить с лицом, представляющим одну из древнейших цивилизаций Вселенной.

Орнелла подняла стек. Циркон икнул и торопливо отступил назад, но глянув на меня, шагнул вперед и раскинул руки в стороны.

— Бейте, бейте — это так характерно для вас, Орнелла — в этом вся ваша сущность и ваших центавров. Вся ваша история это кровь и разбой.

— Робот, на колени! — властным стреляющим голосом сказала женщина и указала стеком на пол перед собой.

У Циркона задрожали ноги, покорно опустилась голова, он шагнул в указанную Орнеллой точку.

— Ваши побои я покажу циплятусианцам! — взвизгнул он пронзительно.

Глаза Орнеллы потемнели до черноты с красноватым оттенком — ее лицо дышало гневом и было восхитительно прекрасным в эту минуту. Но едва она заметила меня, как ее глаза быстро сменили окраску.

Казик глядел на Орнеллу восхищено и зачарованно, и очень мило повторял: «Робот, на колени».

Циркон одернул пиджак и всхлипнул.

— Я старый робот и порой забываю, что говорю.

Орнелла скользнула в мою сторону холодным взглядом и тоном приказа бросила:

— Пройдите в детскую к Казику. Я вас найду.

И отвернулась.

Казик потянул меня к двери — я медленно пошел за ним, чувствуя как в моей душе стало тяжело от холодного взгляда Орнеллы. Мы вошли в кабину.

— Это лифт, — сказал Казик и нажал кнопку на стене.

Лифт мягко скользнул вниз и вскоре я перестал ощущать вес тела и оказался на потолке кабины. Рядом пристроился на стульчике Казик и с лукавой улыбкой на лице, спросил:

— Ну как — нравится?

Я, в полной растерянности лежа на потолке, показал большой палец.

— Хорошо.

Через минуту лифт остановился — мы вышли из него и я увидел комнату с грудями игрушек. Казик задумчиво посмотрел на меня снизу вверх и указал на игрушки чудесным пальчиком.

— Возьми в руки.

Я наклонился, но игрушка отлетела в сторону, я потянулся к другой, но и та скакнула в сторону. Казик вздохнул и положил ручки на живот, как это любил делать его папа в минуту размышлений.

— За ними побегать надо.

Он потоптался на месте, напрягся телом и стремительно с криком метнулся щучкой на груды игрушек — игрушки брызнули из под него, однако мальчик уже радостно колотил ногой по полу и показывал мне схваченный трофей. Я тоже щучкой кинулся на груды, но так больно ударился, что не сразу поднялся на ноги, а Казик уже тянул меня дальше.

Мы проскочили несколько комнат и остановились в зале, где стояли пестрые самолетики длиной метра в три-четыре. У Казика заблестели глаза.

— Это банджо.

— Банджо? — удивленно спросил я, вспомнив один землянский музыкальный инструмент.

— Конечно банджо — на нем я летаю по небу, но... — мальчик грустно посмотрел на дверь — ... не всегда.

— Пап не пускает?

— Папа здесь ни при чем — Станция не пускает.

— Почему?

Казик вздохнул.

— Она ставит сложные барьеры и если крылом заденешь, то сразу назад.

Он сдвинул на банджо прозрачный фонарь и пригласил меня в кабину.

Мы сели в кресла и пристегнулись ремнями. Я удивленно покачал головой.

— Ну и ну — как в настоящем самолете.

— А это и есть настоящий боевой самолет — он только раскрашен так.

— Кто же на нем летал?

— Орнелла.

— А когда она летала?

— 150 миллиардов лет назад.

— Тогда была война?

Мальчик замялся.

— Да, была война...

— А кем была Орчелла на той войне?

Казик радостно воскликнул:

— Главнокомандующим!

— Она победила?

— Да, но ее убили в конце войны выстрелом в затылок.

Тут мальчик насторожился и рассеянно посмотрел куда-то в сторону.

— Что с тобой? — спросил я его.

— Станция говорит: молчи, Казик, нехорошо тайны выдавать землянину.

Казик огорченно вздохнул и потрогал пунцовые щеки ладошками. Я спросил:

— Она выговаривает тебе?

— Да, немножко, на я ее не слушаю.

— Ты когда-нибудь видел Станцию?

— Нет — ее никто не видел.

Мне стало очень любопытно и я по приятельски обнял малыша за плечи и тихо спросил:

— А мои мысли она видит?

— Конечно.

— Она докладывает кому-нибудь?

— Нет.

— А если я задумал погубить Центавр?

— Все равно.

И тут в моей голове появился результат одной биохимической реакции и я едва не вскрикнул от удивления:

— Значит: Станция знала, что магматики готовят удар по ней?

— Знала.

— И не защитила себя?

— У нее нет защиты.

— Но мне говорили, что магматики сбежали в далекую Вселенную — они боялись мести?

Мальчик значительно поднял вверх палец.

— Они боялись Орнеллу.

— Но ведь ее не было.

— Она всегда была.

Я хотел о многом спросить Казика, но в это время на дверях загорелись слова «Путь свободен». Казик радостно взвизгнул и впцепился руками в полукруглый штурвал. Створки двери медленно разошлись в стороны и наш банджо стремительно сорвался с места и с ревом провалился куда-то в темноту, где иногда мелькали огни.

Внезапно перед нами появилась белая стена. Казик рванул на себя штурвал и самолет, дико завывая, устремился вверх — огромная тяжесть придавила меня к сиденью.

Белая стена бесконечной лентой тянулась перед нами, однако вскоре я заметил впереди вторую стену, которая под прямым углом медленно подошла к первой и перекрыла нам дорогу, но Казик не отвернул самолет. Я схватил малыша за плечо.

— Казик, ты видишь?

— Вижу, — спокойно откликнулся он и, видимо из упрямства направил самолет в угол стен.

— Казик, зачем ты это делаешь?

— Мне так нравится, — хладнокровно сказал малыш.

Я возмущенный потянулся к штурвалу, но между мной и Казиком появилась прозрачная перегородка и я вынужден был пассивно наблюдать за дальнейшим.

До угла оставалось не более сотни метров, когда стены чуть разошлись, образовав щель шириной метра в три. Мы проскочили в нее.

Но это было только начало.

Самолет вращался, падал, поднимался вверх, ориентируясь на мелькающие в темноте огни. Все крутилось перед моими глазами и я облегченно вздохнул, когда наконец мы снова оказались в детской комнате.

У Казика на глазах блестели слезы, он всхлипнул и, задышавшись прошептал:

— Опять... опять...

Глава шестая

Спустя минут двадцать я был на берегу моря на белом пустынном пляже и, сняв кроссовки и сафари, неторопливо шагал по мелководью. За спиной остался шумный город с непонятной для меня жизнью; мне хотелось уйти подальше, чтобы досадить Орнелле — пускай поищет и позлится. И в то же время я хотел в одиночестве подумать над тем, что уз-

нал за сегодняшний день с того момента, когда покинул плато Гизе — ведь я человек очень рассудительный, хотя многие утверждают, что это не так. Но едва в моей голове начали возникать события дня, как я услышал девичий смех и визг и увидел в море группу девушек, что плыли в мою сторону. А рядом на пляже стояли совершенно обнаженные парни и ловко перекидывали друг другу мяч. Среди них я заметил того незнакомца, которому я почему-то не понравился в доме Гасана. Он тоже заметил меня и, опустив глаза на мои плавки, с иронией сказал товарищу:

— Интересная сумка, не правда ли, Бен?

— Да, Гордон, ничего подобного не видел в жизни.

— Любопытно — что он прячет в ней?

Я покраснел от ярости и, показывая пальцем на Гордона, закричал:

— Эй ты! Да, ты, прячущийся за спинами своих товарищей, выйди сюда!

И я швырнул прямо перед собой сафари и кроссовки.

Гордон, который стоял ко мне ближе всех шагнул ко мне и с холодной улыбкой на бледном лице, вlepил мне такую затрещину, что я кубарем улетел на песок. Я быстро вскочил на ноги... но снова получил затрещину и снова распластался на песке и, чувствуя, как в глазах рябит от черно-белых кругов, я поймал боковым зрением линию горизонта и начал медленно подниматься на ноги. Мимо меня как свежий порыв ветра мелькнула девушка и когда я разогнулся, то с удивлением увидел как она молниеносным ударом сбила Гордона с ног, и тот, не принимая боя и не вставая на ноги, отполз назад.

Я крикнул ему:

— Ха, ха!

Он посмотрел в мою сторону и вполне по землянски злое вене сказал:

— Ладно.

Потом поднялся на ноги, парни ушли, а девушка повернулась ко мне и с укоризной покачала головой.

— Землянин, ну что вы такой слабенький?

И только теперь я обратил внимание на то, что девушки были голые и кажется не замечали этого — однако отсутствие одежды на их телах меня не напугало и не смутило. Я подошел к той девушке, которая сбила Гордона и сказал: «Спасибо».

Девушка зарумянилась.

— Ну что вы, — ответила она смущенно, — на моем месте так поступила бы каждая.

— Можно я вас поцелую?

— Пожалуйста.

Но когда я обнял и поцеловал ее, она удивленно воскликнула и толкнула меня в грудь.

— Землянин, ты смеешься надо мной!

— Нет-нет, я вполне серьезно.

Девушки обступили меня со всех сторон и с любопытством начали рассматривать, трогать руками. Это не понравилось Люси — той, которую я поцеловал. Она взяла меня за руку и мы отошли от группы. И тут милая центаврийка, глянув в ту сторону, куда только что ушли парни, сказала мне любопытную новость:

— Гордон несколько раз предлагал Орnelle условный брак, но она отказалась.

Девушка выразительно посмотрела на меня, словно на что-то намекая, но я ничего не понял и спросил ее:

— А что значит условный брак?

Люси пожалала плечами.

— Я сама толком не знаю, почему дружбу называют условным браком, наверное потому, что молодые живут в одном доме.

— А как вы получаете от Станции детей и где ваш инкубатор?

— Я не знаю, потому что никогда не думала об этом, но мужчины получают уже готовенького ребенка, который может ходить.

Я едва не рассмеялся от фразы «готовенького ребенка» и чтобы на лице не появилась улыбка, которая могла бы оскорбить Люси, я скривил лицо болезненной гримасой. Центаврийка озабоченно потрогала мою голову.

— Бедненький землянин, у тебя болит голова?

— Да, очень болит, но перестанет болеть, если я поцелую тебя.

— Ну хорошо, поцелуй.

Но я не успел это сделать, потому что на поляну, где я стоял с Люси выехали на конях Орnelle и Циркон. Орnelle держала в руке повод третьего коня и удивленно рассматривала нас. Люси покраснела и опустила голову. Мне тоже стало не по себе, хотя вообще-то я не чувствовал себя виноватым в чем-либо.

Орnelle прищурилась и ласково обратилась к девушке:

— Люси, если мне не изменяет память, ты смотрела картины о Земле.

— Да, смотрела, — пролепетала юная центаврийка.

Я понял, что хотела сказать Орнелла и торопливо остановил ее:

— Прошу — не надо.

Когда Люси убежала, то Орнелла с раздражением в голове заговорила:

— Евгений, не смейте больше обольстительно смотреть на наших девушек, не смейте разговаривать с ними, потому что ваш чувствительный голос привлекает их, но если вы сделаете с ними то, что у вас в обычае на Земле, то любая наша девушка от чувства гадливости покончит самоубийством.

Она посмотрела на меня, но я не увидел ее глаз — они были прикрыты пушистыми ресницами, и я вновь отметил удивительную привлекательность Орнеллы и подумал, что резкие слова в устах этой красавицы теряют свое значение, когда смотришь в ее лицо.

Орнелла слегка улыбнулась и показала стеком на седло третьего коня.

— Возьмите одежду, переоденьтесь — мы отправляемся на Цышлятус.

Я одел комбинезон черного цвета с номером «21», который находился на груди, спине и на плечах. Цифры неестественно белые, выполненные с каким-то странным изломом, напоминающим готический, словно излучали какую-то злую волю или энергию, производили неприятное впечатление, когда я смотрел на них или трогал руками. Они жгли мое тело, давили на сознание и в то же время я чувствовал себя очень уверенно.

Потом я натянул на ноги высокие ботинки. Орнелла внимательно наблюдала за мной. Я вспомнил с каким отвращением она смотрела на меня в ту минуту, когда я в доме Гасана вдумчиво поглощал закуски и мне стало стыдно за свое обжорство.

Я опустил голову и, пиная камушки, негромко сказал:

— Поверьте, Орнелла, я неплохой, а многие почему-то говорят, что я хороший — вот честное слово.

Орнелла рассмеялась. Она ездил вокруг меня и долго хохотала, а потом протянула мне руку.

— Здравствуйте, Евгений.

И тот холод в наших отношениях, который я постоянно ощущал с момента прибытия на Центавр мгновенно

исчез. Я взял руку шефа разведки и контрразведки, не твердую и жесткую, а женственную, изящной формы, с длинными красивыми ногтями, почувствовал нежное пожатие ее пальцев.

Через минуту я был в седле и, разбирая повод, с удовольствием окинул взглядом густой лес, море, золотистую бухту, к которой спускались небоскребы небольшого города, а выше за ними сверкали белоснежные вершины гор.

Когда мы ехали с Орнеллой по старому городу с его одинаковыми домами, а Циркон скакал далеко впереди, я спросил ее:

— Скажите, Орнелла, почему у вас нет охраны?

Она достала из кобуры пистолет и показала мне.

— Вот мой хранитель.

— Вы не доверяете центаврам?

— Я бы хотела доверять всем, но среди них находится убийца, который убил меня в далеком прошлом, возможно косвенный убийца.

Это звучало так странно: «...убил меня в далеком прошлом». Теперь эта женщина не казалась мне холодной. Я показал рукой вдоль пустынной улицы.

— А если он притаился впереди?

— Я почувствую угрозу — он сможет убить меня только тогда, когда я засну.

— И вы не спите?

— Нет.

— А вы предполагаете кто он?

Орнелла не ответила...

Этот мир казался мне прекрасной мечтой в те минуты, когда я летел сюда, а теперь он предстал передо мной большой загадкой, но более всего меня интересовала Орнелла: почему у нее такие странные глаза, каких нет у центавров, как понять слова Казика: «ее убили» — и в то же время «она была всегда»?

Глава седьмая

Огромная тарелка-звездолет, ведомая Цирконом, опустилась на планету Цышлятус, входной люк распахнулся и мы с Орнеллой вывели коней на воздух.

Я увидел перед собой поле, на котором виднелись высокие здания с прозрачными башнями, но здания были наполовину разрушены, в разломах росли деревья и кустарник, а из огромных разбитых окон тянулись ядовито-желтые побеги.

Земля вокруг была словно выжженной: плотная без единой травинки, всюду валялись ржавые останки конструкций, разбитых машин, а вдалеке, на краю поля у самых гор стояли в один ряд черные космические корабли разных поколений.

Я не успел толком приглядеться к ним, как вдруг ощутил дуновение сильного ветра, который усиливался с каждой секундой. Где-то вверху над моей головой прозвучал странно знакомый клеток: «Коа-коа-коа!».

Я поднял голову и, прикрывая глаза рукой от вихревых потоков воздуха, всмотрелся во что-то огромное и пестрое — и растерянно ахнул: по небу медленно летела огромная курица!

Сильный ветер сбил меня с ног и я, лежа на спине, крикнул Орнелле:

— Что это такое?!

— Это птица Гоа.

Из звездолета выскочил Циркон. Его прелестный хохолок на затылке заметался от порыва ветра. Робот глянул в мою сторону, отчаянно всплеснул руками и кинулся ко мне.

— Встань, встань скорей!

Между тем птица Гоа, часто махая крыльями, зависла над нами, опустила вниз голову и огромным кровавым глазом людоедски уставилась на меня — точно так, как смотрят любопытные деревенские курицы, когда видят что-то необычное.

Курица мигнула глазом и я готов был уже рассмеяться, но тут заметил, как ее огромный клюв раскрылся. Оглушительный крик: «Коа!» — отбросил в сторону Орнеллу и Циркона, которые подбежали ко мне и пытались поднять меня на ноги.

А курица вмиг сложила крылья, вытянула голову и, целя в меня клювом, понеслась вниз.

— О господи! — вскричал я и начал торопливо отползать в сторону, но руки и ноги меня не слушались и я, пораженный безумным страхом, барахтался на одном месте.

А птица Гоа у самой земли раскинула надо мной свои огромные крылья, опустила на лапы и хотела схватить меня поперек туловища гигантским клювом, но я отчаянно забрыкался ногами. И тогда она, сердито мотнув головой, наступила тяжелой лапой на мои ноги и снова разъяряла клюв.

Я судорожно оглянулся в поисках тяжелого предмета, увидел рядом металлическую болванку, схватил и с бе-

шенным криком ударил курицу, но та подхватила меня за бока и швырнула себе на спину и тут же взлетела в воздух.

Все произошло молниеносно.

Я с трудом выбрался из густых перьев и, видя как по обе стороны от меня ритмично двигаются широкие крылья, побежал в сторону хвоста птицы и хотел было спрыгнуть вниз, но когда я глянул на поле, то у меня закружилась голова — мы летели на высоте не менее пятидесяти метров. Я отступил назад, присел на корточки и вскоре отметил, что курица почему-то не улетает с космодрома, а делает плавные круги над ним и внимательно присматривается к зданиям, выставляя вперед то одну, то другую сторону головы.

Внизу сердито крикнула Орнелла:

— Евгений, глухой мальчишка, прыгайте немедленно!

Но я не прыгнул и виновато развел руками в стороны, тогда она выхватила из кобуры пистолет и начала целиться в голову птицы. К Орнелле метнулся робот и повис у нее на руке.

— Не надо, не надо!

Тем не менее из ствола пистолета вылетела яркая пульсирующая красно-белая стрела и мелькнула перед курицей. Та возмущенно крикнула: «Коа!» — и на короткое время зависла на одном месте, а потом втянула голову в туловище и, отчаянно махая крыльями, нырнула за высокое здание, прижимаясь к земле и стремительно полетела в даль.

Я устало сел в мягкие перья и вспомнил деревенскую тихую улицу и себя, пятилетнего малыша в майке и трусах, когда я внимательно следил за наседкой, которая, квохча и часто поглядывая на своих цыплят, разгребала землю у забора и вдруг вырвала когтями длинного червяка. Он растерянно замер, но видимо понимая, что его заметили — рванулся к спасительной ограде, а курица, торжествующе крича: «Куб-куб-куб!» — наступила на него лапой, защемила клювом, потом подняла на воздух и показала птенцам, положила им под ноги.

Два прожорливых цыпленка схватили червяка и начали тянуть в разные стороны, а он из последних сил боролся за жизнь и даже разорванный на две половинки извивался и, намерное беззвучно кричал от боли и ужаса.

Птенцы, проглотив несчастного червяка, спокойно и непринужденно занялись своими делами, а я, потрясенный этим хладнокровным убийством, со слезами на глазах, убежал домой и весь день ничего не мог есть, а вечером долго не мог уснуть.

Тут я почувствовал, как кто-то сжал мое плечо. Я поднял голову и увидел перед собой человека с интеллигентным лицом, который вежливо протягивал мне бутылку.

— На, выпей — все легче будет.

Глава восьмая

Я взял бутылку и удивленно осмотрел человека, который меж тем неторопливо скинул с себя широкий плащ — под ним висели крест-накрест через плечи два патронташа, если можно так сказать, полные бутылок, точно таких, какую я держал в руке.

Незнакомец приподнял шляпу и церемонно поклонился мне.

— Будем знакомы, Евгений — зови меня Микус.

Он поправил патронташ и мягким жестом руки показал на окрестные леса и поля, над которыми мы летели и, закинув голову назад, подперев кулаком свой бок — с чувством наслаждения продекламировал:

Бессмертный человек! О, созерцай
Кипенье жизни, бьющей через край
Здесь все твое! Но час, увы, настанет
И жизнь продлится, а тебя не станет
И кто бы над тобой не горевал,
Ни небо ни земля не отзовутся;
Листок не упадет, не грянет шквал,
И тучи над могилой не сберутся;
И смертью потревожишь ты своей
Лишь хищных поминальщиков червей.

Я потрясенно крикнул:

— Вы знаете Байрона?!

Микус с улыбкой поднял вверх палец.

— Мой юный друг — я люблю Байрона.

Он взял меня под руку и повел в сторону головы птицы Гоа и около того места, где начиналась ее шея, Микус показал на подобие беседки, сделанной из толстых перьев, пригласил присесть рядом с собой. Он вынул из патронташа вторую бутылку и, сделав добрый глоток, отдышался и сказал:

— Ты наверное, Евгений, хочешь узнать почему птица Гоа подхватила тебя?

— Да, конечно.

Микус лукаво посмотрел на меня.

— А вот скажи: если ваша землянская милиция едет по

городу и видит пьяного человека, который лежит на панели — что она сделает?

— Она заберет его.

— Вот и наши птицы Гоа подбирают всех, кто лежит за пределами города, а в городе таких товарищей обслуживает месмерическая полиция.

— Но, товарищ Микус, как же так, я вовсе не пьяный.

Микус необычайно вежливо покачал головой.

— Однако, Евгений, ты лежал на земле — я это видел.

— Но это не причина считать меня пьяным.

Микус очаровательно улыбнулся и мягким жестом руки указал на голову птицы Гоа.

— А ты попробуй доказать это ей.

Птица посмотрела на меня кровавым глазом людоедки и сердито крикнула: «Коа!» и еще быстрее замахала крыльями.

— Куда мы летим? — спросил я Микуса.

Тот лучезарно улыбнулся и обнял меня за плечи.

— Мы летим в столицу планеты Цыпа, где вероятней всего нас примет председатель парламента Христуc, чтобы назначить нам наказание за перепитие водус.

И он потряс бутылкой над головой.

— И какое нам будет наказание?

— Суток пятнадцать безлюдной планеты.

Я так и подпрыгнул на беседке и возмущенно крикнул, показывая пальцем на голову птицы Гоа:

— Она ошиблась дура, я не пил никакой водус, а упал я потому, что меня сбил с ног ветер от ее крыльев. И к тому же я выполняю задание Центавра.

Хотя, честно говоря, я не знал зачем я прибыл на Циплятус, но тем не менее я сердито топнул ногой и энергично сказал:

— Она не имела права хватать меня как червяка.

Микус ослепительно улыбнулся и надолго приложился к бутылке, а потом блаженно глянул в синее небо.

— Мне не хотелось бы внушать тебе беспокойство, но к сожалению я вынужден, Евгений, немножко огорчить тебя: на Цыплятус действуют законы Циплятус и никакая Станция, никакая Орнелла не спасут тебя от решения парламента или его председателя. А если — упаси тебя Боже — ты начнешь перепираться с председателем, то вместо пятнадцати суток получишь тридцать.

Я откинулся на спинку беседки, взболтнул содержимое своей бутылки, приложил ее к губам и ощутил как нечто

ароматное и мягко-воздушное коснулось моего языка и гортани. В тот же миг в моей душе родилось чувство блаженства, я просветленно глянул на Микуса, который в это время стоял впереди у самой шеи птицы Гоа и, показывая рукой в даль, прочувственно говорил:

— Зачем куда-то стремиться и чего-то хотеть, рваться и постигать, и сжигать дни данные природой быстро и мимолетно... Созерцание — вот смысл жизни и величие ее, но это вы земляне постигаете только в глубокой старости, когда поздно наслаждаться жизнью и когда вы, наконец, сознаете, что все ваши терзания юности не стоят минуты блаженного наблюдения природы в старости.

Микус оживленно обернулся ко мне и положил руки на мои плечи.

— Евгений, оставайся у нас на Циплятус — ты мне понравился с первого взгляда — мы будем читать стихи, говорить об искусстве, о философии.

От чувства благодарности я едва не задохнулся и только мог отчаянно кивнуть головой. Но после принятия очередной порции водус в душе моей наступило некоторое просветление.

— Скажи, Микус, у вас коммунизм?

— Да, коммунизм.

Тут я вспомнил роман Владимира В. «Москва 2042» и спросил:

— А он построен всюду или только в отдельно взятом городе и для отдельно взятых людей?

— Он построен для всех.

Наверное благодаря водус я вспомнил еще одного маститого писателя, ныне почившего, который часто писал о счастливом будущем людей — там, вдалеке, в эре встретившихся ног или встретившихся рук — и обратился к Микусу, который в это время с любовью рассматривал на свет третью бутылку водус:

— Микус, а у вас была эра встретившихся рук?

— Была недавно — миллион лет назад.

— И долго продолжалась?

Микус с удовольствием открыл пробку и, почмокивая губами, рассеянно ответил:

— Нет, не долго — до тех пор, пока не переломали с пьяна друг другу руки-ноги.

— Но, Микус, почему вы так много пьете?

Микус укоризненно покачал головой.

— Мой юный друг, вы живете в развитом социализме,

заняты работой, детьми, любовью и тем не менее успевают по ночам создавать великолепные шедевры самодельного водуса, а что остается делать нам, когда мы ничем не заняты?

Он пожал плечами и, счастливо улыбаясь, взболтнул содержимое бутылки. Я не отставал с вопросами.

— А тебе не хотелось бы побывать на Земле, увидеть другие миры?

— Если я захочу увидеть как поживает ваш инженер Миша или чем занимается ткачиха Люся, ударница...м...м.ансамбля, или как строят кинотеатр имени «Седьмого водопроводчика Сани», то мне достаточно только пожелать и посмотреть вот на это.

Микус протянул мне телеприемник величиной со спичечный коробок.

Я сжал его пальцами и страстно пожелал увидеть деревенскую улицу, на которой живут мои любимые старики и радостно вскрикнул. На экране мелькнули серые прищипнутые к земле домишки, огромные болота на проезжей части дороги и темная фигура в дождевике с капюшоном на голове, хотя дождя вроде не было. Человек осторожно оглянулся по сторонам и быстрым шагом скользнул в наш палисадник, присел за кустами смородины. Я услышал его тихий шопот:

— Митрич.

— А-у! — раздался веселый голос из домика и я счастливо рассмеялся: дедуля!

— Митрич, матерьял готов?

— А сколько хош?

— Литров десять.

— Ну давай посуду.

Под окном на уровне земли раскрылось потайное окошко, в него просунулась родная узловатая рука дедули. Я радостно вскрикнул, слезы наполнили мои глаза и я уже не мог смотреть на экран.

А между тем впереди появился город Цыпа. Над горизонтом виднелись непонятные циклопические скульптуры, но пока мы летели до них — я узнал от Микуса поразительную новость: оказывается цыплетусианцы произошли от летающих птиц и в отличие от нашей земной трагической цивилизации — цивилизация планеты Цыплетус никогда не знала войн, потому что цыплетя — так назывались первые люди планеты — были миролюбивыми, добрыми, бескорыстными. Они культурно вместе и по отдельности бродили по лесам, клевали червячков, ловили мошек и не-

торопливо развивались, потому что врагов у них не было, а дело в том, что 150 миллиардов лет назад за их развитием наблюдали центавры и оберегали от опасностей.

Когда птицы еще только начали переходить от летающего образа жизни к пешему — центавры предусмотрительно послали к ним роботов, которые могли бы всесторонне стимулировать их развитие, а сами, занятые космическими войнами, забыли о созданной цивилизации.

Я с восторгом наблюдал некоторые сцены их древней жизни по телеприемнику.

Вот юный цыпленок, голенастый, тощенький и еще безусый, грустно наигрывая на гитаре, бросает печальные взгляды на окно любимой. Его ломкий голос трагично звучит в ночной тишине:

Как сладки любовные утехи,

Не играйте в эти игры дети...

Юноша закидывает гитару на плечо и прикладывает крылышки к губам и тихо шепчет:

— Джульетус, Джульетус...

Окно распахивается и в его темном проеме появляется девушка в прозрачной белой рубашке, через которую просвечивает стройное гибкое тело. Девушка счастливо улыбается юноше и протягивает ему свои нежные крылышки.

— Ромикус, иди сюда.

Юноша вскрикивает и стремглав бросается в окно. Джульетус испуганно озирается по сторонам и прикладывает крылышки к губам нетерпеливого любовника.

— Ромикус, глупенький — ну разве можно так громко.

Она втягивает юношу в окно и, смущенно краснея, нерешительно развязывает шнурки рубашки, а Ромикус, задыхаясь от волнения, стоит перед ней на коленях и торопливо помогает рубашке освободить любимую от ее объятий. Рубашка медленно скользит по белоснежным плечам Джульетус, обнажая розоватую грудь с золотистым оттенком, и на короткое время задерживается на гибкой линии бедер.

Внезапно экран приемника погас. Я взволнованно постучал по нему костяшками пальцев — он загорелся, но теперь на экране был старичок с седой бородкой, который неторопливо говорил о правильной подкормке птиц Гоа.

Я потрясенно глянул на старика и вернул приемник Микусу.

Прямо перед нами появилась гигантская каменная фигура человека — высотой не менее ста метров. Человек размашисто показывал правой рукой куда-то в сторону — я по-

смотрел в том направлении, куда он показывал, но ничего примечательного не заметил.

На конце поднятой руки висела — тоже гигантская — корзина, в которой поблескивала вода и виднелись бочковатые камни. Птица Гоа плавно облетела скульптуру и села на вытянутую руку, поклевала камни, запила их водой и мы помчались дальше. И вскоре увидели небоскребы города Цыпы, зеленые парки и широкие улицы полные людей, но я нигде не заметил машин, как и на Центавре. Микус объяснил, что все средства передвижения находятся под землей, а по планете можно передвигаться только пешком, а в воздухе — на птицах Гоа. Это было связано с тем, что цыпلياتусианцы страшно боятся причинить боль друг другу.

Между тем внизу небоскребы раздвинулись и появилась широкая зеленая поляна, где стройными рядами стояли сотни две человек и смотрели вверх на нас. Они были одеты в красные безрукавки — примерно такие я видел в Томске на женщинах, которые лопатили на улицах горячий асфальт.

Микус объяснил, что нас встречают роботы месмерической полиции, впрочем, я сам уже видел надписи на их шлемах: «Месмер».

Едва птица Гоа, тяжело вздохнув, опустилась на землю, как я приготовился прыгнуть вниз, но тут раздался предостерегающий крик, ко мне метнулся полицейский и начал делать в мою сторону пассы. Я вдруг ощутил как вокруг меня появилось что-то невидимое, но плотное, которое крепко и в то же время мягко задержало меня, а потом подняло в воздух и отнесло в беседку, где сидел Микус и блаженно потягивал водус. Он улыбнулся мне одной из своих чудесных улыбок и поднял вверх палец.

— Минутку терпения, мой друг — сейчас появятся лестница.

Полицейские бегом подкатили широкую лестницу к птице Гоа, конец ее подали прямо под наши ноги. Едва мы с Микусом ступили на нее, как полицейские начали торопливо делать в нашу сторону пассы. Тотчас какая-то сила осторожно понесла меня вниз по ступеням и я потрясенно ахнул:

— Вот что значит коммунизм!

Когда мы спустились на землю, ко мне подошел офицер месмерической полиции и, заботливо чистя мой комбинезон щеточкой, участливо спросил:

— Какой вес хотите принять?

Я в недоумении пожал плечами и обернулся к Микусу, который смеясь, сказал:

— Соглашайся на ноль.

И я согласился. Меня и Микуса плотно окружили полицейские, они дружно сделали пассы в нашу сторону. Я взлетел на воздух, рядом грациозно делал воздушные петли мой приятель. Я тоже раскинул руки и, смеясь, начал выделывать круги и восьмерки, а внизу за нами бежали полицейские и отчаянно махали руками.

Неведомая сила повлекла нас с Микусом к подъезду ближайшего небоскреба. Мы влетели в двери и оказались в руках улыбчивых и необычайно прелестных девушек в белых халатах. Микус значительно поднял палец вверх.

— По землянски — это вырезвиловка.

И добавил, что перед нами роботэссы — я был разочарован. Не успел я бросить любопытный взгляд по сторонам, как ловкие руки роботэсс быстро стянули с меня центаврийский комбинезон и вот уже чьи-то прохладные пальчики опустили на пояс моих плавок. Я отступил назад и протестующе взмахнул руками.

— Нет!

Ко мне подошел Микус уже совершенно без одежды и с укором в голосе сказал:

— Стыдно, Евгений, стыдно, — он покачал головой и ласково добавил, — это не скромно.

Через минуту я лежал на столе. Надо мной сверху загорелся приятный зеленый свет, мне вдруг захотелось спать, я сладко потянулся и уснул.

А когда проснулся, то обратил внимание на то, что я уже был одет и сидел в кресле рядом с Микусом в каком-то зале перед трибуной, за которой возвышался хрупкий человек в черной звездной мантии, а в левой от меня стороне, в ложе, сидели Орнелла и Циркон и внимательно смотрели на меня.

Разумеется мне, землянину, все то, что происходило у меня на глазах казалось настолько нереальным, что я принимал этот мир за милую сказку, однако я быстро заметил различие между центаврами и цыпلياتусианцами. Центавры более крупные, особенно их женщины, более крепкие физически и менее вежливые, чем цыпلياتусианцы уже не казались здесь на Циплятус верхом развития человеческого разума. И если бы я хотел выбрать место жительства в этой Вселенной, то я бы остановил свой выбор на планете Циплятус.

Так я думал, сидя в кресле в зале парламента.

Человек за столом обратился ко мне свое доброе, утонченное лицо и с обаятельной улыбкой слегка кивнул головой.

— Вы, Евгений, теперь являетесь гражданином нашей планеты, — он вынул из стола толстую книгу и показал какую-то страницу. — На основании этой статьи, любой гражданин любой планеты, совершивший преступление на Цыплятус — автоматически становится гражданином Цыплятус.

— Но я не совершал преступления, — ответил я миролюбиво.

Председатель успокаивающе покачал в мою сторону рукой и обратился к Микусу.

— Вы согласны, товарищ Микус, с тем, что совершили преступление?

— Да.

— А вы согласны отбывать наказание на безлюдной планете в течении пятнадцать суток?

Микус счастливо улыбнулся и радостно вскочил с кресла.

— О, да!

Председатель смущенно пожал плечами.

— Мне так неловко наказывать, но закон есть закон...

И он с глубоким вздохом развел руками в стороны. Микус воскликнул:

— О, нет, я счастлив... Счастлив!

Председатель облегченно перевел дух и с грустью в голосе сказал:

— Микус, поверьте — мне так трудно было решиться объявить вам наказание — я в душе содрагаюсь от предчувствия того неудобства, которое вас ждет на безлюдной планете...

Он прижал пальцем кнопку на столе, и мой приятель Микус мгновенно растворился в воздухе, а председатель вынул из кармана мантии платок и, отвернувшись от зала долго сморкался, причем его худенькие плечи вздрагивали и мне показалось, что он плакал, хотя вполне возможно я ошибался, потому что мне трудно было судить о нравах незнакомой цивилизации. Но когда председатель развернулся, то я заметил, что его глаза сильно покраснели. Он глубоко вздохнул и прерывистым голосом обратился ко мне, с трудом улыбаясь тонкими губами:

— Вы, Евгений, согласны с тем, что совершили тяжкое преступление?

Я так и ахнул — тяжкое преступление?!

Удивленный я пожал плечами и указал на Орнеллу и Циркона.

— Да я не совершал преступления — они были рядом и могут вам это сказать.

Председатель открыл рот и откинулся на спинку кресла и несколько секунд смотрел на меня растерянно хлопая глазами, наконец он дрожащей рукой смахнул капли пота со лба и снова спросил:

— Вы, Евгений, согласны с тем, что совершили преступление?

Честно говоря, мне было жалко этого человека, который почему-то сильно расстроился, но вообще-то я человек принципиальный и согласиться с тем, что я не делал — я не могу, даже если от этого кому-то станет плохо, поэтому я снова пожал плечами и указал на Орнеллу и Циркона.

— Да вы спросите этих товарищей — они были рядом со мной.

Председатель кисло улыбнулся и вынул из стола бумажку.

— Птица Гоа оставила свидетельские показания, в которых утверждает, что «...пролетая над районом старого космодрома я увидела землянина, который лежал на земле и силился подняться на ноги, но его рассудок был помрачен большой дозой водус, что полностью нарушило психомоторные связи коры головного мозга...»

Я вскочил с кресла и крикнул:

— Это было не так!

В это время с правой от меня стороны распахнулась дверь и в зал стремительно вбежали два месмерических полицейских. Они остановились против меня и начали делать пассы — в моей душе мгновенно наступило спокойствие, я улыбнулся и сел в кресло.

Полицейские покинули зал.

Председатель меж тем ласково продолжал:

— Евгений, вы согласны с тем, что лежали на земле?

— Да, согласен.

— А почему вы лежали на земле?

— Курица ваша сбила меня с ног.

Председатель вздохнул и отер платком потный лоб и указал на листок бумаги.

— Но, Евгений, здесь говорится, что вы уже лежали на земле, когда появилась птица Гоа.

Я возмущенно вскочил, но сказать ничего не успел, пото-

му что вновь появились полицейские и быстрыми пассами усадили меня в кресло, и я уже спокойно ответил:

— Да как вы можете верить какой-то курице?

Председатель изумленно всплеснул руками и наверное целую минуту перекалывал с места на место книги на столе перед собой. Я заметил, что у него трясутся губы и мне стало неловко — я решил помалкивать. К тому же я сердился на Орнеллу: неужели не может сказать, что я не пил водус?

Я опустил голову и начал говорить себе: молчи, молчи, молчи.

Председатель между тем сказал:

— У меня нет прямых доказательств того, что вы, Евгений, были опьянены водус в тот момент, когда появилась птица Гоа, но вы вели себя как человек в сильнейшей степени ослабленный этим напитком: вы не могли подняться с земли, вы несколько раз ударили по голове птицу Гоа румпелем старого корабля...

Председатель остановился и с дрожью в голосе повторил:

— Добрейшую птицу Гоа румпелем по голове...

Он отвернулся и я вновь увидел как задрожали его хрупкие плечи — мне стало так плохо, что я начал расстегивать на груди комбинезон. В дверь вбежали полицейские и пассами привели меня в чувство. Я поднялся с кресла и твердо сказал:

— Товарищ Христус, дайте мне пятнадцать суток безлюдной планеты — я вас очень прошу.

Председатель обернулся и порывисто протянул мне руку.

— Я знал, что вы благородный юноша!

И он с глубочайшим сожалением на утомленном лице нажал кнопку на столе.

Я стоял на площади ночного города и видел вокруг себя ослепительное сияние мигающих, бегущих огней реклам, которые тянулись вдоль широких улиц и заливали все мертвым светом.

Было тихо.

Я устал от тишины, от безлюдия. Я один на планете — здесь выполняется любое мое желание, но я глубоко несчастлив, потому что не вижу людей, не слышу их голоса. Никогда не думал, что тишина может утомить и измучить.

Итак, я стоял в центре города и неизвестно чего боялся и чего-то ожидал — наверное шум, смех и людей.

Я слышал поскрипывание кожи моих ботинок и легкий

шорох материи комбинезона, когда я настороженно поворачивался и смотрел вдоль улиц.

Едва я шагнул, как эхо моих шагов загрохотало в стенах небоскребов и отразилось где-то вдалеке, а через минуту вернулось грохотом сотен шагов.

Мне показалось, что кто-то глядит мне в спину и я, меняя положение ног, стремительно обернулся, чувствуя как замирает от страха душа, но за блеском реклам я не увидел окон домов, а за прозрачными витринами магазинов, ресторанов и кафе стояли только манекены. Но вот краем глаза я заметил движение среди манекенов и прыжком повернулся в ту сторону и сразу вокруг раздался тяжелый грохот башмаков. И я помчался в ближайшее кафе, ударом плеча распахнул дверь и влетел в ярко освещенное помещение и в смятении посмотрел через витрину в сторону улицы, где гремело эхо.

Рядом на столике я увидел листок бумаги с короткой надписью «Уважаемый Евгений, город с радостью приветствует вас и готов сделать все, чтобы вам было удобно. Приказывайте».

Я поднял голову и сказал:

— Поговорите со мной.

И наконец я услышал приятный женский голос.

— Я слушаю вас, Евгений.

— Я весь день хожу по городу, я устал, мне страшно.

На это женщина вежливо ответила:

— Я город и полностью к вашим услугам. Приказывайте.

Мне стало очень грустно, я медленно подошел к бару, сел за стойку, заказал водус, сигареты, кофе и когда все это появилось на маленьком подносе из ниоткуда — я отнес его на столик, что стоял в углу кафе и сел лицом к витрине, но курить почему-то не хотелось. Я опустил голову на руки и, чувствуя усталость, быстро задремал.

Кто-то коснулся моего плеча — я дико закричал и опрокинул столик.

Глава девятая

Передо мной стояла Орнелла.

Она вынула из кармана надушенный платочек и отерла мое лицо, облитое водус, поставила на место перевернутый мною столик и присела на стул, закинув ногу на ногу.

В первое мгновение я дал себе слово не разговаривать с ней, но возмущение распирало меня и я, уперев руки в бока

довольно спокойно сказал, пронизательно глядя ей в лицо так, чтобы она поняла мое внутреннее состояние и восхитилась моей выдержкой?

— Почему вы на суде молчали?

Однако Орнелла никак не отреагировала на мои слова. Она вынула пистолет из кобуры, положила на столик и жестом руки попросила меня присесть рядом с ней.

— Вот пистолет, который вы не должны выпускать из рук в течении пятнадцати дней, — потом она показала узкую колбочку с таблетками. — Здесь пятнадцать таблеток, их вы будете принимать по одной в день, они заменят вам сон, еду и воду.

Я хотел спросить, а где же будет находиться она, но Орнелла остановила меня движением руки и продолжала:

— Я хочу во сне вернуться в прошлое и попытаться понять: кто из тех людей, что окружают меня сейчас — мог убить меня 150 миллиардов лет назад. Но предупреждаю вас, Евгений, убийца знает, что я усну...

Я удивленно воскликнул:

— Но как же он узнает — ведь на планете никого нет кроме нас?!

— Евгений, вспомните — ведь только сегодня вы наблюдали за своим дедулей, который находится гораздо дальше от Центавра и Цыплятус, чем мы с вами.

— Так выходит — за нами может следить любой?

— Нет — такое не придет людям в голову — у нас совсем другой мир. Но убийца...

Орнелла взволнованно вскочила с места и прошла по залу.

— Сто пятьдесят миллиардов лет я пыталась понять, что произошло в тот день и в ту минуту, когда раздался выстрел за моей спиной...

Она быстро вернулась ко мне и сжала мои руки.

— Я не робот, я человек и меня легко можно уничтожить. Он знает и сделает все, чтобы убить меня. Вы должны стрелять на любой шум, в любую тень. Эта планета — всего лишь тюрьма Цыплятус, здесь не может появиться человек до тех пор, пока вы не покинете ее.

Вдруг Орнелла с досадой отвернулась.

— Евгений, у вас такое простодушное лицо, но вы единственный человек, кому я доверяю.

— А почему Станция вас не охраняет?

Орнелла отрицательно покачала головой.

— Она не имеет права вмешиваться в жизнь людей. —

Орнелла показала небольшой ролик. — Здесь информация о нашей планете, о истории создания Станции, за пятнадцать дней вы узнаете многое.

Она объяснила мне как действует пистолет и еще раз попросила не выпускать его из рук. Мы вышли на улицу, где вновь загрохотало эхо, но теперь я не обращал на него внимания.

Орнелла выбрала самый огромный небоскреб, входная дверь которого была плотно закрыта, но это не смутило красавицу, она быстро опустила руку в карман моего комбинезона и показала мне магнитную карточку, потом вставила ее в дверную прорезь, замок щелкнул и мы вошли в ярко освещенный холл.

Всюду было тихо.

Орнелла закрыла дверь. Я вызвал лифт и посмотрел на Орнеллу — у нее лихорадочно блестели глаза, движения ее были быстрыми и точными. Она остановила лифт на середине пути перед тем как выйти из него, ударом рукоятки пистолета разбила пульт управления, затем вызвала второй лифт и прожгла его выстрелом насквозь.

Двери всех квартир открывались только после того, как я вставлял в дверной замок свою магнитную карточку. Всюду горел свет, в квартирах было чисто, как будто люди были здесь недавно, но тишина неприятно давила на сознание.

В комнатах квартир я видел детские игрушки, книги, удобную мебель. Порой я думал, что это голограммы и трогал их руками, но мои пальцы натыкались на то, что я видел, и я самому себе казался грабителем и смущенно поглядывал на закрытые двери, ожидая, что в них вот-вот появится хозяин.

Орнелла быстро оглядывала квартиры и тянула меня дальше. Наконец остановилась в одной, где был только зал с огромным количеством картин, что стояли вдоль стен и на мольбертах. Одна сторона зала была окном, над которым висел черный занавес из пластика или металла. Орнелла опустила его на окно и разбила подъемный механизм, потом внимательно осмотрела входную дверь, неторопливо закрыла ее на замок и оторвала все ручки, со вздохом облегчения обернулась ко мне, протянула пистолет и, когда я взял его, она положила свои руки мне на плечи и заглянула в глаза, но промолчала. Отошла к телевизору, включила его, вставила в гнездо ролик и отступила в сторону круглой кровати, на которой лежали подушка и белое пушистое одеяло.

— Запомните, Евгений, это — планета-тюрьма Ципля-

тус. Никто не смеет ступить сюда кроме вас. Любой звук, шорох — это враг — стреляйте.

Она села на кровать, закинула ногу на ногу и стянула сапог, потом искоса посмотрела на меня и с улыбкой полной очарования и нежности тихо попросила:

— Евгений, отвернитесь.

Я был поражен внезапным изменением в облике Орнеллы — передо мной сидела очаровательная женщина, ничем не напоминающая шефа разведки. Она была из тех, прикосновение к одежде которых вызывает наслаждение и помнится как милость. В эту минуту я не верил, что Орнелла может быть властной и резкой.

Наконец я опомнился и отвернулся — мне было неловко от того, что я забыл это сделать сам, без напоминаний. Я ушел в противоположную сторону зала и начал смотреть в стену. Через минуту Орнелла позвала меня, я обернулся. Она лежала на кровати, укрывшись до подбородка одеялом.

Когда я присел рядом в кресло Орнелла погладила меня по щеке.

— Евгений, если вы покинете комнату — мне смерть.

Я отчаянно замотал головой. Она обняла меня за шею и притянула к себе.

— А теперь поцелуйте меня.

Я послушно коснулся губами ее щеки.

— Нет-нет — поцелуйте так, как вы целовали Люси.

Я опустил голову и, чувствуя как мои щеки заливают румянец, тихо ответил:

— Я почему-то не могу...

Орнелла с коротким вздохом откинулась на подушку. Я не отрывал от нее глаза, я любовался ею — она была для меня сказкой — я считал себя недостойным обнять эту престелстную женщину.

— Завтра, Евгений, вернее через пятнадцать дней, когда я проснусь... В этот день я скажу вам, что вы самый дорогой... что вы явились передо мной в блеске славы и удачи, что я была очарована вами...

Она пожала мою руку и с улыбкой на лице уснула.

Я осторожно поставил телевизор и кресло к стене так, чтобы постоянно видеть дверь, окно и кровать, потом снял ботинки, обошел зал на цыпочках, вернулся в кресло и начал было смотреть телевизор, но вдруг заметил, что с Орнеллой что-то происходит: ее лицо потеряло четкое очертание. Я подошел ближе к кровати. Орнелла словно таяла и растворялась в воздухе — одеяло медленно опадало в том

месте, где лежала красавица, а через минуту кровать была пустой. Я осторожно прикоснулся к подушке, которая еще хранила ее и вернулся в кресло.

Конечно, мне было жаль, что Орнелла ушла в сон и теперь я вынужден был сидеть в одиночестве пятнадцать дней, да еще охранять пустую комнату.

Я переложил из руки в руку пистолет, потрогал в нагрудном кармане комбинезона колбу с таблетками, поудобнее устроился в кресле и с интересом уставился на экран телевизора, где разворачивалась полная драматических событий история Центавра, причем снято все было так великолепно и правдиво, что я не понимал: толи это игровой фильм, толи реальные съемки.

Звука не было, но иногда внизу экрана мелькали строчки слов.

Вот над джунглями возвышается мохнатая фигура циклопа — он замахнулся рукой и что-то напряженно выглядывает внизу, его глаза широко открыты и смотрят в одну точку. Внезапно он бросает руку вниз и, разевая рот, распрямляется, прыгает на одном месте и торжествуя смотрит на ящера, что был зажат в пальцах его руки, потом сует его в свой зубатый рот.

Но вот к первому циклопу подходит второй и угрожающе размахивает дубиной, и показывает пальцем на ящера.

Первый циклоп вырывает из земли дерево и поднимает над головой. И тот и другой, стоя друг перед другом в угрожающих позах, сильно разевают рты и вращают глазами. Вокруг них появляются их собратья и тоже, разевая рты, сильно прыгают, машут кулаками и дубинами.

А между тем два первых циклопа наносят друг другу тяжелые удары по головам, дубины ломаются — циклопы хватают друг друга за руки и начинают топтаться на месте, кусают, царапают лица, покрытые мохнатой шерстью, и наконец падают на землю, а через минуту второй циклоп замирает, а первый — торжествуя разрывает ему грудь.

Внизу экрана появилась короткая надпись «Победила женщина».

Все прочие циклопы радостно машут дубинами и кидаются на поверженного собрата и рвут его на части.

Тем временем вокруг пирующей группы медленно собирается толпа других циклопов — первые растерянно смотрят на них несколько секунд, потом стремительно убегают прочь, бросая дубинки и мясо. Их крепкие ноги вытаптывают леса и выбивают в земле глубокие ямы. Но вот навстречу

бегущим идет большая орда циклопов — они соединяются и, потрясая кулаками, топают ногами и обращают друг к другу разинутые рты, а затем бегут на место драки, где в это время вторая группа доедает останки сотоварища — они видят бегущих и в полной растерянности с разъятыми ртами наблюдают их и оживленно показывают друг другу пальцами, бьют друг друга по головам, заламывают руки и смотрят в небо, а потом стремительно разбегаются в стороны и пропадают где-то за горизонтом.

Внизу экрана мелькает короткая строчка: «Победила женщина».

Но проходят миллионы лет, циклопы становятся людьми обычного роста, они строят деревни, города, сеют зерно и непрерывно воюют друг с другом — кровь заливает улицы городов, горы мертвых тел гниют на полях и на дорогах.

Вот передо мной появляется горящий город, в который врывается озверелая толпа воинов на закованных в металл конях. Они с хохотом пронзают копьями бегущих детей, ловят женщин за волосы и волокут на площадь, где уже громоздятся кучи захваченного добра и пьют вино ликующие победители.

Женщин бросают в лужи крови, срывают с них одежды — металлические перчатки разрезают им кожу, женщины кричат и сжимаются в комок, но их ноги и руки с хохотом растягивают в стороны победители, бьют в лицо окованными кулаками, потом в изодранных панцырях бросаются на бесчувственные тела залитые кровью.

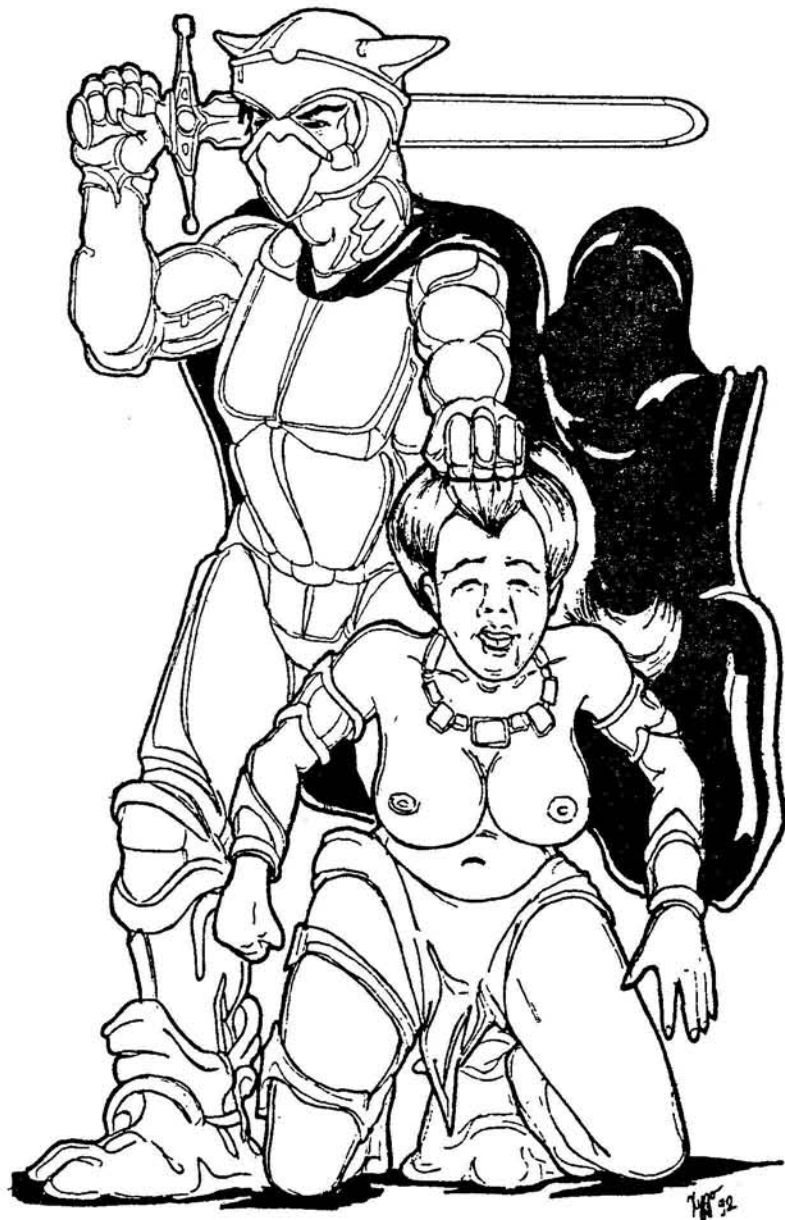
Я вижу глаза женщин — они точно такие, как у Орнеллы...

А на экране сменялись эпохи, но войны становились все более жестокими, которые приводили к тому, что народ планеты почти вымирал, но проходили сотни лет, рождались новые поколения и снова начиналась война.

Меня тошнило от того, что я видел и я часто уходил в другой конец зала и внимательно слушал тишину, думал об Орнелле и жалел, что не поцеловал ее. От этих мыслей я очень волновался...

А между тем на экране телевизора войны незаметно сменились спокойной жизнью.

Планета покрылась городами и памятниками — проходили века — некоторые монументы толпы людей варварски взрывали и плевали на осколки, а затем ставили на пьедесталы еще более крупные скульптуры, чтобы через сотню лет снова все уничтожить.

Я удивленно всплеснул руками.

— Да что за глупый народ!

Вскоре я обратил внимание на то, что у скульптур была одна и та же характерная деталь: у них были просветленные лица, они близоруко шурились и размашисто показывали куда-то правой рукой. И люди охотно шли в ту сторону, куда им указывали памятники — с песнями, с плясками, но проходили новые века, и они возвращались — худые, оборванные и страшно злые, громили магазины, рвали друг у друга хлеб, а потом с криками взрывали очередные монументы и ставили другие.

Но вот наступил момент, когда глупые центавры переломали все близорукие памятники, а новые почему-то не поставили. И вот с этого времени люди стали жить хорошо.

Судя по техническому уровню — это время чем-то напоминало наш двадцатый век.

С развитием культуры, науки, техники — исчезли границы между государствами, а бурное строительство заводов, которыми управляли роботы — все более освобождало людей для занятий интеллектуальным трудом. Все больше и больше появлялось гениальных художников, музыкантов, поэтов и писателей.

Всюду шли веселые спортивные соревнования — в ночных городах сверкали иллюминации — каждый последующий день был праздником для центавров, наступил золотой век...

Но вот на экране замелькали тревожные лица: оказываются были созданы компьютеры, которые начали писать музыку, стихи, романы во много раз лучше и быстрее чем люди. Компьютеры и роботы строили города, осушали болота, были корреспондентами, астронавтами и слугами центавров.

Газеты разразились вопросами о смысле жизни — для чего живет человек?

В парламенте планеты постоянно шли дебаты о целесообразности использования роботов в жизни людей. Интеллектуалы требовали, а это почти все население планеты — уничтожить роботов, которые, дескать, привносили в искусство холодный разум, но все что создавали роботы — дышало жизнью, природой и гениальным мастерством, недоступным человеку.

Прошли сотни лет и люди привыкли к роботам-гениям, которые были послушными воле человека и равнодушными к славе.

Для людей стало нормальным делом иметь робота-гения и выдавать его творения за свои.

Но вдруг общество потрясла новая катастрофа.

Пока центавры думали о еде, жилище, семье — они шли в одну ногу с природой, однако с того момента, когда они удовлетворили свои естественные потребности и потянулись к интеллектуальному труду, а человеческий мозг, освобожденный от естественных проблем, жаждет одиночества, раздумий — все больше и больше появлялось одиноких людей, занятых наукой, культурой. Наступило резкое охлаждение чувств между полами. Семьи стали редкостью. Женщины уже не хотели рожать детей, появились инкубаторы.

Половое влечение между мужчиной и женщиной, которое всегда в живой природе являлось апофеозом воспроизводства себе подобных — вскоре погасло.

Человек полностью отошел от Природы.

Это повлекло за собой новый всплеск интеллектуального и физического развития у женщин, которые легко превзошли мужчин во всех сферах культуры, науки и встали во главе государства.

На этот период пришлось бурное развитие искусственного интеллекта, который начал соперничать с интеллектом людей. Именно в это время встал вопрос об уничтожении роботов, но это значило бы остановить развитие науки и техники и хотя споры продолжались многие годы, но они ни к чему не привели: роботы все ярче заявляли о себе и вскоре стали простой необходимостью для центавров.

В газетах начали появляться статьи о том, что дальнейшее развитие науки и техники неминуемо приведет человечество на грань биологической катастрофы, авторы призывали отказаться от достижений цивилизации и вернуться к ручному труду.

Над этим призывом центавры смеялись...

А между тем было объявлено о строительстве необычной станции — станции слежения и перемещения.

К этому времени все десять планет Солнечной системы давно были обжиты, но основная часть женского населения — домоседки — оставалась на планете Центавр, а мужчины занимали все прочие девять и пользовались плодами научных открытий женщин. Дело в том, что среди популяции мужчин наступил интеллектуальный регресс. Их продолжительность жизни сократилась до двадцати-тридцати лет. Это объяснялось тем, что если в древние времена они жили в ладу с природой ради женщин, то с утратой половой

потенции — потеряли жизненные силы. Биологический смысл человека как части природы был уничтожен, как сломанная ветка на вечно юном древе жизни.

Итак, мужчины должны были вымереть первыми, а за ними должны были последовать женщины.

Именно для того, чтобы остановить вымирание цивилизации — женщины пытались расселить человечество на других планетах, но люди несли с собой гены вырождения.

Ученые лихорадочно работали над созданием Станции слежения и перемещения — она должна была вдохнуть жизнь в цивилизацию центавров.

Но, как известно, с падением интеллекта или отсутствием его — в человеке пробуждаются звериные инстинкты: ненависть, злоба, зависть, эгоизм.

В один черный день на планету Центавр, которую в основном населяли женщины, обрушились тысячи ракет с ядерными боеголовками. В одно мгновение огненный смерч погубил миллиарды людей, разрушил все города. Земля стала плотной как камень, а солнце скрылось за тучами пыли и гари.

Мрак и смерть опустились на планету.

Все кто находился на поверхности — погибли, а оставшиеся в живых не имели оружия для сопротивления, потому что центавры тысячи лет не воевали.

Мужчины-центавры, после ядерного удара, десантировались на планету, чтобы добить всех, кто находился в подземных промышленных городах. Но входы в туннели были закрыты, а уничтожить эти города было сложно, так как они находились на большой глубине. Женщины-центавры населяли многие другие планеты галактики, а узнав о трагедии, начали готовить оружие и вскоре разразилась Первая звездная война, которая длилась десятки лет с переменным успехом. Женский разум, более гибкий и совершенный, легко создавал новые чудовищные орудия смерти. Женщины чаще побеждали в космосе, на земле и под землей в бесконечных промышленных городах.

Во время этой войны обе стороны проявили удивительную жестокость и ярость: пленных рубили на куски, впрочем, в плен добровольно никто не сдавался. Каждый центавр имел на поясе — кроме прочего оружия — длинный нож и в случае возможного пленения — закалывал себя.

Каждую секунду взрывались и гибли подземные города, мелькали и перекреплялись пулеметные трассы, но вдруг

наступала тишина и с двух сторон выходили двумя цепями мужчины и женщины, в их руках блестели ножи.

Центавры медленно сближались, а потом с яростным криком бросались друг на друга и начиналась кошмарная резня, от вида которой у меня перехватывало дыхание.

В этих диких схватках чаще побеждали женщины как более сильные физически. Мужчины обращались в бегство, а те, кто попадал в плен, с трепетом ожидали мучительных пыток.

Наконец женщинам удалось захватить планету Центавр и на десять лет наступил мир, во время которого обе стороны лихорадочно готовились к новой войне.

Глава десятая

Станция слежения и перемещения была вершиной труда человека — в ней воплотилось все то, о чем он мечтал на протяжении многих тысяч лет с первых построек примитивных заводов по выплавке металла.

Первоначально Станция должна была следить за воспроизводством людей, а также за здоровьем населения планеты: как бы ни был человек удален от нее в галактике, она тем не менее постоянно вела наблюдение за его физическим состоянием. И в случае отклонения от нормы — восстанавливала. Ее деятельность особенно проявилась в годы войны, когда огромное количество раненых некуда было размещать в подземных городах — Станции удавалось потоком энергии быстро заживлять раны.

Ученые постоянно работали над ее совершенством, однако не пытались сделать из нее военную станцию, которая могла бы уничтожать противника. Они уже видели будущее Станции и всемерно ограничивали возможное распространение той информации, которую получало их детище от каждого человека.

Она не имела права вмешиваться в дела людей, не имела права голоса, мнения, а также ей запрещалось в любом далеком будущем и в настоящем времени — докладывать парламенту и разведке о той информации, которую она получала о противнике и о всяком человеке, если все это шло во вред последним.

Во время войны у женщин проявилась одна любопытная особенность — все, кто был ранен, терял интерес к войне и обращался к семье, детям и с удовольствием занимался воспитанием малышей, тогда как юные девчонки наоборот — мечтали о боях и сражениях.

Матери планеты — в данном случае парламент — прекрасно понимали, что следующая затяжная война может погубить цивилизацию, если им не удастся в течении нескольких лет уничтожить противника. Для этого нужны были армии и металл.

Во время войны все возможные ресурсы были истощены.

К далеким звездам галактики отправилась конвоем грузовики за рудой, а в глубинах планеты Центавр, где первоначально находилась Станция, были заложены инкубаторы на миллионы детей.

Планета внешне казалась безжизненной, она была покрыта гигантскими воронками, в которых не было воды. Черный космос с мириадами холодных звезд, жестоким Солнцем каждый день обжигал ее поверхность. Океаны, моря — давно испарились. За сто лет войны все погибло в ядерном смерже. И только глубоко под землей шла размеренная жизнь.

Я обратил внимание на то, что на экране стала часто появляться малышка лет пяти с белыми солидными бантиками на голове — это была Орнелла!

Она очень внимательно слушала учительницу, которая объясняла детям как нужно пользоваться оружием — после пояснений малышки торопливо шли к барьеру, выбирали себе оружие по вкусу и как всегда их выбор почему-то падал на тяжелые пулеметы. Девочки с трудом и с удовольствием вставляли пулеметные ленты в приемники, щелкали затворами, а потом прижимали приклады к розовым пухлым щечкам и щурились оба глаза.

Их маленькие тела подпрыгивали и тряслись от коротких очередей, которыми они расстреливали мишени, но прошло десять лет и пятнадцатилетние девушки готовы были к новой войне.

Война пришла из глубины космоса, где бесконечные конвои сопровождали грузовики с рудой, что возвращались с далеких звезд. Ракеты-убийцы охотились за грузовиками и для защиты последних обе стороны посылали противоракеты.

Вся галактика с ее миллиардами звезд превратилась в арену битвы за источники сырья.

Но уже через пять лет парламент Центавра пришел к выводу, что война никогда не кончится. В это время парламент возглавила Орнелла. Она потребовала от ученых создать ядерные бомбы, которые могли бы уничтожить планеты врага. И такие бомбы были созданы.

Их поместили в девять космических кораблей, вывели за пределы Солнечной системы и разогнали по галактике до скорости, превышающей в несколько раз скорость света, чтобы радары противника не успели зарегистрировать их раньше времени. А потом направили на планеты, где находились мужчины-центавры.

Но еще до того, как над горизонтом вспыхнули девять ярких звезд — я увидел кабинет Орнеллы, где она лежала лицом на столе, сжимая правой рукой, опущенной вниз, рукоять пистолета.

Ее затылок был окровавлен...

Я вскочил с кресла — все было так странно! — она погибла и в то же время жива!

Я обошел круглый зал, остановился у кровати и провел рукой по подушке, и тотчас отдернул руку: подушка была теплой, как-будто на ней только что лежал человек. Я вернулся в кресло и увидел на экране тот момент, когда Орнелла уже находилась в капсуле звездолета, который уносил ее в бесконечную глубину космоса.

Станция должна была вернуть ее на Центавр и оживить, если в далеком будущем цивилизация погибнет.

Две недели сидения перед телевизором сказались на мне: я вдруг начал зевать, и чтобы прийти в себя я вскочил на ноги и пробежался вокруг зала, потом начал отжиматься от пола. Это меня очень взбодрило, но захотелось поесть, покурить и подышать свежим воздухом. Я остановился около двери, хотя знал, что она закрыта, но все-таки потянул ее за уголок — она приоткрылась...

Я захлопнул дверь, привалился спиной к ней и только сейчас заметил, что пистолета в моей руке нет, его не было в кресле и на полу. Я внимательно осмотрел комнату, заглянул под кровать и обратил внимание на то, что исчезла одежда Орнеллы. И тогда я все понял и со вздохом облегчения сел на пол: ведь я так сильно был увлечен телевизором, что не увидел как появилась Орнелла, она проснулась, оделась, забрала пистолет и вышла — возможно — в соседнюю квартиру принять ванну. К тому же — когда я несколько минут назад прикоснулся к подушке — она была теплой — это и говорило о том, что Орнелла только что покинула постель.

И тогда я, нарочито топая ногами, чтобы она слышала, если находится поблизости и поняла, что я человек независимый и не собираюсь говорить ей, куда я пошел, неторопливо пересек зал и вышел из квартиры в коридор, довольно

длинный, не менее полусотни метров, в конце которого были подъемники и лестница.

Я подумал, что догону Орнеллу — вполне возможно она решила угостить меня чем-нибудь вкусеньким за доблестное дежурство и сейчас как и я спешит в кафе.

Я выскочил в холл и сразу отметил, что дверь на улицу открыта, но за ее прозрачным стеклом никого нет — ночная улица была пустынной и ярко освещенной. Я посмотрел через дорогу в направлении кафе и в моей душе появилась тревога, как и в первый день, когда я пугался тени своей и мучился страхом. Но почему во мне нарастает какое-то странное беспокойство. Ах да!

Дверь можно было открыть только магнитной картой. Я торопливо осмотрел все карманы комбинезона — ее не было. Значит две недели назад Орнелла не вернула ее мне.

Я хорошенько ругнул себя и вышел на улицу, оглянувшись по сторонам и бегом направился в кафе, плечом распахнул дверь, окинул взглядом зал. Впрочем — с досадой подумал я — здесь кафе и рестораны тянутся один за другим по всей улице, Орнелла могла зайти в любой другой.

Но тут в моей душе появилась новая тревожная мысль: а если замок квартиры вообще не был закрыт и Орнелла по-прежнему в комнате. От этой мысли мне стало так тяжело, что я оперся дрожащей рукой о столик, потом упал на стул.

Вдруг я почувствовал — не услышал — а почувствовал, что по улице кто-то идет, но идет очень тихо, неторопливо и пока далеко от меня. Звук шагов становился все более четким, а я, сидя за столиком, боялся обернуться и посмотреть в сторону улицы, где с каждой секундой нарастало эхо шагов незнакомца, который шел ко мне.

Я знал, что никогда не смогу обернуться даже если этот неизвестный войдет в кафе, чтобы убить меня.

Мне было душно, я задыхался — по лицу и спине катились капли пота. Я смотрел прямо перед собой на стену и ждал сам не зная чего, а шаги приближались и я мысленно видел темную фигуру с жестоким лицом.

Я вспомнил как Орнелла заклинала меня не покидать комнату, и с досадой на себя подумал: кому она поверила!

Из глаз моих брызнули слезы.

— Господи, какой же я слюнтяй!

Шаги раздавались где-то рядом и я каждую секунду ожидал, что они вот-вот загремят у меня за спиной.

И все-таки, невероятным усилием воли я заставил себя

обернуться назад и, никого не заметив на улице, я уже готов был вскочить со стула и немедленно помчаться к Орнелле — как внезапно увидел незнакомца, который неторопливо прошел мимо витрины кафе. Его лицо было точно таким, каким я представил несколько минут назад — жестоким и неприклонным, а глаза казались неживыми от своей неподвижности.

Пройдя кафе, незнакомец чуть замедлил шаги и мне показалось, что он сейчас остановится и посмотрит в мою сторону. Я поднял руки и прикрыл ими свое лицо; и когда он глянул на меня, то я, потрясенный этим мертвым взглядом, плотно закрыл глаза и грудью упал на столик, и, судорожно глотая воздух, минуты две не шевелился.

Когда я осторожно поднял голову — улица была пустой. Только тогда я медленно встал на ватные ноги и, хватаясь руками за стены и столы, вышел на улицу и сел на дорогу, не зная что делать дальше. В душе был страх, ужас и больше ничего.

Легкий мягкий ветерок скользнул по моему потному лицу — я облегченно вздохнул и вспомнил слова Орнеллы: «Завтра я скажу тебе: мой дорогой...»

Я поднялся на ноги, разогнулся.

Все чувства мои были притуплены — в эту минуту я был слабым как никогда. Я не думал об Орнелле.

Мне было стыдно перед самим собой за то, что я испугался незнакомца, который пугнул меня как щенка. Я скрипнул зубами и, качаясь как пьяный, бросился в подъезд небоскреба.

Я все быстрее и быстрее бежал по лестнице, которая обвивалась вокруг квадратной шахты подъемников, и каждую секунду ожидал увидеть за очередным поворотом этого странного человека. Когда, наконец, я выскочил на свой этаж, то сразу заметил его в противоположной стороне коридора — он уже подходил к той квартире, в которой находилась Орнелла.

— Эй ты там! — крикнул я ему на бегу, — обернись ко мне!

Он обернулся и на короткий миг вперил в меня свой страшный взгляд, но я уже не боялся его, и тогда незнакомец торопливо шагнул к двери, распахнул ее и я увидел в его руке пистолет, который он стремительно выкинул вперед, целясь в глубину квартиры.

Тогда я пронзительно закричал в надежде на то, что Ор-

нелла услышит меня. Вдруг что-то сильно ударило меня по щеке и я кубарем полетел на пол.

Когда я осторожно открыл глаза, то в изумлении замер: я лежал в кресле, а передо мной стояла обнаженная Орнелла и возмущенно говорила:

— Глупый мальчишка, что ты кричишь? Я так и знала — уснул!

Она прикрыла себя одеялом и указала в противоположный конец квартиры.

— В угол!

Я облегченно вздохнул и, вкладывая пистолет в кобуру, что висела у меня на бедре, с большим удовольствием ушел к дальней стене. Я вспомнил как две недели назад Орнелла обещала сказать мне замечательные слова, а также просила поцеловать себя. Но после того, как Орнелла оделась и я обернулся и увидел ее холодное выражение лица, то мое желание вмиг испарилось.

А она, неторопливо подойдя ко мне и, поигрывая стеклом, с вежливой улыбкой сказала:

— Евгений, я вижу по вашим глазам, что у вас появилась любопытная мысль, но как говорит Циркон — хотелось бы задаться вопросом: была ли причина для такой мысли?

Я ничего не ответил — в эту минуту Орнелла была неприятна мне.

Она забрала пистолет из моей кобуры и коротким выстрелом разбила дверной замок, открыла дверь...

Глава одиннадцатая

На улице был прекрасный солнечный день, и теперь мне было смешно над собой за те мои страхи, которые мучили меня в первый день в этом городе.

Мы с Орнеллой вышли из подъезда небоскреба, я чуть приотстал от нее, а потом остановился и некоторое время смотрел, как она уходит от меня по улице и в душе моей росло чувство злости на эту холодную красавицу, для которой я видимо был ничто.

Я резко махнул перед собой рукой.

— Орнелла, позвольте сказать вам кое-что.

Орнелла остановилась и слегка повернула в мою сторону голову.

— Говорите.

Я прищурился и указал на нее пальцем.

— Пускай вы президент и шеф разведки, но сегодня, в эту минуту я вам заявляю...

Орнелла улыбнулась и небрежно хлопнула стеклом по сапогу.

— Любопытно — что вы там придумали.

— Не смейте со мной так говорить! — крикнул я.

Эхо многократно загрохотало по улице и затихло где-то вдали. Я подошел к Орнелле и спокойно сказал:

— Я не просил Гасана забирать меня на Центавр, но вы забрали меня и не спросили — хочу ли я выполнять ваши приказы.

Орнелла перестала улыбаться, ее глаза потемнели.

— Вы обязаны делать то, что я говорю.

Я упер руки в бока и, пришлепывая отставленной в сторону правой ногой по дороге, отрезал:

— А я не хочу.

— Ну что ж, Евгений, тогда я вас отправлю на Землю и вы всю жизнь будете жалеть о своей глупой детской выходке. — Орнелла покривила губами и с глубокой иронией добавила. — Насколько я знаю — вы любите поесть, но отныне у себя на Земле в голодном Томске вы будете питаться только хлебными котлетами.

От дикого возмущения я вскрикнул и топнул ногой.

— Да неужели вы думаете, что я за вашу еду — рабом стану?!

В эту минуту я ненавидел Орнеллу и хотел ударить ее по щеке. У нее дрогнуло лицо и удивленно изогнулись брови, она угрожающе подняла стек.

— Только посмейте и я разорву вас на клочки.

Я саркастически покачал головой.

— Да, Орнелла, для вас это характерно — рвать на клочки, потому что вы центавры произошли от циклопов. Я видел по телевизору вашу прамаму — как она вашего прапапу ела. И если наши ученые не ошибаются, когда говорят, что любое живое существо возрождается в своих потомках, то сейчас я вижу перед собой...

Лицо Орнеллы побледнело, она яростно швырнула под ноги стек.

— Гадкий мальчишка — я вас немедленно отправлю на Землю!

Но я не хотел возвращаться на Землю. Я поднял голову вверх и торопливо позвал:

— Будьте любезны, женщина.

И тотчас раздался приятный голос:

— Да, Евгений.

— Скажите пожалуйста, Орнелла может отправить меня на Землю?

— Нет, потому что вы гражданин Циплятус, а для Циплятуса ее гражданин стоит столько же, сколько вся цивилизация.

Я облегченно перевел дух и, небрежно скрестив на груди руки, значительно посмотрел на Орнеллу, у которой от ярости дрожало и кривилось лицо.

Она шагнула ко мне и я, чувствуя как в моей душе все замирает от страха, начал пятиться назад, но к счастью в это время я услышал вежливый голос женщины:

— Евгений, приготовьтесь — ваш срок пребывания в тюрьме Циплятус — окончился.

И тотчас я оказался рядом с Микусом на площади перед зданием парламента на небольшой трибуне, а вокруг — куда бы я ни посмотрел — было море людей, которые глядели на меня и Микуса, бурно аплодируя и улыбаясь нам.

Над небоскребами, которые окружали площадь, медленно плыли птицы Гоа. Едва я заметил их, как тут же расставил ноги пошире и неестественно выпрямился.

На трибуну в сопровождении групп девушек поднялся председатель парламента Христус, неся на руках белое полотенце с огромной круглой булкой хлеба и солонкой. Он подошел ко мне и, очаровательно улыбаясь, протянул булку.

— Мы решили вас, Евгений, встретить по землянски, чтобы вы как можно быстрее смогли адаптироваться после столь тяжелого и продолжительного пребывания в месте заключения.

Я отломил от булки кусочек и обмакнул его в солонку, но когда я положил кусочек хлеба на язык, то мне показалось, что это был мед, а не соль.

Тут ко мне подошли девушки и церемонно повесили мне на шею длинный венок из цветов.

От дивного запаха цветов у меня закружилась голова и я почему-то сильно разволновался и поцеловал в щеку Христуса, а потом, несмотря на удивленные восклицания, что неслись со всех сторон — начал целовать миленьких циплятусианок. Они смеялись и становились в очередь, а Христус за моей спиной с тревогой в голосе спросил:

— Микус, что он делает?

— Он говорит землянские комплименты.

Если б миром правили поэты
Все бы было мирно и забавно...

Эти строчки любимой песни я вспомнил, когда председатель парламента Христус открыл передо мной дверь квартиры и, радостно улыбаясь мне своей обычной доброй улыбкой, указал внутрь помещения.

— Вот ваши апартаменты.

Я в сопровождении Орнеллы вступил в квартиру и в смятении замер, понимая, что это не для меня, что я здесь лишний человек и не имею права не только пятнать сияющий мозаичный пол тяжелыми башмаками, но и выдыхать воздух.

Мне вдруг страстно захотелось в деревню к бабуле и бабуле и я мысленно увидел, как вхожу в тесный однокомнатный домик, где вдоль стен стоят металлические кровати, заправленные серыми байковыми одеялами, которые, как говорила бабуля — она получила в приданое от своих родителей. А в углу комнаты под иконой Божьей матери — я вижу темный шкаф — тоже подарок родителей бабули и гордость ее. Она любит показывать его гостям и говорит, что нонче так уже не делают — «потому-де кишка тонка».

Слева от входа белеет печка, а прямо между двух окон стоит стол, за которым сидят мои старики и занимаются делами.

Дедуля крутит в тисках нержавеющей трубку — очередной змеевик на продажу — сильно кряхтит и курит длинную козью ножку и шурится лукавым глазом. В его крепких мастеровитых пальцах стальная труба быстро принимает необходимую конфигурацию, а бабуля недовольно отмахивается рукой от столба дыма и ловко распутывает мешок на тонкие нити и наматывает их на клубки, из которых она виртуозно вяжет коврики и дорожки. Вокруг нее клубится пыль — она весело чихает и смеется, а дедуля пригибает голову к столу и из под столба дыма тычет в нее желтым пальцем и укоризненно бормочет:

— Ну вот, а говорила дым мешат...

Я тихонько выхожу в сени и закрываю дверь. Мне почему-то жалко стариков до слез и я никак не могу закурить сигарету, и хмыкаю носом, и понимаю — с глубоким вздохом понимаю, что для них эта жизнь — как мама родная — они в коммунизме жить не смогут — коммунизм их убьет.

— А это, Евгений, вы сами, надеюсь, догадываетесь для

чего, — говорит председатель и указывает рукой на желтые сиденья.

Мы в это время находились в небольшой комнате, отделенной похожей на землянский туалет. Я внимательно осмотрел сию очень важную для каждого человека комнату и удивленно глянул на сиденья.

— Товарищ Христус, почему они желтые?

— Они золотые.

Я так и подпрыгнул.

— Золотые?! — вскрикнул растерянно, а Христус с удовольствием пожимая свои хрупкие руки, очаровательно кивнул головой.

— Да, золотые.

— И в каждой квартире есть такие сиденья?

— Разумеется.

— И в каждом городе?

— Ну конечно.

Товарищ Христус удивленно посмотрел в мое лицо, быстро подхватил меня под руку и повел дальше по квартире, изредка говоря странные для меня слова:

— Это просто кабинет... а это кабинет — для размышлений — там — зал для дискуссий... библиотека с землянскими и циплятусианскими книгами... русская баня, бассейн...

Тут мне захотелось подышать свежим воздухом и мы с Христусом вышли на балкон, но едва я открыл дверь и ступил на него, как увидел за балконным ограждением метрах в пяти старика, который медленно летел по воздуху, лежа на спине и, закинув ногу на ногу, читал книгу. Под головой у него лежала толстая подушка.

В первое мгновение я подумал, что старика направляет месмерическая полиция, но моя квартира находилась на самом этаже, а на таком удалении от земли месмеризм не действовал.

Удивленный я обернулся к товарищу Христусу.

— Что это?

— Сегодня день птиц, а в этот праздник каждый гражданин Циплятус имеет право летать столько, сколько он хочет, но до заката солнца.

Товарищ Христус глянул на часы и, сказав, что его ожидают дела, улетел вниз.

Я нерешительно перешагнул балконное ограждение. Орнелла придержала меня за руку и голосом, в котором прозвучали приятные для меня нотки вины, сказала:

— Евгений, прошу вас — не долго.

— Я чуть-чуть, — ответил я торопливо и прыгнул вперед, зажмурив глаза, но почему-то не полетел.

И стоя на одном месте, с завистью посмотрел на парней и девушек, которые со свистом проносились вокруг меня, а потом неторопливо зашагал в сторону небольшой тучки с отчаянием повторяя слова Горького:

— Рожденный ползать — летать не сможет!

Мне было стыдно перед всеми, что я не умею летать, и мне хотелось на время скрыться от всех, чтобы перевести дух, но за тучкой сидели девушки и пили водус. Они замахали мне руками, приглашая к себе, но я еще более смутился, опустил голову и, словно пиная что-то под ногами, на глазах у всех летающих циплятусианцев — вернулся на балкон.

Орнелла, закрыв лицо руками, смеялась надо мной! А потом объяснила, что нужно подумать о полете — и я подумал, и на сумасшедшей скорости взвился к небу.

Когда я прилетел в квартиру Орнелла сказала, что нам пора ехать в музей, который находится в пригороде Цыпы и закрыт с тех пор, как из него был украден слушитель.

— А что я должен там делать?

Орнелла пожала плечами.

— Я не имею права инструктировать вас, не имею права объяснять что-либо и даже косвенно говорить об этом.

— Но почему?

— Это будет вмешательством в дела Циплятус, — ответила она с иронией в голосе.

— А разве кто-либо узнает о нашем разговоре?

Она не ответила.

Мы спустились на скоростном лифте вниз на первый этаж, вышли на улицу, где робот месмерической полиции держал под уздцы наших коней, вскочили в седла и поехали по улице.

Орнелла была как никогда задумчивой.

Глава тринадцатая

Когда, наконец, за нашей спиной остался город, то я увидел впереди невысокую гряду скал, что уходила цепочкой к горизонту. К ближайшей от нас скале тянулась прямая дорога, ее белое полотно во многих местах растрескалось и из трещин буйно поднимался к небу ядовито-желтый кустарник — здесь за последний год не ступала ни одна нога человека.

Кони настойчиво косились на заросли и фыркали, а ед-

ва тонкие и безобидные ветки начинали тянуться к нам — кони останавливались.

Я следовал за Орнеллой и глядел вперед и вверх, где на вершине скалы упирался шпилями в небо огромный, серый замок. Я уже знал от Орнеллы, что замок был построен 150 миллиардов лет назад роботами, которых направили центавры для развития циплятусианцев. Во время звездных войн здесь некоторое время прятались мужчины-центавры; отсюда они вели наблюдение за космосом и совершали пиратские рейды на планеты, захваченные противником.

Пять лет назад здесь жили роботы-магматики, роботы новейшего поколения. После того, как магматики бежали с планеты, в замке разместился музей, но в день, когда был похищен слушитель музей закрыли.

Месмерической полиции удалось снять — словно отпечаток пальца — голограмму — событие того дня, однако ее можно было восстановить только один раз и этот раз — оставили для меня.

Дорога узкой лентой круто поднималась вверх, легкий порыв ветра слегка трогал ветви кустарника, обдувал лицо. Шаг коней стал короче, а дыхание тяжелей.

Замок рос на глазах — он был вырублен в скале. Его стены, грубо обработанные, поднимались на высоту ста-ста пятидесяти метров над дорогой, что начиналась от его небольших ворот.

Над воротами сверкали золотые буквы «Магмус».

А когда мы приблизились к замку и стена угрожающе нависла над нами, то я разглядел под словом «магмус» вырезанные в камне две строчки слов.

Забудь о жизни

всяк сюда входящий.

— Кто ее оставил? — спросил я Орнеллу.

— Мужчины-центавры, — ответила она и отстегнула от седла длинный нож в металлических ножнах, протянула мне.

— Возьмите.

Я принял нож и с улыбкой ответил:

— Зачем — неужели там стреляют?

— Я думаю — с ним вам будет спокойнее.

Я осторожно вынул из ножен клинок и восхищенно покачал головой: обоюдоострое лезвие было голубым с четким рисунком змеи вдоль центра клинка.

Пока я любовался ножом — мы поднялись на площадку,

что находилась перед воротами замка. Ко мне подошел Циркон и указал пальцем на мой нож.

— Дайте мне это.

— И не подумайте, — ответил я спокойно, хотя поведение робота меня удивило.

Я демонстративно начал рассматривать клинок. Циркон отступил назад к воротам и скрестил на груди руки.

— Вы никогда не попадете в музей, во всяком случае — с этой штукой.

Орнелла скользнула по мне своим прежним задумчивым взглядом, словно не видя меня, и отъехала в противоположный конец площадки, и в течении всей нашей беседы с Цирконом — она ни разу не обернулась к нам.

Я мигнул роботу правым глазом и доверительно шепнул:

— Товарищ Циркон, вы же робот — стало быть вы должны пойти мне навстречу.

У робота вытянулось лицо и чрезмерно округлились глаза, он нервной рукой погладил на затылке свой прелестный детский хохолок, а потом указал скрюченным пальцем вверх и властно рявкнул:

— Клянусь Богом, Евгений — через пять секунд будет поздно. В последний раз говорю: дайте сюда эту штуку!

Я спрыгнул с седла и протянул нож старику, он сунул его себе под мышку и удовлетворенно кивнул головой.

— Вы поступили благоразумно, Евгений, но чтобы ваше самолюбие не очень страдало... — в его голосе я услышал иронию и сарказм, — ... я хотел бы облегчить его следующей параллелью: вы сейчас находитесь точно в таком положении как если бы у себя в Союзе вы были бы завербованы иностранной разведкой и, являясь шпионом в собственной стране, выполняли бы приказы иностранной державы в ущерб своей родине.

Я был поражен словами Циркона, а он, с удовольствием оглядев меня, отошел к стене, в которой имелась глубокая ниша, щелкнул рычагом и вновь впери в мои глаза свой властный и стремительный взгляд.

— Вы можете идти, — и он дернул подбородком в сторону ворот, которые представляли собой монолитную черную глыбу, что плотно закрывала квадратный проем в скальной, серой породе замка.

Я стоял у входа и слышал легкое жужжание механизма — наконец черная глыба дрогнула и начала медленно подниматься вверх, за нею в глубине был виден темный ко-

ридор, в конце которого тускло блестели переплеты толстой решетки, а дальше был мрак.

В моей душе появилось чувство тревоги, я глубоко вздохнул и хотел обернуться и посмотреть — может быть в последний раз — на Орнеллу, но усилием воли сдержал себя.

Передо мной остановился робот и сжал мое плечо, и широко открытыми глазами заглянул мне в глаза.

— Каждый циплятусианец стоит жизни целой цивилизации Циплятус, но каждый циплятусианец имеет право выбора смерти и жизни. Вы умрете в музее, вы слабый. В последний момент своей жизни вы поймете, что наивысшее блаженство и счастье — это жизнь. Вы ее потеряете.

Я судорожно глотнул воздух — этот старый хрыч действовал мне на нервы! — я отвел его руку в сторону и резко сказал:

— Прочь с дороги.

И прошел в коридор, остановился у решетки и, чувствуя как вдруг ослабели ноги, сжал ее руками.

За спиной с легким шорохом начал опускаться каменный блок — в коридоре быстро темнело, а когда последний луч света растаял в темноте, решетка пришла в движение и медленно скользнула вверх. Я осторожно шагнул вперед, внимательно слушая тишину. Мои нервы были напряжены, я ожидал неизвестно чего, не зная даже приблизительно как выглядит музей Циплятус и не зная толком — что я должен делать в музее.

Да, теперь я понял почему Орнелла выбрала меня из миллиардов жителей планеты Земля, я более чем кто-либо подходил на роль нелюбопытного и бездумного робота. От этих мыслей мне стало горько.

Вскоре я увидел впереди полоску света, она быстро увеличивалась, отражалась на гладких стенах коридора, слепила глаза.

Когда второй блок замер где-то над головой — я выскочил из коридора и едва не сбил с ног циплятусианца, который неторопливо проходил мимо. Он вежливо улыбнулся и с поклоном сказал:

— Извините меня пожалуйста — я такой неуклюжий.

Я в изумлении оглянулся по сторонам — во дворе замка было много людей. Они входили и выходили в высокие здания, бродили по улицам, сидели в уютных беседках и за столиками небольших открытых кафе, пили водус из бутылок и очень нежно говорили друг с другом.

Я спросил у циплятусианца, которого толкнул, дорогу в

музей и он с удовольствием показал на вход ближайшего ко мне здания, куда я в числе большой группы циплятусианцев немедленно вошел и, гуляя по залам, долго не мог понять на что смотрят люди и где же экспонаты музея. Стены и высокие потолки были голые, без единого пятнышка. Я даже потрогал стену руками, но и на ощупь ничего не обнаружил и обескураженно пожал плечами.

А между тем рядом проходили циплятусианцы, смотрели по сторонам и проявляли бурный восторг: левой пяткой ноги они сильно ударяли в пол и хлопали правой рукой по затылку, а иногда очень вежливо и интеллигентно смеялись. Я с удовольствием смотрел на этот народ и все более восхищался им.

Когда же я пристроился за одним пожилым циплятусианцем и начал смотреть туда, куда смотрел старик, то вскоре понял, что вокруг меня в залах музея живые экспонаты — они внезапно появлялись ниоткуда в маленьких площадках огороженных белой веревкой и разыгрывали сцены прошлой или настоящей жизни. Я подумал было, что это актеры, но заметил на ограждениях небольшие таблички с надписями «Извините, но трогать экспонаты руками нежелательно.»

Здесь я увидел ту прелестную сценку, которую смотрел на спине птицы Гоа по телеприемнику Микуса, и как в прошлый раз она окончилась в ту секунду, когда белая рубашка Джульетус на краткий миг задержалась на ее бедрах.

Я был восхищен необычным искусством древнего народа и дал себе слово, что со временем внимательно осматрю все музей Циплятус, а пока, узнав у старика, где находится зал со слушвателем, я уже готов был пройти в соседний зал, но тут меня кто-то грубо толкнул. Я обернулся.

Мимо прошел бородатый циплятусианец — видимо из дальней провинции, потому что у столичных, насколько я знал, бороды не росли. У странного незнакомца на плечах крест-накрест висели три пары патронташей с бутылками водус, а на поясе — два мешка с орехами — вроде наших грецких. Мужик то и дело прикладывался к бутылке и щелкал орехами, внимательно осматривая экспонаты.

Старик вновь предложил мне пройти во второй зал, где находился аппарат Коло, и мы ушли.

И вот перед нами небольшая, огороженная веревкой площадка в виде пьедестала, над которым в полуметре замер белый прозрачный шар размером не более теннисного мяча. По нему волнами то медленно, то быстро пробегали те-

ни — цветовая гамма медленно изменялась от жемчужного цвета до черного, после чего аппарат растворялся в воздухе.

Я подошел ближе.

Вокруг стояли восхищенные циплятусианцы и с улыбками наблюдали странный аппарат.

В тот момент, когда он вновь стал невидим — на пьедестале прыгнул из ниоткуда черный кот с белым пятном на груди. Он поднял хвост и, брезгливо подергивая лапками, неторопливо обошел площадку, и как мне показалось, внимательно посмотрел на меня.

А между тем циплятусианцы, потрясенные видом кота — начали ходить вокруг пьедестала, ударяя себя правой рукой по затылку, а левой пяткой — в пол.

Однако вскоре кот исчез, а над пьедесталом вновь заблестал перламутровый шар.

Я, не зная что делать, отступил назад и заметил кражистого мужика, который по-прежнему беспечно щелкал орехи и разбрасывал скорлупу по сторонам. Вдруг он замер с разинутым ртом, потом дико вскрикнул и закрутился на месте, сбивая с ног хрупких циплятусианцев. К нему подскочили два месмерических полицейских и пассами остановили безумство, хотя бородач еще продолжал весьма опасно дрыгать ногами.

Один из полицейских вежливо и опять же пассами — открыл у мужика рот и начал делать движения рукой как если бы что-то кидал туда, после чего крепко сомкнул челюсти циплятусианцу и удалился.

Мужик опарашенно пощелкал зубами, ковырнул пальцем во рту и, покачивая головой, вынул из мешка орех, но тут же бросил назад.

— Поопасаюсь я до дома, а то нечай без жувонков останусь.

Тут я заметил старика среди экспонатов, которого сбил бородач и хотел поднять его, но старик безжизненно повис на моих руках. Я торопливо поискал пульс на его руке, а потом прижался ухом к груди циплятусианца — сердце молчало.

Я крикнул полицейских.

Они мгновенно появились рядом, уложили моего товарища на пол и сильными пассами начали обрабатывать тело.

По-моему это было кошунство: махать руками над человеком, который давно умер. Я все-таки медик и хорошо понимаю когда наступает клиническая смерть.

Мне было жалко старика — я ужасно расстроился — выходит: циплятусианцы не вечные. Однако в этот момент старик открыл глаза, посмотрел в мою сторону и с обаятельной улыбкой, свойственной только циплятусианцам, соединив на руке указательный и большой пальцы — тряхнул его в воздухе.

— Евгений, нет проблем!

Я так и подпрыгнул, смахнул с лица слезы, но, вспомнив о слупливателе, стремительно обернулся назад и глянул в сторону пьедестала. Над ним ничего не было.

Я подождал несколько секунд, но аппарат не появлялся — он был похищен, а я должен был узнать кто похититель!

Я помчался по залам к подъемникам. Навстречу бежали растерянные полицейские, где-то выла сирена. Я лихорадочно пытался понять: сколько времени прошло с того момента, когда я отвернулся от слупливателя и увидел старика среди экспонатов, и смогу ли я догнать бородача хотя бы во дворе. Я не сомневался в том, что аппарат Коло похитил он.

Я выскочил во двор и быстро окинул его взглядом, но во дворе не было ни одного человека. Я хлопнул себя по голове: Господи — да бородач остался в музее, ведь он не спешил. Я метнулся назад, но едва переступил высокий порог, как чья-то сильная рука рванула меня за плечо в сторону и я услышал знакомый неприятный голос:

— Двадцать первый, где твой нож?

Передо мной стоял Гордон.

Глава четырнадцатая

Он был одет в черный комбинезон.

Точно такой же был и на мне, но у Гордона на плечах и груди ярко блистали первые номера. Однако более всего я поразился тому, что в данную минуту я находился не в зале музея, а в каком-то длинном и круглом коридоре, причем, за моей спиной, когда я в полном изумлении обернулся назад, желая немедленно уйти прочь от этого человека — была стена!

Гордон презрительно поморщился и мизинцем правой руки приподнял мою голову за подбородок.

— Ну, где твой нож?

— Я не знаю.

Гордон брезгливо тряхнул правой рукой и тщательно обтер ее платком.

— Ты странный парень — я никогда не видел тебя здесь раньше. Ты похож на слюнтяя, хотя и носишь двадцать первый номер.

Он щелкнул пальцами и в тот же миг из-за поворота коридора выскочила группа крепких парней в черных комбинезонах — примерно в двадцать, двадцать пять человек. Стройной колонной они замерли около нас. На их груди я видел четырехзначные номера.

Гордон кивнул в их сторону головой и, почти не разжимая тонких губ, с презрением сказал мне:

— Отведи их в долину — к нам идет корабль — после операции зайдешь ко мне. Выполняй.

За эти короткие секунды я понял, что нахожусь в другом мире. Орнелла и Циркон знали, что я попаду в этот мир, впрочем, это всего лишь мое предположение. Но черт побери! — как я вернусь назад.

Но пожалуй главное заключалось в том, что я не знал, где выход из замка и в какой стороне долина, однако понимая, что пауза может погубить меня, я закинул голову назад и крикнул:

— Внимание — в долину — бегом!

Я отвернулся от пронизывающего холодного взгляда Гордона и пристроился сбоку моего маленького отряда, который стремительно рванулся вперед.

Неизвестность меня не пугала — я был уверен в себе, да и кто не уверен в свои девятнадцать лет, когда представление о смерти кажется пустой и глупой шуткой.

Я не думал как я попал в новый мир.

Когда передо мной в Египте появился Гасан и мы с ним на сумасшедшей скорости умчались от безумного феллаха с его допотопным ружьем — у меня уже не было времени толком подумать над тем, что происходит вокруг. Я словно пятилетний малыш изумленно смотрел на мир и с трудом поглощал ту информацию, что огромным потоком обрушилась на мое сознание за эти две недели.

Сводчатый круглый коридор казался бесконечным. Его заполнял мертвый яркий свет, который излучали стены, потолок и ребристый пол. Нам попадались навстречу группы людей — меньше или больше чем наша, у всех у них на груди были четырехзначные номера. И, как правило, такие группы сопровождали центавры с двузначными номерами. Но за те долгие минуты пока мы бежали по коридору, я ни разу не встретил отдельно идущего человека. И обратил внимание на любопытную деталь: ножи имели только те цен-

тавры, у кого были двузначные номера, а насколько я помянул историю Звездных войн — центавры и те и другие никогда не расставались со своим личным оружием. Значит — все эти группы — роботы, и скорей всего те роботы, которые были посланы на Циплятус до начала войны, потому что во время войны обе враждующие стороны уничтожили своих послушных и безропотных помощников, боясь их предательства, и никогда впоследствии не создавали их вновь.

Наконец моя группа выскочила во двор и метнулась под навес, где быстро нацепила на плечи баллоны с длинными шлангами и стволами на их конце, а на пояс — по десятку круглых гранат, затем построилась у ворот, которые были точно такими, какими они были в далеком будущем.

Черные каменные блоки медленно поднялись вверх, открывая узкий коридор. Роботы один за другим скрылись в его глубине — я шагнул последним и когда вышел по другую сторону замковой стены, то увидел свою группу, стоящую в каре на площадке перед замком.

Лица моих роботов были напряжены, их глаза внимательно смотрели на заросли джунглей, что густым массивом обступали узкую дорогу.

Вокруг было тихо. Лес казался мертвым. Под моими тяжелыми башмаками противно хрустели камешки.

Я махнул рукой.

— Вперед!

Роботы окружили меня плотной стеной и мы начали медленно спускаться по дороге в долину. Чем дальше мы уходили от замка, тем тяжелей становился воздух. Влажный, липкий он словно паутина окутывал тело, и хотелось скинуть комбинезон, разуться и отшвырнуть от себя влажную слизь.

По моему лицу и спине катились обильные потоки пота, они быстро пропитали одежду, прикосновение которой к коже вызывало омерзение и злость.

Я задыхался и, откинув голову назад, тупо глядел в голубое небо и широко открыв рот, с хрипом втягивал влажный воздух в легкие. Сердце колотилось как сумасшедшее, в висках ломило — неумолчимый звон стоял в ушах.

Я еле передвигал ногами и шептал: «О господи, какого черта я потерял в этом мире и зачем я позволил центаврам украсть меня!» И уже не в силах был смахивать с лица пот.

Рядом хрипели роботы, они давно сбились в кучу вокруг меня, но по-прежнему смотрели на джунгли и направляли в

сторону зарослей стволы огнеметов, тогда как мне было все равно — я хотел упасть на дорогу и немножко полежать, но я шел вперед в надежде на то, что впереди будет полегче, однако с каждой минутой влажный воздух стучался.

Как во сне я спустился в долину, где не было никакого корабля, только черная выжженная площадка диаметром метров в двести появилась перед нами, вокруг которой поднимались высоко вверх заросли джунглей.

Роботы медленно разошлись по краям площадки, цепочкой замерли, глядя в неподвижный тихий лес.

У меня под ногами дрогнула земля и слегка опустилась вниз и тотчас раздался металлический размеренный голос, идущий неизвестно откуда:

— Двадцать первый, немедленно покиньте объект, немедленно покиньте объект...

Я торопливо заковылял прочь, а голос повторял одно и то же до тех пор, пока я не вышел за пределы площадки. Когда он замолчал, я обернулся и увидел что площадка быстро опускается вниз, обнажая глубокую шахту.

В нее сверху бесшумно скользнула белоснежная капсула с зеркальным отражателем, и когда половина ее корпуса уже скрылась под землей, она замедлила движение и остановилась.

В корпусе корабля на уровне земли открылся люк, из коридора на землю упала короткая лестница, по ней спустился вниз центавр без номера на комбинезоне. Он махнул мне рукой и выдернул из ножен голубой клинок, обернулся в сторону открытого коридора. Там кто-то стоял.

Я не успел подойти ближе, как увидел, что из этого коридора одну за другой выкидывают молодых девчонок со связанными за спиной руками. Пленницы падали на черную выжженную землю и вскрикивали, а уж за ними прыгали мужчины-центавры и, счастливо улыбаясь, били тяжелыми башмаками в лицо тех, кто не успевал подняться сразу.

Я безучастно смотрел на эти сцены расправы — мои чувства давно притупились.

Один из центавров, несмотря на удушающую жару и влажность, оживленно зацелкал пальцами в направлении цепочки роботов.

— Эй вы, скоты, сюда. Я хочу посмотреть как вы кинете их в лес!

Он в каком-то диком азарте оглядел окровавленных девушек и, схватив одну из них за волосы, со всей силы ударил ее лицом о свое выставленное колено.

Я медленно подошел к центавру и, со свистом втягивая открытым ртом тяжелый воздух, соединил ладони в замок и, размахнувшись, с криканьем влепил ему в челюсть тяжелый удар. Центавр как подрубленный упал на землю.

— Отдохни, приятель, немножко — здесь я командир, — сказал я ему и заметил, что прочие центавры удивленно и настороженно уставились на меня.

Я пошире расставил ноги, завел левую руку за спину, а правую поднял вверх и начал ею жестикулировать в такт своим словам.

— Вывести всех сюда — построить в колонну по четыре — быстро!

Избитые девушки начали медленно подниматься с земли, помогая друг другу плечами. В их лицах я не заметил страха или выражения боли. Пленницам было примерно лет по пятнадцать-шестнадцать.

Но та, которую центавр ударил в лицо коленом, неподвижно лежала у меня под ногами. Только сейчас я заметил, что у пленниц руки не связаны — они были прошиты насквозь толстой проволокой.

Я наклонился над девушкой, присел рядом.

В эту минуту я не знал жалости к незнакомке — в душе была только досада.

Она лежала вниз лицом, я перевернул ее на бок, вынул платок из кармана, смахнул с лица пленницы землю и кровь, и удивленный замер.

Это была Орнелла!

Но конечно не та двадцатипятилетняя холодная красавица, которая послала меня в этот странный музей — а девчонка лет пятнадцати.

Я тихо позвал ее:

— Орнелла.

Она открыла глаза и покосилась в мою сторону, но ее лицо не отразило удивления. Я помог ей подняться на ноги. Центавры насмешливо и презрительно глядели на меня. Рядом стояла колонна девушек. Мои роботы медленно пятились в середину площадки, а за ними, угрожающе нависая над их головами, двигался лес, но это уже был не тот мирный и мертвый лес, каким я видел его полчаса назад — в нем слышался глухой вой и рык. То и дело над стволами деревьев появлялись когтистые ветви, похожие на лапы огромных чудовищ.

Центавр, которого я сбил с ног, с ненавистью глядя на меня, крикнул:

— Они почувствовали запах крови — если не дашь им десятка два девчонок — нам не уйти отсюда!

Я глубоко вдохнул воздух и хрипло ответил:

— Молчать! — и, закинув голову назад, дико закричал. — Центавры, вперед — колонна следом — роботы по бокам и сзади — пошел!

В это время космический корабль медленно скрылся в шахте, а снизу поднялась крышка и с гулким щелчком закрыла вход.

От того места долины, где мы находились — до горной дороги, что круто поднималась к замку — было не менее километра. Колонна двинулась по рыхлой, вязкой земле.

Я шел в конце нашего отряда в группе роботов, держа Орнеллу за пояс комбинезона, я боялся что она убежит в лес, который между тем продолжал следовать за нами.

Наверное мне было бы трудно идти, но присутствие рядом очаровательной девушки придавали мне силы и я более чем нужно прижимал ее к себе.

Она искоса наблюдала за мной и чуть-чуть иронично улыбалась.

— Ты не центавр.

Я глубоко вздохнул и на выдохе быстро ответил:

— Я землянин — пришел спасти тебя.

Орнелла отрицательно покачала головой и улыбнулась.

— Смешной — ты когда-нибудь видел себя в зеркало?

Эта фраза меня удивила и разозлила. Я остановился и приставил кулак к ее круглой прелестной щечке.

— Если не будешь меня слушать, то я поступлю с тобой как мой дедуля с бабулей.

— А что он сделал?

— Он избил ее после свадьбы так, что она пластом лежала две недели.

— А за что избил?

— Характер показала.

— А что — у вас характер женщинам показывать нельзя?

— В деревне женщины глупые — дашь слабинку — на шею сядут — семью развалят.

Она положила на мое плечо голову и с простодушной улыбкой сказала:

— Ты мне понравился.

Я скромно посмотрел себе под ноги и с удовольствием ответил:

— Да, я почему-то многим нравлюсь.

Девушка отстранилась от меня и даже попыталась вы-

рваться, но я держал ее крепко, тогда она с досадой в голосе отрезала:

— Я пошутила, а ты шуток не понимаешь — смешной!

И она отвернулась. Я вновь обратил внимание на ее стянутые проволокой руки, в кровавых струпьях.

— Орнелла, неужели тебе не больно?

У девушки на ресницах блеснули слезы.

— Очень больно, но мы центаврийки умеем подавлять боль.

И она вновь положила голову на мое плечо, но уже через несколько секунд Орнелла отодвинулась от меня: центавры, идущие впереди колонны, часто поглядывали на нас.

Мы в это время прошли вязкое болото и начали подниматься вверх по скальной дороге. За моей спиной хрипели роботы. И только сейчас я подумал о том, что веду себя совершенно легкомысленно, а ведь я должен что-то делать, но что? Неужели Гордон не догадается за время моего отсутствия в замке, что я не центавр?

Однако присутствие рядом Орнеллы путало все мои мысли и я легонько подтолкнул ее вперед.

— Орнелла, иди в колонну — мне надо подумать.

Я оглянулся назад. Джунгли плотной стеной двигались за нами. Они сократили расстояние до двух десятков метров — я видел их толстые черные корни, которые скользили по земле и впивались в рыхлую почву, когтистые ветви тянулись к нам, из зарослей доносился протяжный вой, который усиливался с каждой минутой. Я оглядел роботов и радостно вскрикнул: «Хо!» Я увидел Циркона, но конечно не старика, а крепкого молодого парня. Когда я окликнул его — он подбежал ко мне и вытянулся в струнку.

— Да, сэр.

Я положил руку на его плечо и, глядя ему в глаза, строго сказал:

— Циркон, я пришел из будущего. Центавры через десять лет проиграют войну и все роботы, которые служили им — будут уничтожены.

Туповатое лицо робота дрогнуло, его плечо под моей рукой вяло опустилось, а я уверенно продолжал:

— Если ты будешь сотрудничать со мной, то после войны станешь главным роботом Циплятус и проживешь миллиарды лет.

На глазах Циркона появились слезы, он, судорожно плотнув воздух, благодарно коснулся моей руки.

— О, сэр, я готов.

Я в сомнении осмотрел робота — как не похож был этот рабелепный парень на того властного старика, каким он станет через миллиарды лет. Однако нужно было спешить и я быстро спросил:

— Куда мы ведем девушек?

— В подземелье замка.

— Зачем?

— Там есть театр...

— И что в этом театре?

— Деревья-людоеды — вот такие, — и робот указал пальцем на ревуций лес. — Девушкам дают ножи и бросают в яму к деревьям и все это снимают на видеоклип, а потом видеоклип отправляют на планеты Солнечной системы.

— И это все, чем занимаются в замке центавры?

— Нет, они что-то строят, их здесь много, но центавры никогда не ходят теми коридорами, по которым ходим мы — роботы и я не знаю сколько их.

— А тебе известно, что значит мой номер?

— Да, сэр — вы руководите доставкой и уничтожением пленниц.

— Я могу командовать нижестоящими номерами.

Робот кивнул головой.

— Да, сэр, но только в пределах вашего десятка.

— А много таких десятков?

— Десять.

— Что ты знаешь о Гордоне?

— Он прибыл сегодня утром из Солнечной системы и сменил прежний первый номер.

Я облегченно перевел дух — кажется все что нужно я знал, и вдруг, словно издалека, я услышал негромкий голос Циркона:

— ...по имени Евгений...

Я встрепенулся и схватил робота за руку.

— Что ты сказал, повтори.

— Я сказал, что Гордон назвал имя шпиона.

Глава пятнадцатая

И в этот момент я с ужасом увидел, что наша колонна вступила в узкий коридор, который образовали джунгли, что плотно нависли над дорогой.

Мы к этому времени находились на середине пути — между поляной и замком — где ощущалось слабое движение воздуха; дыхание стало свободным, хотя дорога все более круто поднималась вверх.

Когда впереди перед центаврами упали деревья, перегородившая путь колонне, я крикнул роботам: открыть огонь!

В лесу на мгновение наступила тишина. Роботы подняли стволы огнеметов, из них с резким звуком фш-фш-фш! — вылетели ослепительно-белые струи огня. Джунгли с большим стоном отступили от дороги, но вскоре, охваченные огнем, с яростным ревом обрушились на нас.

В клубах огня и дыма я заметил их горящие лапы, которые вырывали пленниц из плотной колонны, к ним тянулись другие и вот уже завязалась дикая борьба за куски человеческого мяса над нашими головами.

По дороге плотной пеленой расплзлся молочно-ядовитый дым — от него сильно резало глаза и раздирало легкие.

Струи белого огня непрерывным потоком извергались на деревья, которые вспыхивали как факелы, забрасывая дорогу горящими обломками.

Я закрыл лицо воротником комбинезона и, пригибаясь к земле, бросился вперед, ничего не видя перед собой и не понимая, куда я бегу. Со всех сторон гремела канонада — сверху сыпались куски деревьев. Я запнулся о неподвижное тело и с размаху упал на дорогу, которая была скользкой от крови. Я с трудом поднялся на ноги и, балансируя руками, быстро оглянулся по сторонам — молочная пелена медленно стекала вниз в долину, а сверху метались ослепительные струи белого огня; лес горел и, дико завывая, отступал назад. И вот уже появился легкий порыв ветра, который начал разгонять ядовитый дым, над которым проступили головы моих роботов и сильно поредевшая колонна девушек.

В это время что-то коснулось меня — я наклонился чтобы рассмотреть и увидел тонкую длинную лиану, что осторожно скользила по земле. Я отпрыгнул назад, но лиана, изогнувшись как змея, метнулась ко мне и в мгновение опоясала меня тугими кольцами и рванула прочь с дороги.

Я отчаянно упирался ногами в трещины, хватал редкие камни и вот уже полетел куда-то вниз, где гремели разрывы гранат, горел лес — смрадный чад ударил мне в лицо, но вдруг мой комбинезон за что-то зацепился, затрещал. Я повис, растянутый с двух сторон.

Лиана еще плотнее сжала кольца, я начал задыхаться и из последних сил крикнул:

— На помощь!

Из дымной завесы появилась голова того центавра, которого я ударил в долине — центавр удивленно глянул куда-то выше меня, а потом молниеносным движением руки отру-

бил лиану у моего пояса и кольца на груди. Я глубоко вздохнул и перевернулся на живот, чтобы подняться на ноги, увидел рядом Орнеллу — она все еще держала зубами воротник моего комбинезона.

Центавар, неторопливо вкладывая клинок в ножны, сказал, не глядя на меня:

— Я не стучач и мне все равно кто ты и как ты попал в замок, но запомни: каждое твое движение выдает в тебе чужака.

Он указал пальцем в сторону замка, над входом которого отчетливо виднелась надпись «Забудь о жизни всяк сюда входящий».

— Это касается тебя.

Я поднялся на ноги, поднял Орнеллу и подошел к центавару.

— Да, я чужак, но скажи мне: почему корабли приземляются не в замке, а в долине?

Центавар насмешливо улыбнулся и ткнул пальцем в Орнеллу.

— Они не боятся смерти, их нужно запугать, причинить страдания: физические, душевные — поэтому пленниц гонят по этой дороге. Надпись на замке — тоже для них.

— Значит — для центаваров есть другие корабли и они находятся в замке?

— Да, но только эта информация тебе ничего не даст, потому что замок — опорная база галактики и ее секретность охраняется миллионами систем, они легко тебя поймают и ты еще сегодня пройдешь пыточный стол.

Он с глубокой иронией посмотрел на меня, скрестил на груди руки и кивнул головой в сторону джунглей.

— Смерть от людоедов — легкая смерть в сравнении с тем, что ожидает центавариюк и тебя.

В моей голове лихорадочно пронесли дантовские круги ада и я ощутил неприятный холод в груди от того страха, который вошел в мою душу. Я вспомнил слова старика-робота о неминуемой смерти, что ждет меня в замке и, обливаясь потом, почти бессознательным движением руки потянулся к ножу центавара и схватился за рифленую рукоятку. Но центавар отшвырнул меня в сторону. Его лицо исказила гримаса удивления и страха.

— Чужак, разве ты не знаешь, что нож — третья рука и четвертая не имеет права трогать его.

Я указал на Орнеллу.

— Немедленно освободи ее руки, иначе я прикажу роботам сжечь тебя.

Центавар отрицательно покачал головой и попятился назад, прижимая нож к бедру. Он оглянулся на замок, но до него было не менее двух километров, а вход был плотно закрыт. Я угрожающе поднял руку вверх.

— Говорю в последний раз.

Центавар обмяк плечами и плюнул под ноги.

— Глупец, на что ты надеешься?

Он подошел к девушке и начал аккуратно срезать куски проволоки. Орнелла напряглась, ее глаза лихорадочно заблестели, она словно проснулась, глубоко вздохнула и едва последний кусок проволоки был срезан, как она стремительно обернулась к центавару, вырвала у него из рук нож и коротким ударом сбила с ног. Центавар упал в молочную пелену и затих в ней, а Орнелла, переложив клинок из левой руки в правую, яростно блистая глазами, уже готова была вонзить оружие в центавара, но я предвидел ее поведение и встал у девушки на пути.

— Не смей, Орнелла, — и протянул к ней руку, — дай сюда нож.

Но она попыталась отшвырнуть меня в сторону, однако я увернулся, обнял ее за пояс и прижал к себе. Ее бешеные огромные глаза ненавидяще уставились в мое лицо, а с ее губ готовы были сорваться резкие слова. Я обхватил ее плотнее и поцеловал — это был единственный способ не поссориться с Орнеллой — когда я отпустил ее, она удивленно потрогала пальцами свои губы, быстро успокоилась и тихо сказала:

— Я полюбила тебя, землянин.

Она с подозрением глянула на меня и с некоторой досадой в голосе добавила:

— Только не говори, что тебя многие почему-то любят.

Я забрал у нее нож и ответил:

— Ты так прекрасна, что если бы ты появилась у нас на Земле, то люди приезжали бы издалека, чтобы полюбоваться тобой.

Я предполагал, что эти слова понравятся строптивой девушке, но вместо улыбки я увидел на ее лице возмущение.

— Ты опытный, землянин. Мне нравится то, что ты опытный.

С земли поднялся центавар, я протянул ему нож — он молча принял его и, потирая челюсть, ушел прочь.

Через минут десять наша колонна — сильно поредевшая — двинулась вверх по дороге. Роботы как прежде, це-

почкой, с двух сторон окружали ее, но теперь они внимательно следили за пленницами.

Я шел в конце колонны и, в глубокой задумчивости, смотрел под ноги; я не мог понять: почему двадцатипятилетняя Орнелла не предупредила меня о том, что ожидает меня в далеком прошлом, хотя предусмотрительно приготовила комбинезон. Но в эти минуты я больше всего удивлялся тому, как непохоже поведение этой — идущей рядом со мной, девушки на то, какое она уже проявила в отношении меня в качестве двадцатипятилетней женщины. Неужели это связано с тем, что годы изменяют людей настолько, что они забывают свое чувство, которое было в юности. А в более зрелые годы, когда великий случай сводит их вместе — ничто не трогает их души, а воспоминание о прошлом всего лишь как хорошая греза или короткий фильм, после которого можно спокойно заняться стиркой или мытьем полов.

Для той Орнеллы прошло десять лет и она забыла меня, при встрече смотрела спокойно и равнодушно, и как я ни старался — я не смог вспомнить ни одного любопытного взгляда, обращенного в мою сторону, или волнения. А ведь я такой наблюдательный и хорошо чувствую настроение любого человека на расстоянии.

А ее фраза в тюрьме Цилятус: «Поцелуйте меня» — прозвучала так не по человечески, как если бы она, зевая, сказала мне, указывая лениво на окно: «Евгений, переставьте горшочек с геранью в другое место — там птичка летит с какими-то чудными крыльшками, впрочем, не надо — это листочек...»

Я укоризненно посмотрел на Орнеллу — она не так поняла меня, улыбнулась, подошла ближе и вскоре я обратил внимание на то, что ее рука все чаще и чаще прикасается к моей с каким-то особым значением, а потом как-то ловко и легко легла в мою ладонь. Я обнял девушку за пояс — дорога была крутой...

Когда я, замыкая колонну, вступил во двор замка, то впервые смог рассмотреть те постройки, которые мельком видел три часа назад.

Строения были похожи на огромные нефтеналивные баки — они ровными рядами тянулись через весь двор и были удалены друг от друга на одинаковое расстояние.

Я позвал Циркона и спросил, указывая глазами на танки:

— Что это?

Он отрицательно замотал головой.

— Я не знаю — мы постоянно живем в казарме в городе, а здесь появляемся редко.

— Тебе что-нибудь известно об электронных системах слежки?

— Нет.

— А что ты знаешь о том Евгении, про которого говорил первый.

— Я слышал только обрывки слов, что его ищут.

Напа колонна в это время вступила в коридор крайнего танка, но не в тот, по которому мы бежали в первый раз. Через несколько минут роботы привели пленниц в круглый зал и едва девушки заполнили помещение, как охрана немедленно отступила назад, а сверху с глухим стуком опустилась решетка, которая отделила нас от пленниц. Я схватил Циркона за плечо и притянул к себе.

— Что я должен делать дальше?

— Вы, сэр, идете вместе с центаврами, а потом — через минут двадцать возвращаетесь с номерами из своего десятка и...

Робот замаялся и развел руками в стороны. Я потрянул его за плечо.

— Ну и что «и»?

— О, сэр, я не знаю, потому что в коридоре роботам находиться нельзя без дела. За каждую лишнюю секунду, проведенную здесь — у нас урезают суточный паек.

— А если я прикажу тебе ждать меня с огнеметом?

На глазах у робота появились слезы, он умоляюще сложил руки перед собой.

— О, сэр, простите меня, но я потеряю весь суточный паек.

Я в бешенстве рванул на себя Циркона и яростно зашептал ему на ухо.

— Дубина стоеросовая — я сделаю тебя главным роботом планеты, если ты будешь стоять здесь и ждать меня.

— Но, сэр, а как же паек?

Во взгляде Циркона сквозило неподдельное изумление и непонимание; я отшвырнул робота в сторону.

— Убирайся, гад!

Роботы построились в колонну и вышли во двор замка, а через минуту — уже без огнеметов — промчались мимо меня и скрылись за поворотом коридора.

Центавры один за другим подходили к коридорной стене, на которой на уровне груди был нарисован красный круг,

прикладывали к нему руку и тотчас слева от круга распахивались дверные створки. Едва центавр переступал порог — как они мгновенно смыкались за его спиной.

Рядом за решеткой стояли девушки и ожидающе, с надеждой смотрели на меня. Я подошел к ним, просунул руки через перешлетки решетки и погладил Орнеллу по щеке.

— Без тебя я не уйду из замка. Если я не вернусь через двадцать минут, то значит — убит.

Орнелла перехватила мои руки и покрыла их поцелуями.

«Черт возьми, — подумал я, — теперь придется ходить грязным, чтобы не потерять эти драгоценные знаки внимания».

После того, как центавры скрылись за дверью, я выждал некоторое время и, замирая душой, опустил руку на красный круг. Где-то за дверью раздался легкий шум механизма, створки дернулись, но не распахнулись, я покрылся холодным потом: неужели я сделал что-то не так? Может я должен был идти вместе с центаврами или даже впереди них?

Я сильнее прижал к стене руку, глубоко вздохнул и ощутил, как по лицу скользнули капли пота и негромко сказал:

— Если ты не откроешь мне дверь, то я принесу огнемёт и сожгу ее.

Створки медленно разошлись в стороны и я шагнул в крошечную темноту...

Глава шестнадцатая

Но едва за моей спиной хлопнула дверь, как тотчас вспыхнул яркий свет и я увидел перед собой небольшую пустынную комнату, где стояли вдоль зеркальных стен удобные кресла. Где-то у меня над головой раздался мягкий мужской голос:

— У вас не в порядке форма.

— Кто говорит?

— Я — парикмахер.

— Почему вы думаете, что не в порядке — ведь я вернулся из долины.

— У вас нет ножа, а без него вы не сможете войти в другие комнаты и не попадете в город.

— Я потерял его в долине — там была страшная свалка.

— Вот как, — иронично ответил голос и предложил мне присесть в кресло.

Едва я сел, как тотчас ощутил прикосновение к телу вол-

нообразных потоков воздуха. Мужской голос кашлянул и спросил:

— Вас постричь?

— Не надо.

— Побрить?

— Я не бреюсь.

— Странно... центавры бреются.

Я оглянулся по сторонам, но никого не увидел — мужской голос между тем снова кашлянул.

— Так вы говорите, молодой человек, потеряли нож в долине?

— Да, потерял нож в долине.

— А по-моему — у вас его не было, когда вы покидали замок.

Я чертыхнулся и, с досадой на себя за глупую наивную ложь, ответил:

— Не было — но будьте любезны — скажите, что ожидает меня за потерю оружия?

— Не знаю-не знаю.

И тогда я решил говорить прямо, потому что не видел выхода из своего положения.

— Я здесь первый день — вы могли бы ответить на мои вопросы?

— Конечно — говорите.

— Где находится кабинет Гордона?

— Слева по лестнице вверх и там увидите на двери единицу.

Я уже готов был встать с кресла, но почти неожиданно для самого себя спросил:

— А вы не знаете, где стоят космические корабли и как туда попасть?

Мужчина вздохнул и после продолжительного молчания ответил:

— Во-первых — простой парикмахер, как бы ни был он болтлив — об этом не должен говорить, а во-вторых — если вы спрашиваете об этом — значит вы не центавр, а Евгений, которого сейчас ищут в городе.

— Город находится под замком?

— Да.

Я вскочил с кресла.

— Где выход?

— Юноша, одну минутку. Вы мне нравитесь своей необычной горячностью и я, симпатизируя вам, должен вас предупредить...

— О чем?

— О том, что здесь каждая пылинка просчитывается и поэтому наш разговор вскоре поступит в главный компьютер.

— Когда он поступит?

— Через каждые пять минут вся информация о том, что происходит в замке и городе обрабатывается в спецотделе, а потом...

— И что потом?

— Если есть что-то интересное, то об этом немедленно узнает первый.

Спустя секунд пять я стоял перед дверью, на которой была нарисована цифра 1. Я нажал кнопку на панели, дверь распахнулась, я переступил порог и увидел Гордона, который неторопливо прогуливался по комнате, что представляла собой квадратное помещение, где стоял широкий стол, а перед ним находились не менее сотни кресел. В комнате кроме Гордона и меня никого не было. Гордон раздвинул тонкие губы в обычной своей презрительной улыбке и, глядя на меня холодным, пронизывающим взглядом, ровно сказал:

— Я только что узнал, что вы, двадцать первый, побывали в страшной переделке, из которой, как правило, никто не выходит живым — вам повезло.

Он округлым движением руки взял со стола пилку и начал шлифовать ногти и, почти не разжимая губ, продолжал говорить скрипучим голосом:

— Пожалуй вы, двадцать первый, достойны внеочередного повышения, а сегодня... — он посмотрел на свои наручные часы — ...я приглашаю вас к себе на обед.

Гордон подошел ко мне и, прижимая к лицу надушенный платок, брезгливо морщась, осторожно двумя пальцами приподнял мою руку за локоть и мягко улыбнулся мне бледным лицом.

— Посему же вы не благодарите меня, смелый юноша?

— Спасибо, сэр.

Сквозь материю комбинезона я почувствовал, что пальцы Гордона холодные и сильные. Как ни странно — однако в эту минуту я отметил, что этот человек очень располагает к себе.

Гордон вернулся к столу.

— У меня здесь возникла небольшая проблема, но я надеюсь, что вы, Евгений, мне поможете и мы легко вместе осилим ее.

И вдруг — о Боже! — я увидел в его пальцах мой студенческий билет. Но тут же я успокоился: в нем не было фотографии — еще в Томске одна девушка «взяла» на память разумеется без моего ведома.

А захватил я его с собой за границу не случайно, а с умыслом — хотелось прихвастнуть, если представится возможность перед заграничным лицом: хоть и ношу два года одни и те же блестящие сзади демисезонные штаны и еле держусь на ногах от голода, но я студент!

У нас советских особая гордость!

Гордон неторопливо раскрыл билет и прочитал все, что там было написано, а потом медленно поднял на меня свои холодные глаза.

— Эта странная книжка была найдена утром во дворе — вы, двадцать первый, не знаете такого человека?

— Нет, сэр, не знаю.

— Да, разумеется, в противном случае вы доложили бы мне сразу.

— Так точно, сэр.

Я осторожно перевел дух, чувствуя как по спине между лопаток скользят струи пота. Гордон внимательно глянул в мои глаза и, доброжелательно улыбнувшись, опустил палец на одну из кнопок, что находились на столе.

— По-моему, двадцать первый, с вашим лицом что-то происходит. Вам нужно расслабить его перед зеркалом.

Он нажал кнопку и в тот же миг часть стены быстро опустилась вниз, а впереди я увидел небольшую комнату, в которой со стульев поднялись два центавра с пулеметами в руках. Они направили оружие на меня — я шагнул назад, а Гордон, досадливо морщась лицом, наклонился к столу и раздраженно сказал в микрофон селектора:

— Немедленно устранить неисправность.

Он подошел ко мне и, виновато улыбаясь, тронул пальцами мое плечо.

— Не обращайтесь внимание на эту досадную накладку. Я надеюсь, что мой прекрасный обед заставит вас забыть об этом неприятном инциденте.

Он пригласил меня мягким движением руки подойти к стене, где через секунду появилось зеркало и деликатно отступил в сторону, но едва я глянул на свое отражение, как зеркало скользнуло вниз, открыв коридор, в котором стояла Орнелла. Она растерянно и удивленно смотрела на меня, ее руки держали два центавра, а рядом с ними улыбался иуда-Циркон.

Я с трудом сдержал крик.

Мне было ужасно стыдно перед Орнеллой за то, что я обманул ее, ведь она верила мне как Богу и наверное считала секунды, ожидая моего возвращения... О господи — да как я мог забыть, что центавры и центаврийки уничтожили в начале войны своих роботов, потому что боялись их предательства.

А Гордон, меж тем, ласково улыбаясь мне тонкими губами, театрально хлопал в ладоши и говорил:

— Bravo, Гордон, bravo — какая милая шутка. Я давно уже не испытывал такого наслаждения и веселья как сегодня, однако большее наслаждение меня ждет впереди...

Вдруг его лицо нахмурилось, он упер руки в бока и желчно сказал:

— Евгений, я поражаюсь вашей наивности и, простите, глупости: как вы могли довериться роботу — ведь он продал вас за половину пайка.

Циркон угодливо поклонился Гордону и, прикрывая кулаками рот, визгливо рассмеялся, однако тут же замолчал, расправил плечи и солидно посмотрел вокруг себя.

Гордон неторопливо прошел передо мной, с презрительной гримасой на лице сверля меня глазами, потом остановился рядом, едва не касаясь комбинезоном моей одежды. Его нож, что висел на поясе был всего в пятнадцати-двадцати сантиметрах от моей правой руки, а когда Гордон развернулся с поднятым кулаком, чтобы ударить меня — клинок дернулся в мою сторону и я не упустил свой шанс: я выхватил его из ножен, стремительно нырнул под бьющую руку центавра и, оказавшись у Гордона за спиной, немедленно прыгнул на него и прижал клинок к горлу. Гордон, раскинув руки в стороны, захрипел, а потом дико вскрикнул, как может кричать пойманный зверь. Он было дернулся, желая стряхнуть меня со своей спины, но тут же затих и вялым голосом приказал центаврам бросить оружие.

Циркон ошалело вытаращил глаза и скрылся в коридоре.

Мы с Орнеллой выбрали пулеметы. Я вернулся к Гордону и, сильно ударив его стволом оружия в живот, крикнул:

— Говори, где находятся корабли!

Гордон скрестил на груди руки и холодно ответил:

— Щенок, ты заплел мне лицо. От тебя дурно пахнет болотом и грязью.

Он вынул из кармана маленький пузырек, неторопливо открыл пробочку и прижал его к своему носу. Орнелла ударила центавра прикладом пулемета по спине, он упал на

колени и, отбросив пузырек в сторону, поднял руку вверх.

— Хорошо. — Он свирепо глянул на меня. — Ты предатель, а я к тебе так хорошо...

Гордон не договорил — Орнелла со всего маху обрушила на него новый удар прикладом, но теперь по голове. Центавр распластался на полу.

— Ты его убила.

— Ничего, — с иронией ответила центаврийка, — у них крепкие головы.

Гордон медленно поднялся на ноги и пьяной походкой приблизился к столу, согласно кивая головой.

— Да-да, сейчас, одну минутку.

Он нажал на одну из кнопок, а потом указал на стену, где появился стилизованный разрез замка, от которого вниз, в город уходили две линии.

— Вот, — одна из них начинается в том месте, где сейчас находятся пленницы и ведет прямо в театр, а вторая для центавров — она заканчивается у стартовой шахты для космических кораблей. Кабина подъемника, спустившись в город, двигается по нему как обычный автомобиль. Корабли здесь.

И он ткнул пальцем на широкий ствол, что поднимался от города на поверхность планеты.

Я приказал Гордону вызвать сюда всех пленниц, едва они появились, как мы с Орнеллой выскочили в коридор, в котором находились кабины подъемников, в одном из них — для центавров — были те мужчины, что прибыли в замок на корабле. Они сдали оружие.

Всем захваченным центаврам бывшие пленницы связали руки, а потом затолкали их вместе с Гордоном под сиденья кресел и разместились над ними.

Я еще раз глянул в оба конца коридора и подивился тишине и безлюдности — неужели в замке и городе никто не знает о том, что происходит здесь или за нами уже ведется слежка и где-то в середине пути или в конце его нас ожидает засада, впрочем, об этом расскажет Гордон.

Я протиснулся в кабину лифта и сел в кресло проводника, перед которым находился пульт управления с коротким рычагом, под ним на панели была шкала с делениями, а по обе стороны от нее — надписи: «Вниз»-«Вверх». Я дернул рычаг — двери с коротким стуком захлопнулись и лифт с воем устремился в неизвестность.

Перед моим лицом выше пульта управления вспыхнула

световая карта маршрута — по ней быстро скользила сверху вниз белая точка — это была наша кабина.

Я, не отрывая глаза от карты, поднял руку и крикнул:

— Дайте сюда Гордона!

В салоне поднялся шум, но через минуту наступила тишина и в этой тишине прозвучал удивленный голос Орнеллы:

— Его нет...

Глава семнадцатая

Я сбавил скорость кабины и выскочил в салон, начал сам внимательно осматривать центавров, но Гордона среди них не было.

Ко мне шагнул тот мой знакомец, который спас меня на дороге и с иронией на лице сказал:

— Чужак, зачем тебе нужен Гордон?

Я, в который раз оглядывая центавров, ответил:

— Он нужен мне в качестве заложника.

— А ты уверен, что Гордон и мы центавры имеем какое-то значение для службы безопасности?

— Если что-то знаешь — скажи.

Я развязал его руки. Центавр прошел к пульту управления и кивнул головой в сторону световой карты маршрута.

— Тебе нужен космический корабль, чтобы удрать с планеты?

— Да.

— Так зачем ты его покидаешь?

— Мы находимся в корабле?

Центавр указал пальцем в нижнюю часть световой карты.

— Здесь наша кабина выходит из шахты корабля и следует по улицам города как обычная машина — и я не сомневаюсь в том, что наша жизнь в этот момент измеряется временем, за которое мы пройдем расстояние до конца шахты.

— Что же делать?

— Надо вернуться в кабинет Гордона — там находится пульт управления кораблем.

Я в сомнении покачал головой.

— Если за нами следят, то едва мы начнем подниматься вверх, как об этом станет известно всем, кому это нужно.

И тогда центавр предложил мне свой маленький план: мы, то есть — я и он, на ходу выпрыгиваем из лифта на одну из площадок уровней и на аварийном подъемнике возвра-

щаемся наверх, а лифт с группой девушек будет продолжать медленно опускаться вниз. Таким образом мы сможем ввести в заблуждение службу безопасности и Гордона, а когда попадем в рубку управления, то сразу вернем лифт назад и покинем планету.

Орнелла потянула меня за руку и мы отошли с ней в сторону.

— Я не верю ему, — сказала она и положила руки на свою грудь, — что-то мне говорит: он лжет.

Я погладил ее по круглой щечке.

— Ничего, Орнелла, все будет хорошо.

Но девушка нетерпеливо отстранила мою руку и возмущенно топнула ногой.

— Центавры никогда не говорят правду!

— Но у нас нет выхода.

— Я пойду с вами.

Я вернулся к центавру и спросил его: почему он хочет покинуть планету.

— Мне надоела война — я хочу отдохнуть, хотя бы в плену.

В отличие от Орнеллы я верил этому центавру, к тому же, так называемое «что-то» говорило мне о том, что он желает мне удачи и не помнит зла, а меня — насколько я знаю — предчувствия никогда не обманывали.

К тому же Орнелла и центавр — лютые враги — они не могут верить друг другу даже в малом и очевидном.

Я подошел к двери и кончиком ножа раздвинул ее створки. За дверью мелькали тускло освещенные коридоры уровня и круглая стена шахты. Я сильно оттолкнулся ногой и прыгнул вперед и вверх, чтобы хоть немного смягчить тяжесть падения. Едва мои ноги коснулись площадки, как я немедленно упал на бок и покатился по коридору. За мной прыгнули Центавр и Орнелла, а в шахте с лязгом захлопнулись створки дверей кабины и она исчезла в глубине темного колодца.

Центавр указал в какой стороне находится аварийный лифт, и мы помчались по коридору в том направлении, вызвали подъемник. И когда, наконец, вернулись в тот уровень, где был кабинет Гордона, наш знакомец рывком распахнул дверь салона, выскочил в коридор и, махнув мне и Орнелле рукой, бросился вперед. Но едва я переступил порог, как две тени метнулись ко мне с двух сторон и в мгновение ока сбили с ног, связали локти за спиной и только потом подняли на ноги.

Передо мной стоял мой знакомый центавр и неторопливо вынимал из карманов комбинезона ключки материи — он развернул один из них, и я увидел на нем белую единицу. Я удивленно глянул на центавра, ничего не понимая, тогда он помассировал пальцами кожу под челюстью и, морщась от боли, начал стягивать ее с лица. Когда маска была снята — мне как прежде, холодно и брезгливо улыбнулся тонкими губами Гордон. Он бросил маску под ноги и, вынув из кармана зеркальце, внимательно осмотрел свое лицо, ровным голосом сказал:

— Я же говорил вам, Евгений, что самая прелестная штука будет впереди.

Глава восемнадцатая

Гордон небрежным жестом кинул в карман комбинезона зеркало и с коротким зевком добавил:

— Однако все получилось так просто и скучно, что прелесть новизны уже не доставляет мне удовольствия.

Он искоса глянул на меня и Орнеллу, ловко на одних каблуках повернулся к нам спиной и ушел к столу, где нажимая на кнопки, продолжал говорить:

— Я, Евгений, являюсь главой службы безопасности, которая охраняет город и замок. Сегодня утром во дворе был найден ваш билет без фотографии, но компьютер легко восстановил ее, а так же изложил некоторые любопытные детали: вы прибыли из далекого будущего. Гордон повернулся к нам лицом и сел на край стола, слегка кивнул головой в сторону Орнеллы. — Сия дама имеет какое-то отношение к вашему билету. Я запросил звездные компьютеры и вскоре получил ответ: эта дама является нашей пленницей и находится на корабле, который в данное время держит курс на нашу планету. Меня удивила странная загадка и я уже думал о сверхъестественной силе, когда внезапно увидел вас, Евгений, в коридоре и решил лично присутствовать на вашей встрече. Но вы не обратили внимание на даму и тогда я ударил ее, зная наперед как вы должны были поступить в такой ситуации — ваш характер мне был известен.

Ну, а в кабинете — надеюсь, теперь вы понимаете, что я играл вами.

Гордон с досадой плюнул и вынул из кармана платок, брызнул на него из маленького пузырька и торопливо, с облегченным вздохом прижал платок к лицу.

— Вы, Евгений, заплевали меня, когда кричали.

В это время комната начала медленно изменяться — все перегородки, стены, кресла и стол опустились вниз и я увидел перед собой круглый зал, вдоль которого за пультами сидели центавры и с улыбками глядели в нашу сторону. Над их головами на экране я заметил шахту и лифт, спросил Гордона:

— Что вы сделаете с ними?

Я имел в виду тех, кто находился в кабине подъемника.

— Когда лифт дойдет до конца шахты — он будет отстрелен.

— Но ведь там и центавры?

Гордон пожал плечами и направился к выходу.

— Я знаю об этом.

Он небрежно указал кистью руки на пульта управления.

— Корабль готовится к старту. Вы, Евгений, с вашей дамой будете доставлены на одну из планет Солнечной системы, где из вас возьмут всю информацию, которую содержит ваше тело и мозг.

Гордон остановился против меня и, мягко улыбаясь, вежливым голосом сказал:

— Я знаю — вы боитесь боли — поэтому мне приятно успокоить вас тем, что это не больно.

Он протянул руку и со словом «прощайте» — хотел потрепать меня по щеке, но я вцепился зубами в его пальцы и прокусил их до кости. Гордон вскрикнул и отпрыгнул назад.

— Гадкий мальчишка!

Центавр перевязал руку платком и, прижимая ее к животу, удивленно посмотрел на меня.

— Однако, мальчик, так-то вы цените мою заботу о вас и особое расположение к вам, но теперь, когда вы так несчастливи нарушили некие дружеские отношения между нами — я вынужден буду сказать вам правду: вас будут пытать и это будет страшно больно и долго.

В эту минуту я ни на что не надеялся, да и не было силы, которая могла бы спасти меня и Орнеллу и тех несчастных девушек в кабине лифта.

Но тогда каким образом осталась жива та — двадцатипятилетняя Орнелла — неужели был какой-то выход, что осталось незамеченным мной. И вдруг в моей душе все похолодело: я вспомнил слова Люси о том, что Гордон делал предложения Орнелле. Но если бы он отправил ее на смерть в этом мире, то разве осмелился потом, хотя и миллиарды лет спустя — делать ей настоячивые предложения?

Теперь, когда я подумал об этом, мне сразу стало понятно грозное предупреждение Циркона о неминуемой смерти в замке и то странное поведение Орнеллы в последние минуты на площадке у ворот, которое сейчас говорило мне о том, что ей было стыдно передо мной, несмотря на черствость души.

В эту минуту мне было тяжело от сознания того, что мной распорядились как игрушкой — я едва не расплакался от досады на свое легкомыслие и, видя краем глаза Орнеллу, которая смотрела на меня, отвернулся от нее и опустил голову.

Гордон неторопливо подошел ко мне и демонстративно медленно начал поднимать руку вверх — центавры, которые стояли по обе стороны от меня, дернули мою голову за волосы назад и я увидел впереди на противоположной стороне зала под самым потолком маленький балкончик с закрытой дверью.

Вдруг она с металлическим лязгом распахнулась и на площадку выскочил бородач, которого я видел в музее. В руках у него был пулемет. Мужик бросил его стволом на балконное ограждение и, умело прижав к щеке приклад, выпустил длинную очередь.

Гордон вздрогнул с занесенной над моим лицом рукой, обернулся на выстрелы, что-то крикнул яростно и бросился вон.

Пули со свистом прошли воздух вокруг меня и я почувствовал, что мои руки уже никто не держит. Тогда я помчался к лежащему на полу центавру, припал к нему спиной, вырвал у него из ножен клинок и, стоя на коленях, осторожно перерезал путы, что стягивали мои локти.

Вокруг меня ползали, бегали и прятались за пульта управления и кресла центавры — я перехватил одного из них и швырнул на стол, над которым на экране медленно опускался вниз корабельный лифт. Приказал поднять его наверх. Лифт на короткое мгновение остановился, а потом все быстрее и быстрее начал подниматься вверх.

В это время пулемет смолк.

Последние центавры стремительно убежали в коридор, а на полу неподвижно лежали несколько человек.

Я крикнул бородачу, чтобы он бросил пулемет вниз, и когда оружие тяжело звякнуло рядом со мной — я подхватил его и, не обращая внимания на Орнеллу, выскочил в дверь, увидел группу центавров, которые бежали прочь по коридору, дал короткую очередь над их головами.

Ко мне подскочила Орнелла, я разрезал ножом пути на ее руках и посмотрел на блеснувшее лезвие клинка, оно было голубым с четким рисунком вдоль лезвия: змея в стремительном броске с разъятой пастью.

Я передал нож Орнелле и хотел шагнуть за поворот коридора, где раздавались крики команд и топот ног, но девушка задержала меня — порывисто схватила мою руку.

— Почему ты глядел на меня плохо — что я такого сделала?!

Но едва я — чувствуя вину перед ней — обнял ее, как она сердито отстранилась.

— Не прикасайся ко мне.

Тогда я, понимая, что сделал в этом мире все, что мог и должен вернуться назад в далекое будущее, где за воротами замка ожидает моего появления Орнелла, спросил юную девчонку, ответ которой значил для меня очень много:

— Орнелла, ты любишь меня?

— Нет.

— Но ведь ты сама говорила... — начал было я, но девушка возмущенно топнула ногой.

— Землянин, с чего ты взял — я не могла сказать такое!

— О, Господи, — пробормотал я, и скороговоркой ответил, что мне нужно вернуться в будущее, однако я не решился предупредить Орнеллу о том, что однажды ее убьют, да и как это скажешь пятнадцатилетней девушке, которая презирает смерть и ничего не боится.

Между тем у моей прелестницы изменилось выражение лица — оно стало удивленным и растерянным. Орнелла положила руки на мои плечи и едва слышно сказала:

— Не уходи.

Эта нежная фраза так сильно тронула мою душу, что я готов был забыть все на свете, но, мысленно увидев двадцатипятилетнюю Орнеллу, торопливо заговорил:

— Мы с тобой встретимся через десять лет...

— Десять лет... — прошептала она растерянно, — почему так долго?

Я опустил глаза вниз — у меня не хватило духа признаться Орнелле в том, что наша встреча произойдет спустя вечность, и только смог невнятно пробормотать:

— Ты станешь такой холодной.

— Хорошо, — твердо сказала она, — я пойду с тобой, чтобы не быть через десять лет холодной.

— Но это невозможно. Я прибыл из будущего, посланный тобой, чтобы спасти тебя, а если мы сейчас вдвоем вер-

немся в тот мир, где меня ожидаешь ты — двадцатипятилетняя — то та Орнелла немедленно погибнет.

— А какое мне дело до меня двадцатипятилетней?

Я был растерян и не знал что предпринять. Я вдруг понял, что безумно люблю Орнеллу, которая ожидает моего возвращения у ворот замка, и хочу как можно быстрее вернуться к ней. На это Орнелла крепка сжала мой локоть двумя руками и даже — какая дерзость! — повелительно посмотрела в мои глаза.

Рядом с громким щелчком распахнулся лифт и в коридоре появились центаврийки, снова затрещали выстрелы, но все заглушила пронзительная сирена, после которой металлический голос объявил трехминутную готовность перед стартом.

Я уже было хотел рвануться и помчаться вон из корабля, но тут чьи-то крепкие руки схватили меня за плечи: и знакомый голос крикнул за моей спиной:

— Я же сказал тебе, Евгений, назад дороги нет!

Глава девятнадцатая

Я обернулся и увидел перед собой Гасана, который смеясь, распахнул свои объятия. Я кинулся ему на шею; мои глаза наполнились слезами, я ощутил в душе огромный прилив счастья при виде моего старого друга, и усталость.

Впрочем я тут же сделал шаг назад, с удивлением рассматривая его наполовину оторванную бороду, мешки с орехами и черного кота, который сидел у Гасана на плече.

Я хотел спросить приятеля о том, что все это значит, но в это время под моими ногами чуть дрогнул пол и я, понимая, что корабль покидает замок, вскрикнул и метнулся по коридору в сторону выхода.

О, как я хотел еще раз взглянуть на эту удивительную женщину!

Только в этот миг я вспомнил те мельчайшие подробности, на которые не обращал внимания в течение двух недель. Они выплывали из моего подсознания и я понимал, что она любила меня.

— Стой, Евгений! — крикнул Гасан, — я не смогу вернуть тебя назад.

— А твой слупливатель?

Я с надеждой посмотрел на чудесного кота, но Гасан отрицательно мотнул головой.

— Ты вне закона и не имеешь права появляться в том мире.

Он сильно встряхнул меня за плечи и поставил перед Орнеллой, которая удивленно и растерянно глядела в нашу сторону.

— Вот Орнелла — что ты еще хочешь?

Но я продолжал вырываться из рук Гасана и тогда он вынул из патронташа бутылочку с водус и, раскрыв мне пальцами рот, влил в него ароматную жидкость как маленькому ребенку. Я, захлебываясь и кашляя, проглотил божественный нектар и вскоре успокоился.

Мы вернулись в зал.

На огромных экранах я увидел наш корабль с разных его сторон. Он белой длинной стрелой мчал по звездному космосу, а за его зеркальным отражателем тянулся еще более длинный поток ослепительного огня.

Мы сели в кресла; я вяло спросил Гасана:

— Объясни, что произошло в этом мире — я ничего не понимаю.

— Объясню, но перед этим слушай последний приказ Орнеллы: через два дня ты будешь на Центавре в подземном городе, ты узнаешь, где находится Станция слежения и перемещения, и уничтожишь ее.

— Но зачем?

Гасан протянул мне листки бумаги.

— Это письмо от Орнеллы... Мы не знаем, что такое Станция слежения и перемещения, где она находится, что от нее можно ожидать. Магматикам удалось найти ее и на короткое время ослепить. Появилась Орнелла... Она немедленно воссоздала прошлый штат разведки из тех, кого она знала. В новую цивилизацию вошли и представители враждебной — когда-то враждебной — для нее стороны. Мы разработали план, с помощью которого я должен был попасть на Циплятус: вызвали мутацию птиц Гоа, после чего я был приглашен со своим слушлителем на эту планету и, пользуясь простодушием циплятусианцев, забрал его из музея, и на время оставил замок, чтобы отправиться на Землю и подыскать подходящего человека, исчезновение которого не вызвало бы ни у кого тревоги.

Я наблюдал за тобой, принимая разные обличия, однако за мной внимательно следили агенты Циркона, среди них была Джесика — двойной агент. Я не знал, что она выполняла параллельное со мной задание — охраняла тебя.

Станция не имеет права перемещать кого-либо во време-

ни — это сделал мой слушатель. Я — с того момента, как ушел в прошлое — находился вне времени, потому что я хорошо известен в этом мире: системы слежения центавров за несколько секунд расшифровали бы меня и нашли в любой точке планеты...

— Но если я уничтожу Станцию, то вся ваша цивилизация погибнет.

— Да, но это произойдет в один миг: в галактиках исчезнут сотни и сотни планет, которые хранит Станция — всему должно быть начало и обязательный конец... У нас были свои бальзаки, толстые, рембрандты — прошли годы — и оказалось, что все это никому не нужно — ни в прошлом, ни в настоящем времени. Тысячи цивилизаций возрождались и гибли в космосе, не оставляя после себя даже пыли, а вы там, на Земле, с вашей убогой фантазией строите какие-то пестрые миры в далеком будущем, которые точь-в-точь похожи на ваш земной мир только с аурой фантастики...

Гасан посмотрел на часы.

— Мне пора.

— Ты не знаешь кто убил Орнеллу?

— Нет.

— А почему Циркон хотел уничтожить меня в Египте?

— Он робот, а роботы любят жить бесконечно долго: со смертью Станции от него и пыли не останется... но все, прощай. Я не могу последовать за тобой.

Мы обнялись, а через несколько секунд Гасан вместе со своим аппаратом растворился в воздухе.

Я развернул листки бумаги и прочел:

«Ты явился в наш мир таким пустым, глупым, легкомысленным, что я долго не могла понять: да за что я полюбила его в свои пятнадцать лет?»

Моя память миллиарды лет хранила тебя совсем другим...

Когда в далеком прошлом за моей спиной раздался выстрел и я поняла, что это смерть, то в моем затухающем сознании прошли те картины, которые только что в замке и долине видел ты, и я ужаснулась от того, что никогда больше не увижу тебя, который явился однажды в мою жизнь в блеске славы и удачи. Я смотрела на тебя как на Бога и надеялась тобой не могла...

Я хотела побыть с тобой рядом, хотя бы две недели, понимая, что ты не тот, кого я люблю и помню — ты был для меня чужой, незнакомый, неприятный, и все-таки... ты был

тот, кого я скоро должна была безумно полюбить. Я не знала как вести себя с тобой и злилась на себя и на тебя.

Через десять лет после того, как мы бежали из замка Магнус — ты убил меня.

Я была у себя в кабинете и готовила приказ о поиске и уничтожении Станции слежения и перемещения, как вдруг я почувствовала, что ты идешь ко мне, и я увидела твои мысли. Ты спал, а в твоём сновидении кто-то пробирался в мой кабинет с целью убить меня. И в тот момент, когда «некто» ворвался ко мне и уже поднял пистолет, чтобы выстрелить — на пороге кабинета появился ты, Евгений. У тебя были широко открыты глаза, но ты спал.

Ты стремительно выкинул руку с оружием в мою сторону: на том месте, где сидела я — находился убийца из твоего сновидения. Я повернулась к ящику стола, чтобы выхватить из него свой пистолет, но ты опередил меня...

И тут же проснулся, а когда увидел, что я мертва — пустил себе пулю в висок...

А потом произошло чудовищное событие: я была отправлена к монстру, которого хотела уничтожить — и стала вечной...

Когда ты отбывал срок наказания на планете-тюрьме, я дала тебе таблетки, одна из которых была снотворным. Я знала, но хотела убедиться еще раз, что это ты убил меня в прошлом и что Станция подыскивает способы вновь покончить со мной, но теперь навсегда руками того единственного человека, которому я всегда верила.

Если я почувствую, что этот мир, в котором я живу — рухнет, то значит тебе удалось убить монстра...»

Когда я прочитал это письмо я в изумлении вскочил на ноги: неужели я не смог выполнить задание Орнеллы?! Что же могло помешать мне — ведь я предупрежден и не отступлю, пока собственной рукой не разрушу эту загадочную Станцию!

Докладная записка.

Господин президент, в связи с тем, что в последние годы участились попытки противника, а также некоторых групп наших сограждан уничтожить Станцию слежения и перемещения — я прошу вашего разрешения на создание второй модели станции, вещество которой будет введено в мозг новорожденного человека, о чем он никогда не узнает.

Вещество будет законсервировано в голове человека до тех пор, пока не погибнет или не будет остановлена по какой-либо причине нынешняя Станция.

И только после этого компьютерная масса начнет прогрессировать и управлять всеми электронными системами нашей планеты, а в будущем — галактики и Вселенной.

В случае смерти человека-носителя Станции — его тело желательно в неприкосновенности отправить в космос.

Господин президент, если вы позволите мне сделать такую уникальную операцию, то во избежание утечки информации — после создания человека-робота — прошу вас стерилизовать вместе со мной свою память о том, что вы только что узнали.

Главный конструктор Станции слежения и перемещения Коло.

ВОЙНА С ДЕТЬМИ

Рассказ-предостережение

Виктор Толстопрядов. Профессия? Пишет стихи. Да, посредственные. Где-то, кажется, учился? Политехнический институт. Не закончил? Ушел после пятого курса. Сдал госэкзамен по военной кафедре. Ракетчик. Офицером не стал. Кем стал? Пишет стихи.

Тут маленькое обстоятельство: на улицах города танки и ракетные установки, одна из них расположена на пустыре, за которым следит Виктор. Он уже несколько раз перебежал от угла дома к тумбе с афишей и обратно.

Виктор Толстопрядов кое-что понимает в работе оператора, по крайней мере, запустить бы смог. Он опять перебежал к тумбе с афишей. Оттуда удобней наблюдать, но страшно: вдруг заметят?

Виктор перебегает обратно за угол дома. Это двадцать восьмая перебежка.

Виктор Толстопрядов когда-нибудь женится. Был женат? Нет. Несколько человек считали его своим. Как он относится к сексу? Пугает с кексом. Виктор умен задним умом. Как это? Вот еще. Буду я вам показывать.

Темнеет. Виктору надо бы уже и домой. Комендантский час. Витя, домой.

Последний раз Виктор перебегает к тумбе с афишей. На позиции никого нет. Куда все делись?

Виктор Толстопрядов либерал, но ему очень хочется запустить ракету, пусть даже она немного боевая. Он подходит к пусковой установке. Она приведена в готовность номер один. Куда нацелена ракета? Надо взглянуть на введенную дальность. Пятьдесят километров. Что там находится? Областной детский дом.

Виктор Толстопрядов хороший друг, он никогда не подведет товарища. Виктор подходит к рубке оператора. Виктор влезает в рубку. К установке бегут дети. Красная кнопка: пуск.

Пуск. Ракета отрывается. Виктор скорчился в рубке. Обожженные трупы ребятишек заносит снежок из пепла.

Неделю назад человечество объявило войну детям.

Виктор Толстопрядов знает о себе все. Рост, вес, день рождения. Но он не знает, как поведет себя, если ему самому когда-нибудь понадобится убить ребенка.

Виктор выбирается из рубки и бредет по пустырю к ближайшим строениям. Это квартал полуразрушенных деревянных домов. Ночами здесь происходят жуткие вакханалии и творятся неправдоподобные жестокости.

Виктор Толстопрядов видит группу мужчин, которые волокут мальчика лет шести. Правая рука у него болтается, как плеть, но он не издает ни звука. Виктор Толстопрядов любит читать. Наибольшее удовольствие ему доставляют книги, в которых подробно описывается рост благосостояния героев, поэтому лучшая книга для него — это «Робинзон Крузо». Список вещей, взятых Робинзоном с разбитого корабля, — наисладчайшая поэма.

Виктор видит, как мальчика прислоняют к бревенчатой стене дома и оставляют в таком положении. Пять человек с винтовками наизготовку становятся перед ним.

Виктор Толстопрядов — недоучившийся инженер-оружейник. Он легко может определить, какой системы ружье или пистолет. В данном случае — это обыкновенные трехлинейки.

Промедление незначительное. Залп. Мальчик падает как подкошенный. У него вытянутое лошадиное лицо. Он был полноватым, но не толстым.

Виктор Толстопрядов в полной растерянности. Когда он бывает таким? Когда с ним разговаривает более умный человек. Сейчас то же самое.

Мужчины, расстрелявшие ребенка, подходят к Виктору и спрашивают его: не видел ли он где детей?

Недоучившийся инженер вспоминает, что в соседнем дворе, кажется, кто-то копошился. Ему отвечают: плохо дело, старик, они загнали нас в угол. Будь осторожен. Мы проигрываем, потому что не сразу отнеслись серьезно к грозящей нам опасности.

Виктор Толстопрядов чувствует себя скверно, ему неудобно перед своими товарищами. Почему? Ведь в соседнем дворе, кажется, никого нет.

Виктор бежит, не разбирая дороги. Он не хочет никого встречать: ни детей, ни взрослых. На веревке, натянутой между двух столбов, он находит штаны и рубаху и решает переодеться, чтоб его не узнали мужчины, введенные им в заблуждение.

Свою одежду Виктор собирает в комок, после чего идет к огромной железной бочке, чтобы спрятать ее там.

Виктор Толстопрядов никогда не боялся пойти ночью на кладбище. Может быть он боится чего-то другого? Нет. У него здоровая психика. Это знают все его знакомые. У них тоже здоровая психика.

Виктор слышит стоны. Кажется, что стонут в рупор. Становится просто страшно. Но где так могут стонать? Виктор подходит к бочке ближе. Она велика и наполовину полна людских тел. Один мужчина с переломанными ногами пытается добраться до края. Видимо, он единственный оставшийся в живых. На нем мятый офицерский китель.

Недоучившийся инженер помогает ему вылезти и осторожно укладывает на землю.

— Кто это сделал? — спрашивает он, содрагаясь от ужаса.

— Эти... эти сволочи, подонки-дети.

Страдалец закрывает глаза и тихо отходит.

Виктор Толстопрядов человек дела. Он умеет взяться за него с той стороны, с какой надо. Он никогда не идет по пути проб и ошибок. План действий моментально созревает у него в голове.

Виктор кладет мертвеца в канаву и забрасывает его чем попало. Можно идти. Но внимание Виктора привлекает покрывало, лежавшее у стены дома. Оно шевелится. Наш герой поднимает его. Под ним ребенок из армии детей. Ему не больше тринадцати лет.

Виктор Толстопрядов красивый мужчина. Хорошо сложен? Да, занимается спортом. Каким? Плавание. Ну, тогда понятно, почему у него хорошая фигура.

Виктор треплет исцарапанного ребенка ладонью по щекам. Тот приходит в себя.

— Вставай, пошли.

— Я в плену?

— Да.

Недоучившийся инженер связывает веревкой руки пленника и ведет его за собой. Они пробираются к центру города. Там и здесь пылают деревянные части зданий: крыши, оконные рамы.

Улицы завалены горами битого кирпича. Удушливый запах паленого мяса заставляет внутренне содрогаться при каждом вдохе.

Виктор Толстопрядов болеет душой за судьбы цивилизации. Он серьезный человек, и поэтому не безразличен к будущему планеты. Это похвально? Да.

Виктор ведет своего пленника по горящему городу. Они проходят мимо разрушенного одноэтажного дома. У него сорвана крыша и выбиты все стекла в окнах. Через одно из них, как раз напротив которого они сейчас, хорошо видна внутренность комнаты. В ней царит страшный беспорядок: перевернутые стулья на полу, раскуроченный шифоньер, по углам горы тряпья. И посреди полнейшего хаоса на столе сидит живое существо — это обезьяна, по всей вероятности, сбежавшая из разоренного зоопарка. Она отыскала где-то пару капроновых чулок. Один натянула себе на ногу. Приноравливается как бы натянуть второй. Пленник смотрит на нее и говорит: когда обезьяна будет в чулках, то перестанет отличаться от человека.

Виктор Толстопрядов поражен этой неожиданной мыслью. Нет, она не безумна. Она имеет какой-то фрейдиский смысл: чулки на кривых волосатых ногах.

Вперед мальчик, иди быстрее. Для твоего незрелого ума это, кажется, чересчур глубокая мысль.

Виктор ведет своего пленника дальше по загроможденным обломкам зданий, улицам. Окружающие виды напоминают Виктору декорации специально изготовленные для съемок фильма, на которых он однажды был. Там снимали войну.

Путники приходят к развалинам трехэтажного здания. И с трудом отыскивают в них узкий ход в подвал, где укрылись несколько женщин и девушек.

Когда глаза новоприбывших привыкают к полумраку, они видят убогие конуры вдоль коридора. Из них выглядывают обитательницы этих склепов.

— Зачем ты привел нам его? — раздается вопрос.

— Может быть обменяем на кого из наших!

— Отдай его нам, отдай. Растерзать его! Смерть! Смерть!

Женщины бросаются на пленного ребенка.

Виктор Толстопрядов — хороший человек. Однажды он спас котенка из рук злых мальчишек. Зверька хотели закидать камнями ради забавы. Забава не вышла. Теперь Виктор вторично за свою жизнь спасает живое существо от расправы.

Пускай пленник посидит на веревке в сыром углу. Там холодно и страшно. По ночам того, кто там сидит, крысы берут в заложники, и он до утра дрожит от ужаса не в силах даже задремать.

Виктор Толстопрядов любит поболтать с женщинами,

ничего если они тут в измятых платьях и со-всклоченными невымытыми волосами.

Виктор садится возле горящего у входа костра и с наслаждением греет озябшие руки, держа их на приличествующем расстоянии от пламени.

— Давно ваши ушли? — задает он вопрос.

— Вчера девчонка из соседнего подвала приходила и говорила, что на Западе, в квартале отсюда, видели стаю диких собак, дерущихся за кусок окорока. Мужчины тут же собрались и двинулись в том направлении. Мы поднимались по неразрушенной стене на третий этаж и видели, как они втянулись вереницей в проход у реки. Больше об них мы ничего не знаем.

— Что же вы будете делать?

— Мы хотели пойти поискать пищу, но боимся детей.

Виктор Толстопрядов продолжает разговор и тайком поглядывает на одну молодую женщину. У нее маленькое личико и стройная фигура. Она очень сдержана в разговоре. При остроумных замечаниях Виктора она только издает деликатный смешок.

Разговор продолжается. Свет костра делает лица женщин красными. Кажется, что каждая из них только что где-нибудь в сторонке постояла минуты две на голове. Женщины рады приходу мужчины. Мужчина — это защитник. Хозяйки подвала напуганы долгим отсутствием мужей.

Разговор продолжается. Виктор Толстопрядов хотел бы остаться здесь надолго. Он смотрел все на ту же женщину. Он знаком с ней. Ее зовут Белли. Три года назад у них был роман, но потом последовал разрыв. Виктор рад. Сегодня он наверняка улучит момент поговорить с ней и, быть может, все будет хорошо, и все у него с Белли сложится. Однако он осознает, что на рассвете необходимо идти искать какую-нибудь воинскую часть, чтобы с ее помощью эвакуировать женщин.

Виктор Толстопрядов никогда не уклоняется от выполнения своих обязанностей. Он знает свой долг. Согласно всеобщей воинской повинности он должен явиться на призывной участок. Где тот находится? В том-то и дело.

Неожиданно выясняется, что помимо Виктора в подвале находится еще один мужчина — это дряхлый старик. На ночь его с палкой в руках ставят охранять вход. Полная бессмыслица — учить его немощь.

— Дедушка, — спрашивает Виктор, — зачем ты сидишь у

входа? Придут дети, ты же не сможешь ничего сделать, а прикончат они тебя прикончат.

— Знаю, сынок, знаю, но вот буду я здесь сидеть, они придут, захотят пройти, а я не уйду, может они не захотят меня убивать, на это вся надежда.

— Что ты, дедушка, плохо ты их знаешь.

— Ой-хо-хо-хо хо-хо хо-хо.

— Может быть забаррикадировать вход? — спрашивает Виктор у женщин, и те охотно соглашаются.

Начинается работа. Кладут набор несколько кухонных столов, которые заваливаются булыжниками и разными железьяками. Оставляются узкие бойницы для стрельбы из единственного автомата.

Виктор Толстопрядов умеет обращаться с оружием. Во время военных сборов его вместе с однокурсниками водили на стрельбы. Виктору Толстопрядову нравилось ходить строем. Плечом к плечу с тобой твои товарищи. Слаженность и регулярность.

Баррикада обеспечивает некоторую безопасность. Свет горящих зданий освещает площадку перед входом в подвал. Достаточно одного наблюдателя, чтобы поднять тревогу. Виктор доволен. Он мог бы стать неплохим инженером.

Виктор отходит от постройки, обтирая руки об штаны, и краем глаза он замечает нечто поражающее его до глубины души: Белли о чем-то тихо разговаривает с пленником.

Виктор Толстопрядов чувствует, как разъяренная кошка ревности, предварительно старательно ошпаренная кипятком, вцепилась острыми когтями ему в сердце.

Зачем Белли разговаривает с пленником, что она хочет узнать? Непонятно. Говорят они явно доброжелательно. Виктор удивлен и обеспокоен этим. Потом ему приходит в голову, что смешно ревновать к мальчишке.

Виктор Толстопрядов любит удобства, но никогда не делает трагедии из-за того, что их нет. Он неторопливо идет в одну из келий, укладываясь на ворох тряпья. Через минуту он слышит легкие шаги, приближающиеся к его ложу. Хрупкая фигурка Белли возникает в дверном проеме. «Иди сюда» — говорит Виктор отодвигаясь к стенке. Белли послушно садится рядом с ним.

Виктор Толстопрядов — сильный человек. Он не любит показывать, что испытывает волнение при любимой женщине.

Виктор чуть хриловатым глосом говорит: «Я рад, что ты

пришла, что ты не забыла меня, ведь мы не виделись три года».

Белли отводит в сторону глаза и отвечает: «Я хотела узнать, что творится вокруг. Говорила об этом с пленником. Скажи, все, что ты рассказывал, правда?» «Да». «Господи, как это ужасно!» «Что поделаться?!» «Дело в том, дело в том, что здесь рядом в подвале скрывается моя мама, а с ней мой ребенок. Я боюсь рассказать об этом кому-нибудь, потому что, сам знаешь, меня обвинят в сочувствии к детям. А я только ношу маме еду тайком по ночам. Я хотела бы быть на ее месте, но она не сможет добывать так много еды, как я».

«Зачем ты мне все это говоришь?» «Это и твой ребенок...» «Что?!»

«Я не отрицаю, что дети жестоки и безжалостны, но он еще такой маленький и мне жалко его».

«Почему же ты раньше не дала мне знать, что у нас есть ребенок?»

«Потому, что хотела воспитать его сама. Но теперь только ты можешь спасти Ивана». «Ивана?» «Да. Уже два дня у нас нет еды. Помогите».

«Как же быть? Он же ребенок!» «Виктор!» — произносит жалобным тоном Белли.

«Разве ты не знаешь, как дети поступают со всеми нашими попавшими к ним в плен?» «Знаю, но он еще так мал, и он твой сын».

«Что мне с ним делать?» «Найди ему еды». «Но это преступление».

«Как хочешь», — произносит Белли сухо и встает.

«Не уходи», — восклицает Виктор, но Белли уходит.

Виктор Толстопрядов потрясен свалившейся на него новостью. Он чувствует, что решимость его воевать исчезла. Оказывается у него есть сын. Однако Виктор не знает, как относиться к этому. Мозг его напряженно работает. Виктору Толстопрядову не до сна, хотя все другие в подвале давно уже спят. Виктор думает.

Наконец, так и не придя ни к какому определенному решению, Виктор поднимается с вороха одежды и идет к выходу, чтобы поговорить со стариком, в надежде, что мужчина поймет мужчину. Виктору очень нужен совет.

Старик сидит на стульчике у бойницы и что-то бормочет себе под нос. «Дед», — спрашивает Виктор, — «у тебя есть дети, внуки?» «Да». «Где они?» «Кто их знает? Воюют, наверное». «А внуки у тебя взрослые?» «Да» «Дед, у меня сын маленький. Мне сказали, где он. От меня зависит его спасти.

Слышишь, я хочу его спасти. Что ты молчишь? Я думал, ты будешь возмущаться». «Зачем? Поступай, как велит тебе совесть». «Тогда мне надо найти еду». «На», — говорит старик и протягивает Виктору полбуханки черного хлеба. «Откуда он у тебя?» «Это на крайний случай. Бери, тебе нужно».

Виктор Толстопрядов очень отзывчивый человек. Его легко можно расположить к себе, оказав небольшую услугу. Виктор жмет руку старику и идет в каморку Белли.

Белли сидит в темном углу и тихонько плачет. В полумраке она похожа на живое шевелящееся кресло. Виктор трогает ее за плечо и говорит: «Пойдем, покажешь, где скрывается твоя мать. Я достал хлеб».

Белли продолжает плакать, но уже от радости, и Виктору приходится выносить ее за баррикаду почти на руках. Старик в это время смотрит куда-то в сторону, как будто он не причем.

Виктор Толстопрядов с Белли углубляются в лабиринт разрушенных зданий, освещаемый догорающими и вновь вспыхивающими то здесь, то там пожарами. Дорога приводит их к огромному холму, составленному из каменных блоков — это все, что осталось от девятиэтажного дома.

Виктор и Белли через большую трещину в плите спускаются в подвал, который находится под домом. Там их встречают мать Белли и ребенок. Ребенок хнычет, а мать Белли пускается в длинные, тягучие причитания

Но тучи быстро рассеиваются и им на смену приходит радость от встречи. Мальчику уже два года, и он очень ловко и быстро ушлетает хлеб.

Виктору Толстопрядову необычно чувствовать себя отцом. Он натянуто улыбается и не знает куда девать руки. Но Белли с матерью втягивают его в хлопоты вокруг малыша, и скованность проходит. Теперь уже течет плавный разговор, прерываемый полными нежностью восклицаниями.

Проходит какое-то время и семейную идиллию внезапно нарушают безумные крики ворвавшихся в подвал женщин. Дед оказался предателем и выдал Виктора с Белли. За ними следили и теперь они очутились в ловушке. Женщины бешутся и бьются в истерике.

Виктор Толстопрядов — умный человек, он знает, что все диктаторские режимы держатся в основном на истеричных женщинах, зараженных простыми идеями. Виктор понимает, что ничего хорошего от женщин и сейчас ждать не приходится.

И действительно, беснующиеся фурии требуют, чтобы

Виктор выбирал: или он задушит ребенка, или он сам будет убит.

Белли трепещет и колыхается в руках двух наиболее здоровых теток и пылающим взглядом смотрит на Виктора. Ее мать, стоя на коленях с Иваном на руках, молит о пощаде самую агрессивную и громогласную женщину в ярко-красном колпаке, предводительствующую среди своих товаров.

Но со всех сторон слышно только одно: «Смерть, смерть!»

Тогда Виктор решает. Он берет сына и медленно направляется к камню, выбранному для жертвоприношения. Вое женщин слышится уже тоска по покинутой их предками древней родине. Они щелкают зубами и расцарапывают себе лица ногтями, рыдая от восторга.

Виктор Толстопрядов не боится смерти. Если бы он мог своей жизнью купить жизнь ребенку, он ни на секунду бы не задумывался, но такое соглашение невозможно, и Виктор понимает это.

Однако и убить Ивана он не способен. Остается одно. Виктор делает резкий прыжок и, склонившись над Иваном, врывается в толпу женщин. Внезапность нападения помогает ему вырваться на свободу. Он стремительно бежит по ходам подвала, потом выбирается наружу и продолжает бег уже по осколкам плит.

Наконец шум погони замирает вдали, и недоучившийся инженер может отдышаться. Он останавливается на краю расселины, преградившей ему путь и собирается с силами перед прыжком. Все хорошо. Виктор чувствует себя победителем и героем. Что случилось с Белли и ее матерью он не хочет думать, главное, ребенок спасен. Ну, что ж, вперед.

Но в момент, когда Виктор заносит ногу над пропастью, малыш кусает его за палец. От неожиданности и резкой боли Виктор теряет равновесие и, выпустив Ивана из рук, соскальзывает с карниза вниз.

Он не расшибся насмерть, потому что падал с небольшой высоты, еще ему повезло, что он не попал на острые камни. Это хорошо.

Мальчик остался наверху и, осторожно высунув голову над краем пропасти, с любопытством наблюдает за действиями Виктора, который пытается выбраться из колодца. И проходит пять, десять минут, прежде чем Виктор убеждает, что все его усилия напрасны. Он попался в самую настоящую яму для ловли волков или тигров. Нависающие пли-

ты не дают возможности нигде схватиться рукой, так что без чужой помощи ему отсюда не выбраться.

«Позови, позови кого-нибудь», — обращается он к сыну, потому что он его последняя надежда. Но в ответ мальчик довольно смеется и, помотав отрицательно головой, убегает.

Виктор понимает, что он обречен на медленную и ужасную смерть. «Стой!» — кричит Виктор, но тут же горькая, но мудрая мысль приходит к нему в голову, как к истинному поэту и философу: «Что же, надо воспринимать все, как есть. Гражданская война — есть гражданская война. Кто же виноват, что Иван по убеждению ребенок, такова дань его возрасту».

Реализаторов — оптовиков мы
ждем по адресу Рязанский пр.
82/5 (417 почта, со двора) .
проезд до м. Выхино.